

Лидия Чарская

Газават

Лидия Алексеевна Чарская

Газават

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635465

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Персонажи повести Л. Чарской «Газават» – молодой русский офицер, его друг – сын вождя восставших горцев, привязавшийся к России и полюбивший русских, юная страдальца, попавшая в плен к горцам, свирепый и жестокий воин-мюрид, добрая сострадательная чеченка и многие другие – это большей частью лица исторические. Все они группируются вокруг знаменитого вождя кавказских мюридов Шамиля – предводителя в многолетней борьбе горцев за веру и свободу.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	71
Глава 10	78
Глава 11	86
Глава 12	93
Глава 13	99
Глава 14	112
Часть вторая	118
Глава 1	118
Глава 2	127
Глава 3	138
Глава 4	147
Глава 5	155
Глава 6	163
Глава 7	170

Глава 8	180
Глава 9	189
Глава 10	195
Глава 11	201
Глава 12	210
Глава 13	225
Глава 14	233
Глава 15	241
Глава 16	248
Глава 17	253
Глава 18	260
Глава 19	272
Часть третья	284
Глава 1	284
Глава 2	290
Глава 3	302
Глава 4	309
Глава 5	315
Глава 6	323
Глава 7	330
Глава 8	339

Лидия Алексеевна Чарская

Газават

Часть первая

ЗАЛОЖНИК

Глава I

Предсказание Фатимы

– Ля-иллях-илль-Алла! – звучит протяжно-заунывный призыв с высоты башни мусульманского храма.

– Ля-иллях-илль-Алла! – вторит ему эхо недоступных горных стремнин и глубокие темные бездны.

– Ля-иллях-илль-Алла! – снова выкрикивает высокий, бронзовый от загара старик в белой одежде, медленно поворачиваясь лицом к востоку и, помолчав немного, добавляет тем же певучим, гнусавым голосом:

– Магомет-рассуль-Алла!

Это мусульманский священник[– мулла, призывающий правоверных к обычной утренней молитве.

Солнце медленно и плавно поднялось над горизонтом и, брызнув целым потоком лучей, окрасило пурпуром и ме-

четь, и аул с его крошечными хижинами – саклями – в виде ласточкиных гнезд, прикрепленных к вершинам огромной недоступной скалы. Утро начиналось. Аул оживился.

Плоские кровли саклей стали покрываться молящимися. Один за другим спешили правоверные – как называют себя мусульмане – совершать утреннюю молитву – сабах-намаз. Быстро совершив обычное омовение, они расстилают небольшие коврики, так называемые намазники, и, примостившись на них, шепчут молитвы. Лица их повернуты к востоку – так как на востоке находится священный город Мекка, где родился и умер Магомет, святой пророк мусульман, основатель их веры. И, приступая к молитве, они повторяют те же слова, которыми мулла призывал прежде всего к намазу: «Ля-иллях-илль-Алла, Магомет-рассуль-Алла!» – «Нет Бога, кроме Единого Бога и Магомета – пророка его!» – слова, составляющие основу мусульманской религии.

Из внутреннего двора сакли или, вернее, нескольких саклей, соединенных между собою крытыми галереями, обнесенных каменной стеною и носивших громкое название сераля, то есть дворца, вышла небольшая толпа женщин. Некоторые из них укутаны чадрами или покрывалами, плотно охватывающими весь стан и голову и имеющими лишь маленькие отверстия для глаз. Это замужние: по закону Магомета они не имеют права открывать лица вне дома и при мужчинах. Рядом с ними, держась немного поодаль, следуют девушки, с открытыми лицами, с длинными черными коса-

ми, перевитыми золочеными и металлическими бляхами, в то время как у женщин даже волосы скрыты под чадрой.

Двое из женщин, шедших впереди, одеты наряднее остальных, и держатся они как-то особняком от толпы. Прочие, следуя за ними на почтительном расстоянии, несут на своих сильных плечах глиняные кувшины. Впереди женщин бегут два мальчика, одетые в длиннополые кафтаны, обшитые галунами и перетянутые поясами серебряной чеканки с чернью. За пояса заткнуты маленькие кинжалы. В блестящих, пришитых на груди патронниках заложены патроны. На бритых, по горскому обычаю, головенках – мохнатые папахи из белого барана.

Один из мальчиков выше и стройнее. У него красивое, тонкое личико, прямой, точеный нос и черные глаза, сияющие искренностью и добротой. Другой – рыжеватый и плотный, с лицом, исполненным лукавства, далеко уступает первому в стройности и красоте лица и фигуры. И все-таки и черненький и рыжий мальчики похожи друг на друга как два родных брата. Они и есть братья, сыновья великого имама, вождя, первосвященника и полновластного повелителя горцев, от одного слова которого зависит жизнь тысяч преданных ему воинов. С мальчиками – жена и сестра имама – их мать и тетка и целая толпа караваш, то есть служанок.

Маленькое шествие не вышло на улицу, а боковым ходом, проложенным между пристройками, окружавшими дворец имама, стало спускаться по уступам к пропасти. Прыгая с

утеса на утес и скользя по горным тропинкам, с чрезвычайной ловкостью минуя валуны и камни, они достигли наконец дна пропасти, где бешено металась, ревела и стонала пенящаяся река Койсу.

Шедшие впереди женщины уселись над крутым отвесом реки и отбросили с лиц покрывала.

Одна из них, черноокая стройная красавица лет двадцати трех, с наслаждением вдыхала свежий горный воздух и с детски беспечной улыбкой смотрела на небо. Другая, тоже еще далеко не старая горянка, была бы не менее красива, нежели ее спутница, если б не выражение глубокой печали, смешанной с озлоблением, Не искажало ее исхудалых черт. Первая из них – постарше – была жена имама и носила имя Патимат; вторая – ее золовка по имени Фатима – была женою Хасбулата бека, одного из старших начальников-наибов и приближенных имама.

Обитательницы двора имама не имеют права выходить на улицу и показываться на глаза народу, но сегодня они нарушили дворцовый обычай: зная, что их повелитель находится в храме джамии, на священном таинстве, они решили воспользоваться случайной свободой. Их служанки отошли в сторону, чтобы наполнить кувшины гремячей струей потока. Мальчики тоже занялись между собою, бросая мелкие камешки в Койсу и веселыми звонкими голосами будя утреннюю тишину.

Патимат, оставшись наедине с золовкой, по-прежнему

мечтала, не отрываясь глазами от неба.

«Слава Аллаху, хорошо здесь! – думала она. – Правда, далеко не так хорошо, как в родимых Гимрах, а все-таки лучше и привольнее, нежели в духоте сераля... Гимры! Далеко они! Родные Гимры, дорогой аул, взятый и сожженный русскими, где она выросла и расцвела на воле, откуда шла замуж. Тут все так пусто и уныло; там все покрыто нежной растительностью... Там и чинары, и дубы, и каштаны растут в изобилии... А в мае цветут куполообразные миндальные деревья и раины, кроваво-красные цветы граната мелькают там и сям среди пушистой зелени ветвей; белые азалии и голубоватые очи горных цветов красиво ласкают глаз... Здесь, в этом мрачном Ахульго, ничего этого нет...»

Далеко уже не радостно взглянула она на повисшие отвесно над бездной скалы и, глядя на укрепленные бойницы башен, вдруг улыбнулась лукаво и самодовольно.

«Зато здесь они в безопасности – и великий имам, и она, и дети! Сюда врагам-русским не пробраться. Недоступен для них Ахульго. Обо всем позаботились защитники-горцы. Одна Сурхаева башня, что на берегу Койсу, против старого замка, способна навести страх. Пусть разгораются у них очи, у проклятых гяуров¹ как у диких шакалов на добычу, а Ахульго не взять им, не взять!» И она рассмеялась по-детски заразительно и звонко. Потом вдруг сразу осеклась, неожиданно встретив на себе взгляд золовки, весь исполненный мрачно-

---

¹ Иноверцев, русских.

го отчаяния и тоски.

Что-то больно кольнуло в самое сердце Патимат... «Ну можно ли радоваться и смеяться, когда рядом с нею такое беспредельное горе?»

В два прыжка она очутилась подле золовки и, обняв ее и заглядывая ей в глаза, залепетала ласково и сердечно:

– Фатима-джаным² бедная ласточка горных ущелий, не тоскуй! Я знаю, о чем ты горюешь... Судьба сына твоего Гамзата мучает тебя. Ты страдаешь потому, что его отдали русским в аманаты, в заложники. Они, как победители, потребовали, чтобы имам послал им своих близких родственников в обеспечение, что не будет воевать с ними больше. Что было делать? Пришлось согласиться – и отдать им вместе с другими твоего Гамзата... Но успокойся: и твой Гамзат, и племянник Кибит-Магомы в безопасности у гяуров. Ведь русский саиб,³ приехавший за ними, чтобы взять их в заложники, поклялся головою, что мальчики будут живы...

– Поклялся головою, говоришь ты! – прервала невестку с бешенством Фатима, и глаза ее вспыхнули, как у волчицы. – Разве ты не знаешь, что клятва гяура – пустой звон горного потока, а голова его, которою он поклялся, не значительнее головы глупого ишака.⁴ Нет, чует мое материнское сердце, что нет в живых моего Гамзата, света очей моих, моего

---

² Душа моя.

³ Офицер.

⁴ Осла.

азиса,⁵ и что черный Азраил⁶ вычеркнул его имя из книги жизни... Четыре года прошли со взятия русскими Тилетля, четыре года с той минуты, когда его отняли у меня, а душа моя все тоскует и плачет, как горная орлица по выпавшем из гнезда птенце...

– Успокойся, сестра моя Фатима-джаным! Придет время, разобьет наш великий имам полчища русских и выручит твоего Гамзата. Постой, вот придут они под Ахульго, шашками и кинжалами встретят их наши орлы; нечистой их кровью залиют они утесы и горы, и русский сардар,⁷ выкинув белый флаг, будет просить мира и тогда...

– Нет! Нет! – прервала ее глухим голосом Фатима и страшным блеском загорелись ее черные глаза. – Придут русские и возьмут Ахульго, как взяли Гимры, как взяли Тилетль и как, не далее двух недель, взяли Аргуань... Ведь и он казался недоступным, и вокруг него высились горы, и он также стоял на недосыгаемой вершине! Эти шайтаны⁸ урусы⁹ обладают силою льва и быстротою молнии... Они налетают как коршуны и побеждают наших горцев... И теперь они придут со своими железными пушками и...

---

⁵ Милого.

⁶ Ангел смерти.

⁷ Главнокомандующий.

⁸ Дьяволы.

⁹ Русские.

– Кесь-кесь, дели!¹⁰ Темные джины бездны¹¹ смущают твою душу! – в ужасе прошептала обезумевшая от страха Патимат. – Горе омрачило твой рассудок! Молчи, именем Аллаха заклинаю тебя!

Но Фатима уже не помнила себя; вся охваченная своим мрачным предчувствием, она стояла теперь, выпрямившись во весь свой стройный рост, и глаза ее горели диким пламенем.

– Придут урусы, – говорила она глухим голосом, не обращая ни малейшего внимания на страх невестки, – придут, и горы вздрогнут от основания до вершины... И сердце гордого имама обагрится кровью; он почует свое бессилие перед могучим врагом. Будет час, и он заплачет кровавыми слезами, когда из-под крыла орла отторгнут его орленка!.. Гамзата отнял он у матери и отдал русским в заложники; придет время, когда одного из собственных его птенцов постигнет та же участь...

– Молчи! – с новым отчаянием и мукой вырвалось из груди Патимат. – Твой язык зловещ, как каркающая ворона, потому что сердце твое полно злобы на имама за сына. Шайтан говорит твоими устами... Но сила шайтана ломается о непреклонную волю Аллаха! Мой Джемалэддин останется при мне. Я никому не отдам моего орленка!..

И с криком, исполненным любви, ярости и страха, моло-

---

¹⁰ Молчи, молчи, безумная.

¹¹ Злые духи.

дая женщина кинулась к сыну.

Глава 2

Джемалэддин. Гяуры

– О мой азис! О мой белый розан из цветущих аварских ущелий! О золотое счастье моих очей! – лепечет вне себя от любви и гордости Патимат, обнимая своего мальчика.

Джемалэддин не ожидал ничего подобного. Он только что собрался запустить камешком в Койсу, как неожиданно попал в объятия матери. Ему и хорошо и стыдно у нее на груди. Хорошо – потому что он больше неба и гор, солнца и родины любит ее – свою красавицу-мать... Любит за ее нежность и доброту, любит за те чудные песни, которые она ему пела в дни детства, сидя над его колыбелью... Но стыдно ему прижаться к ней и сказать ей это. Ведь он будущий джигит,¹² абрек, а может быть, и кадий¹³ или даже имам – вождь народа, могучий и смелый, как его отец. Недаром же он проходит все нужные для этого премудрости, изучает в мечети все книги корана, заучивает все молитвы, старается вникнуть во все тайны веры. К науке его тянет больше, чем к битвам. Только он еще никому не говорит об этом... Узнают – засмеют... Цель горца – война... Какой же он будет джигит, если вместо кинжала и шашки возьмет в свои руки книгу? А

---

¹² Наездник.

¹³ Верховный судья из духовных.

может быть, на поприще ученого он также сумеет заслужить уважение своего народа к себе?.. То или другое – одинаково почетно среди горцев. Все равно! А вот что его, будущего воина или ученого, целует, как самого крошечного ребенка, женщина, мать – вот уж это харам.¹⁴ Еще, не приведи Аллах, увидит Кази-Магома и расскажет в ауле, и сыновья наибова, их кунаки¹⁵ подымут его на смех...

И он, стыдливо уклоняясь от ласки матери, говорит ей, напрасно стараясь сделать свой нежный голосок резким и твердым, как у взрослых:

– Ступай, мать, тетка Фатима скучает!

А у самого глазенки так и светятся лаской.

Патимат не обижена нисколько. О, она отлично понимает его: он будущий джигит, мужчина, не может же он быть пришитым к суконной поле ее бешмета! Она приласкала его, и довольно. Теперь на душе ее так же мирно, как в саду Аллаха. Он с нею, ее первенец, ее орленок, ее белый кречет! О, пусть себе каркает эта безумная Фатима, сколько ей угодно, она ничего не боится теперь. Аллах сохранит ей ее сына; она не отдаст его никому. Она до безумия любит его... Никого, никого, ни мужа, ни Кази-Магому, ее второго ребенка, она не может так любить и лелеять!.. Все ее сердце от края до края заполнил сплошь этот черноглазый мальчик с огненным взором и ласковой душой...

---

¹⁴ Позорно, стыдно.

¹⁵ Друзья.

А черноглазый мальчик уже подле брата.

– Зачем подходила к тебе мать? – спрашивает его тот лукаво.

Хотя Кази-Магоме только шесть лет, но он понимает больше, чем следует ребенку. Заносчивый и хитрый, он лукав, как кошка, и труслив, как горный олень.

Но Джемалэддин и не слышит вопроса. Все его внимание привлечено любопытным зрелищем. На соседнем утесе бьется что-то круглое и мохнатое, испуская жалобные крики.

В три прыжка достигнуть утеса, вскарабкаться на него и узнать, что это такое, – для мальчиков дело одной минуты.

Кричащее, распостертое существо не что иное, как орленок, выпавший из гнезда...

Алая струйка крови вытекает из пораненного при падении крыла и струится по камням, оставляя кровавый след на утесе.

Оба мальчика быстро склонились над несчастной птицей и, затаив дыхание, смотрят на нее. И вдруг Кази-Магома, протянув руки, неожиданно схватывает за лапу орленка.

– Что ты хочешь делать? – недоумевая, спрашивает его Джемалэддин.

– Хочу играть в гяура! – со смехом отвечает ему брат. – Пусть это будет раненый урус. – И с этими словами он, извернувшись, как кошка, припал к земле и, заглядывая в самые глаза орленку, стал медленно выворачивать ему когти, отрывая их и приговаривая каким-то свистящим голосом, прерыва-

вавшимися от волнения и дикой радости: – Яхши! Яхши! Это ты, который уничтожаешь наши пастбища и сады, сжигаешь наши посевы и аулы. Так вот же тебе! – И он с дьявольской жестокостью продолжал свою ужасную работу. Глаза его горели, грудь высоко вздымалась под тонким сукном бешмета. Папаха сдвинулась набок и обнажила круглую, как шар, бритую голову.

Несчастный орленок всеми силами старался вырваться из рук своего мучителя; он бился о камни и бессильно хлопал крыльями, еще не успевшими достаточно отрасти и окрепнуть, то испуская дикие крики, то жалобно плача от боли. Все когти его были облиты кровью. Теперь Кази-Магома оставил их в покое, в достаточной мере изуродовав ноги птицы, и принялся выщипывать из ее крыльев перья, одно за другим.

Джемалэддин с глазами, полными слез, и с разрывающимся от жалости сердцем долго крепился. Он стыдился выказать чувствительность, неприличную горцу, вступившись за несчастную жертву, и в то же время душа его обливалась кровью при виде мучений орленка. Наконец, когда Кази-Магома, выхватив из-за пояса крошечную шашку, готовился выколоть птице ее круглые и странно вытарашенные на него глаза, Джемалэддин быстрее молнии выхватил из его рук орленка и далеко отбросил его на соседнюю скалу. Орленок, почувствовав себя на свободе, поспешил укрыться за выступом горы.

– Как смеешь ты... харамзада¹⁶ – начал было взбешенный Кази-Магома, со сжатыми кулаками подступая к брату, как вдруг отчаянные крики, внезапно раздавшиеся в стороне берега, заставили его сразу умолкнуть.

Со всех сторон к ним бежали женщины, вопя во весь голос:

– Гяуры! Гяуры!

Словно обезумевшая устремилась к детям Патимат и, быстро схватив обоих мальчиков за руки, стала спешно подниматься с ними по горной тропинке.

Вся толпа караваш, побросав кувшины, кинулась врассыпную за ними.

Одна только Фатима как была, так и осталась стоять на прежнем месте, прислонясь к громадному выступу утеса.

Она первая увидела черные точки, в изобилии покрывшие окрестные скалы и точно мухи облепившие их. Она знала, что это были за мухи. Такие же точки четыре года тому назад налетели тучею к Тилетлю и увели ее сына Гамзата за собою. Может быть, они уже убили его и пришли за новой жертвой... О проклятые, когда им будет конец?

Она медленно подняла свою смуглую руку и погрозила сжатым кулаком по направлению черных точек, облепивших скалы. Потом с мрачно горящим взором и застывшим в отчаянии лицом стала медленно подниматься по уступам в горы.

---

¹⁶ Бездельник.

Глава 3

Первые мюриды

Правоверные! Жители Дагестана! Настал час, когда для истинного мусульманина, желающего достигнуть райских блаженств, обещанных нам пророком, мало одних молитв, соблюдения постов, исполнения обрядов и добрых поступков: мечом и огнем должны мы отстаивать завещанные нам истины. Правоверные! По учению пророка, мусульманин не может быть ничьим рабом, не должен никому подчиняться. Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство. И ради этой свободы и этого равенства мы обязаны бросить семейство, дом и не щадить самой жизни, как это начертано в нашей священной книге, коране!

Громко и грозно прозвучали слова эти в двадцатых годах XIX столетия на Кавказе, среди магометан горного Дагестана. Особая секта, возникшая среди горцев, в ауле Яраг, стала проповедовать необходимость огнем и мечом выступить в защиту основ учения Магомета – ислама от притеснителей. С кораном в руках, с возгласами о притеснении веры врагами ее они взывали к кровавым подвигам борьбы с христианами, появляясь в аулах и селениях мирных жителей и потрясая кинжалами, исступленными голосами кричали: «Смерть неверным!»

К этим проповедникам примыкали многочисленные последователи, и вскоре в Дагестанских горах образовались грозные полчища стремящихся к войне и набегам горцев, называвших себя мюридами, то есть идущими по правильному пути.

Но прежде чем стать мюридом, желающий должен был постом, молитвою и благочестивою жизнью усовершенствовать себя и подготовить к новому положению, а сверх всего этого – ознакомиться с бесчисленными правилами особого учения, которое называлось «тарикат».

Мюриды считали себя не простыми воинами, но борцами за веру, которые прибегали к мечу для того, чтобы достигнуть в будущей жизни всевозможных благ, и утверждали, что не набег на иноверцев, с целью захвата земли и богатств, составляют их цель, а защита и распространение ислама. Новое учение предписывало строгое соблюдение разнородных обрядов, частых молитв, омовений, соблюдения постов. Избранные из среды мюридов ученые наставники – мюршиды¹⁷ устанавливали, какие именно молитвы должен творить вновь посвященный мюрид, какие дела должен он совершать, чтобы достигнуть блаженства и очищения души, проповедуемых тарикатом.

Сначала число мюридов было весьма ограничено и прикнущие к ним жители Дагестана и Чечни – наездники и горцы – носили более скромное название таулинцев, то есть

---

¹⁷ То есть указующие путь желающим.

просто горцев,¹⁸ которые только после известного испытания получали право считать себя мюридами.

Все свое внимание мюриды и их наставники мюршиды направили против русских, успевших с 1800 года завоевать Закавказье, и решили во что бы то ни стало изгнать «неверных» из страны мусульман, какую они считали Дагестан и значительную часть Кавказа.

И многие тысячи горцев, частью добровольно, частью под давлением угроз, примкнули к новой секте и стали в ряды мюридов.

Началась длинная, многолетняя, упорная война русских с горцами. Русские всячески старались противостоять действиям мюридов. Они строили подле мирных аулов крепости, расставляли повсюду свои гарнизоны, сталкиваясь чуть не каждый день с горцами, мешавшими им своими набегами на каждом шагу. Но занятая в то время войною – сначала с Персией, а потом с Турцией, – Россия не могла принять действительных мер к уничтожению быстро развивающейся секты, тем более что борьба с отчаянными горцами среди неприступных скал Кавказа была упорная и трудная и требовала огромных жертв.

Между тем в селении Гимры появился среди мюридов проповедник, или газий, сумевший так воодушевить горцев своими речами и воззваниями, что они выбрали его имамом, то есть главным своим начальником, вождем и вместе с тем

---

¹⁸ От слова тау – гора.

первым священником, главою всей секты, обещая во всем беспрекословно повиноваться его воле. Его звали Кази-Мул-ла.

– Мусульмане, – взывал он к своим единоверцам, – война, которую мы ведем, не простая война: это священная война за веру, и всех, кто прольет на ней свою кровь, поплатится жизнью, ожидают, по учению нашего пророка, райские блаженства в загробной жизни, а кто, как трус, откажется идти, с нами, того не минуют страшные мучения неугасающего адского пламени. Знайте это, мусульмане!.. Я, как имам ваш, как первый среди вас, как воин и слуга Аллаха, объявляю, что война, которую мы решили вести, – священная война – газават, и кто усомнится в этом, тот будет проклят на веки веков...

– Газават! Газават! – раздались исступленные голоса мюридов.

Собрав полчища горцев, даже из числа таких, которые изъявили уже покорность России, Кази-Мулла двинулся к Таркам (близ Петровска), где находились русские, и взял не только Тарки, но и всю окружающую их местность. Этот успех имама заставил стекаться со всех сторон под его начальство многие, не примкнувшие раньше к мюридам племени горцев; таким образом, скоро у него образовалось огромное скопище в шесть тысяч пехоты и две тысячи конницы, с которым неутомимый Кази-Мулла подступил к русской крепости Бурной. Гарнизон крепости состоял только из

516 человек. И все-таки полчища горцев не могли сломить мужества осажденных. Несколько раз войска имама бросались на штурм, но принуждены были отступить. Скоро на выручку к русским подоспел отряд генерала Коханова, и Кази-Мулла ушел в горы. Те же неудачи постигли горцев и под крепостью Внезапной, и под Дербентом, после чего Кази-Мулла ушел проповедовать газават в Чечню. Потом с новыми силами он неожиданно появился под Кизляром, разграбил его, угнал около 170 человек пленными, а сам укрепился в Чумкестене. Однако Чумкестен был взят русскими войсками, мюриды перебиты. Сам Кази-Мулла с племянником Гамзат-Бекем и любимым своим приверженцем, мюридом Шамилем, успел скрыться и снова укрепился в Гимрах. Но тут уже счастье изменило неутомимому фанатику-вождю. Вскоре Гимры были взяты бароном Розеном и его отрядом, а Кази-Мулла убит.

Первый имам Дагестана погиб, но учение его, плотно запавшее в души мусульман, все ярче и ярче разгоралось в горах. Кази-Мулле наследовал его племянник. Но Гамзат-Бек не более полутора лет властвовал над мюридами. Его убили аварцы, жители Хунзаха, столицы Аварии, за то, что он предательски загубил их ханов.

И вот на восточном небе ярко загорелась звезда нового имама, ближайшего мюрида и друга Кази-Муллы и Гамзата – сына бедного пастуха из селения Гимр, продававшего в

детстве карагу,¹⁹ по имени Али, прозванного Шамилем. Одаренный от природы блестящими способностями, проницательным и изворотливым умом, необыкновенно твердым характером и непоколебимую волею, Шамиль, вступив в ряды мюридов, быстро сумел выдвинуться вперед.

Благочестие, суровый образ жизни и удивительное красноречие Шамиля привлекали к себе сердца горцев, а бесстрашие и мужество заставляли низко склоняться перед ним. Он был одним из самых набожных мюридов, целые дни и ночи проводил в молитве, знал все премудрости корана и в то же время не раз, в схватках с русскими, оказывал чудеса храбрости и мужества. Тело его было сплошь покрыто ранами от русских штыков. При жизни Кази-Муллы на него возлагали самые трудные поручения, и он всегда исполнял их с успехом. Никто не понимал так духа горцев, никто не умел так подчинять диких сынов Кавказа своей воле, как этот суровый, мужественный фанатик-мюрид. В одной уже его внешности, в пылающих глазах, в твердой походке, смелой, убедительной речи было что-то, что покоряло сердца окружающих его людей. И на освободившийся высокий пост вождя и верховного главы, после смерти Гамзата, мюриды единогласно выбрали Шамиля. Весть об этом избрании быстро разнеслась по горам и долинам Закавказья, и вся Чечня и Авария, все дикие племена Кавказа (значительная часть которых была уже покорена русскими) восстали и пе-

---

¹⁹ Низший сорт персиков.

решили на сторону нового имама.

– Газават! Газават! Идемте воевать за святую веру Магомета! – раздавалось повсюду, и горцы деятельно стали готовиться к предстоящей новой войне.

Тогда главнокомандующий русских войск на Кавказе, барон Розен, послал 5200 человек с 22 орудиями в Хунзах, где засели мюриды. Заняв столицу Аварии и укрепив ее, он пошел к селениям Ашильте и Ахульго, занятым горцами, штурмовал их и, наконец, подступил к Тилетлю, где лично укрепился имам с храбрейшими воинами.

Шамиль понял все свое бессилие перед силой русских и выслал одного из своих приближенных с выражением покорности, причем, в залог мира и в обеспечение того, что он, Шамиль, не будет больше воевать с мюридами, согласился передать в руки русских в качестве заложника, или аманата, юного своего племянника Гамзата, сына сестры Фатимы и малолетнего родственника Кибит-Магомы, своего ближайшего сподвижника.

Но раз задавшись намеченной целью, Шамиль уже не мог отступить от нее и только и мечтал что о новых подвигах газавата. Едва оправившись от нанесенных ему ударов, Шамиль сумел привлечь на свою сторону, то убеждением, то силой, новые полчища горцев, построил возле разрушенного аула Ахульго новый аул, – словом, приготовился к новым битвам. И спустя некоторый период времени вновь запылала священная война на Кавказе.

В этот раз русские войска, под начальством генерал-адъютанта Граббе, осадили сначала Аргуань и взяли ее. Потом, соединившись с отрядом генерала Головина, значительно увеличившим силу русского отряда, они подошли вторично к Ахульго, где укрепился Шамиль, и вторично осадили его, уничтожив по пути все аулы, занятые мюридами.

Глава 4

Нежданный гость Хаджи-Али

Мрачно и грозно высятся на недоступных твердынях Дагестана два суровых и диких аула Ахульго. Громадными уступами и острыми утесами уходят в небо кавказские твердыни, все выше и выше, все дальше и дальше от зеленых низин в голубое царство, где плавают в светло-лазорево-эфире прозрачные облака да летают горные орлы, пернатые цари Дагестана. Значительно дальше и выше белых облаков теснятся серые громады голых, угрюмых каменных скал. А там, внизу, зияют бездны, непроницаемые и черные, как самая страшная, неведомая тайна, непостижимые и сурово-молчаливые, как смерть. Сотни мелких горных потоков низвергаются с диким ревом с уступов, пробивая себе путь среди обломков скал и валунов, туда, где ждет их с вечно неумолкаемым стоном пенящаяся и бурливая Койсу... Рыдает и мечется она, с бешеным шумом катя свои бурные воды, и нет конца этим стонам, грозно поднимающимся из глубины пропастей, а по соседству с нею притаилась темная Ашильда и поет не умолкая свою боевую песнь...

Кругом все мертво, глухо и угрюмо. Там, ниже к югу, зеленеют цветущие поля кукурузы и пшеницы, там прохладные рощи дубов, чинар и каштанов покрывают красивые склоны гор. А тут, вверху, один холодный, мертвый камень.

Кое-где только виднеются кусты карагача, нетребовательно вскормленного горной теснины, да изредка лишь попадается цепкая, ползучая, похожая на плющ архань. Казалось, сама природа позаботилась о неприступности этого горного гнезда, но жители Ахульго, точно не доверяя ее защите, понастроили искусственные завалы, сложив целые груды камней на горных тропинках и взорвав порохом утесы, чтобы сделать совсем непроходимыми пути к вершине скалы, где приютился самый аул Ахульго.

Они давно ожидали незваных гостей – русских и теперь были готовы встретить их во всеоружии среди своих каменных недоступных высот. И незваные гости не замедлили явиться...

На окрестных скалах показались русские войска и быстро стали стягиваться к утесу... На правом берегу Койсу расположились два батальона Кабардинского полка, у переправы – две роты апшеронских стрелков. Всюду разъезжали бесстрашные казаки, выискивая более удобные позиции. О скором штурме нечего было и думать; первые же бомбы, брошенные в это горное гнездо, не причинили никакого вреда прочно выложенным из камня саклям. Надо было предварительно подготовиться к штурму.

И вот закипела работа. Делались завалы, взрывались порохом целые каменные глыбы на воздух и в искусственно устроенных в их трещинах ложементов засаживались стрелки.

Но и со стороны Ахульго не дремали. Шамиль позаботился укрепить свой грозный замок. В окружающих башнях засели мюриды, осыпая градом пуль слишком близко придвинувшихся к стенам твердыни хабрецов.

Особенно хорошо укреплена была Сурхаева башня – ближайшая и сильнейшая защита Ахульго. Около сотни самых отчаянных мюридов заперлись в ней, следя зоркими глазами за малейшим движением осаждающих.

Жаркий июньский полдень сменился вечером. Золотое светило, обливая кровавым пурпуром окрестные утесы, утонуло в бездне, позлатив своим предсмертным блеском серебряные волны пенящейся Койсу.

Свежий ветерок потянулся со дна ущелий, принося на своих воздушных крыльях откуда-то со стороны низин чуть уловимый аромат горных цветов, далеко-далеко цветущих от Ахульго...

Уже в русском лагере пробили зорю и дружные голоса солдат пропели вечернюю молитву, когда со стороны гор, прилегающих кряжем к укрепленным скалам, показался всадник на быстром горном скакуне. Он несся как вихрь стороною от русских позиций по самой крутой, почти непроходимой дороге, прямо к берегу Койсу. Вот он ближе и ближе. Часовым уже хорошо видна его стройная, как бы слившаяся в одно с конем фигура, пригнувшаяся к луке, его серый бешмет, обшитый потемневшими от пыли галунами, черная папаха с малиновым верхом и загорелое молодое лицо с тонким хря-

щеватым носом и огненным взором пронзительно-острых глаз. Его приняли за мирного чеченца и подпустили на выстрел. Но когда он вместо того, чтобы ехать навстречу русскому разъезду, дал крутой поворот коню и, снабдив его здоровым ударом нагайки, помчался прямо к берегу, часовой поднял тревогу. Из палаток выскочили солдаты и дали залп по бесстрашному всаднику и его коню. Когда дым рассеялся, он уже был далеко, у самого берега Койсу. Только издали сверкали серебряные газыри на его бешмете да золоченая оправа заткнутых за пояс кинжалов и пистолетов.

Он уже далеко опередил русские позиции, как вдруг разом осадил коня и остановился. Что это? На том месте, где еще недавно был перекинут мост через Койсу, теперь зияет темная пропасть. Русские, очевидно, уничтожили его огнем своих орудий и прекратили проход в замок, чтобы никакая помощь не подоспела к осажденным...

Горец недолго простоял в раздумье. Раз... новый взмах нагайки – и благородное животное вместе с всадником прыгнуло прямо в ревущие воды Койсу.

Несколько минут он бешено борется с быстрым течением потока и, наконец осилив его, выскакивает на берег. Теперь уже оба они, и конь и всадник, вне опасности, уйдя далеко от неприятельских выстрелов... По горной тропинке, проложенной над адскою бездной, пробираются они все выше и выше, туда, в аул; вот они у сторожевой башни замка, вот въезжают на улицу аула, темную, узкую и кривую, как вы-

сохшее русло горного потока. По сторонам ее тесно лепятся сакли. Вот и дворец имама. Мимо него всадник проезжает шагом, с низко склоненной в знак почтения головой. Потом, минуя еще два-три домика, прилепленных к уступам, он останавливается у одного из них и, подъехав к порогу сакли, значительно возвысив голос, говорит:

– Да будет благословение Аллаха над этой кровлей!

В ту же минуту на пороге появляется мальчик лет одиннадцати и, подойдя к всаднику, почтительно приняв его стремя и поддерживая его, пока тот соскакивает с лошади, отвечает:

– Будь благословен твой приход, храбрый. Мой господин²⁰ и я приветствуем тебя!

– Ты сын Хаджи-Али? – с улыбкой спросил его гость.

– Ты угадал, господин: Асланом Хаджи-Али зовут меня.

И говоря это, он взял за повод коня вновь прибывшего и повел его под навес. В ту же минуту из сакли вышел почтенного вида горец с выкрашенной хиной в красный цвет бородой²¹ и произнес:

– Да будет благословен Аллахом твой приход, сын мой. Моя сакля к твоим услугам, я слуга твой, мои жена и дети – твои рабы. Входи и распоряжайся, потому что с гостями входят в дом благодать и ангелы Аллаха. Селям алейкум.²²

---

²⁰ Отца и братьев младшие члены семейства горцев называют господином.

²¹ Все почтенные старики и старейшины-мюриды красили хиной бороды в красный цвет.

²² Приветствие: «Будь здоров. Здравствуй».

– Алейкюм селям! – отвечал ему молодой горец. – Да оградит тебя и твоих Аллах от происков шайтана и сорока девяти его сестер.²³ Мир и довольство да продлятся над кровлей твоей!

И говоря это, он вошел в кунацкую в сопровождении хозяина дома.

Это была просторная комната, глиняный пол которой был выстлан мягкими циновками; на полках, вдоль стен, расставлена посуда и домашняя утварь в виде кувшинов, ковшиков, котлов и железных вертелов для жарения баранины. На почетном месте висело оружие – первое богатство горцев. В углу находилась жаровня, в которой жители гор жгут хворост и солому. На перекладинах, протянутых от одной стены к другой, висели туши баранов и буйволов.

Хозяин и гость в молчании опустились на пол, на мягкие циновки.

Гость не начинал разговора из уважения к почтенному возрасту хозяина; хозяин, по горскому обычаю, не мог обнаруживать любопытства и расспрашивать о причине приезда гостя.

Наконец вновь прибывший заговорил первый:

– Я Гассан, сын бека-Джанаида из аула Дарго-Ведени, что за Андийским Койсу, в сердце гор. Когда страна наша выслала на помощь святейшему имаму лучших своих джигитов под знаменем храброго Ахверды-Магомы, наиба Хунзахско-

---

²³ Болезней.

го, я пошел вместе с ними. Ахверды-Магома и его отряды близко. Они горят желанием отбросить русских коршунов от гнезда орла и пролить свою кровь в священном газавате. Я ускакал вперед, прорвался через цепь русских, чтобы сказать имаму, что сердца его воинов жаждут сражения! – заключил он пылко.

Его лицо горело отвагой. Глаза метали пламя. Ноздри тонкого носа вздрагивали и трепетали. Он был дивно хорош и страшен в эту минуту.

Старик молча окинул взором всю статную фигуру юноши и чуть заметно ухмыльнулся в свою крашеную бороду. Ему – ближайшему другу и верному слуге имама – хорошо было знакомо это воодушевление. Он видел его не раз на лицах храбрейших из витязей Дагестана. И что же? Их львиная храбрость разбивалась о железную волю русских. Недавнее поражение мюридов под Аргуанью слишком живо запечатлелось в убеленной сединами голове Хаджи-Али.

Гассан-бек-Джанаида как бы угадал мысль своего хозяина. Брови его угрюмо сдвинулись. Взор вспыхнул.

– Не думаешь ли ты, отец мой, что в Аварии недостаток храбрых? – мрачно спросил он Хаджи-Али.

– Сын мой, – произнес тот с суровой ласковостью, – я вижу, что рука твоя тверда, как горная скала Дагестана, взор быстр и верен, как очи молодого орла. Будь больше таких витязей у имама – Тилетль и Аргуань не были бы взяты. В глазах твоих, юноша, я читаю, что кровь твоя кипит жаждою

побед и славы. Не затем ли ты пришел сюда, чтобы упиться ими?

– Ты мудр, как змий, и сведущ, как алим, – отвечал ему гость, – а потому тебе должны быть известны мои помыслы. Мое сердце чисто, как хрустальная струя горного потока, моя мысль пряма, как дагестанский кинжал. Я пришел вкушать от источника сладчайшего: я хочу быть мюридом, хочу примкнуть к тем, кто сражается против гяуров-урусов и мечом распространяет славу пророка... Проклятые гяуры убили моего отца. Моя мать умерла с горя, оставив у меня на руках малолетнего брата. Я пылаю жаждою мщения урусам. Отныне канлы²⁴ и газават – основа и цель всей моей жизни!..

– Ты еще так молод, юноша, – положив ему руку на плечо, произнес Хаджи-Али, – а искушения велики. Чтобы быть мюридом, надо предаться Аллаху и позабыть себя. Подготовлен ли ты к этому, сын мой? Ведь для того, чтобы стать мюридом, недостаточно владеть мечом и уметь стрелять из винтовки. Нужно еще знать многие науки...

– Отец, – скромно отвечал Гассан, – я слышал и видел великого имама, когда очи его метали молнии, а из уст сыпались цветы.²⁵ И сердце мое предалось ему с той минуты. Я полюбил Шамиля, как только может любить черная ночь восточную звезду. И тогда же решил стать мюридом и заняться

---

²⁴ Кровавая месть. По обычаю горцев, не отомстить смертью за смерть считается позором.

²⁵ Молнии и цветы красноречия.

изучением тариката. Я прошел тефсир, хадис,²⁶ сияр и тавхид. Я не пропускал ни одного из заповеданных пророком намазов. Я исполнял фарызы²⁷ и полагаю, что я достоин быть зачисленным в мюриды. О отец мой, ты друг и ближайший советник имама... Замолви перед ним слово за меня!..

– Фатиха!²⁸ – произнес ласково Хаджи-Али. – Я горжусь твоим поручением, сын мой, и готов услужить тебе. Молодость не может быть помехой храбрости. Имам, как великий мудрец, поймет это, и ты удостоишься посвящения, клянусь бородою пророка. А теперь ты устал с дороги и голоден. Я слышу, женщины идут сюда с пищею для нас. Подкрепи себя, сын мой, чтобы идти на гудекан²⁹ ожидать вместе с другими появления имама.

В ту же минуту на пороге сакли появились жена и дочери хозяина.

Одна из них несла огромные куски баранины, воткнутые на шампуры, другая – миску с дымящимся хинкалом³⁰ и блюдо чуреков³¹ из пшеницы и кукурузы, третья – большой кувшин, до краев наполненный бузою.³² Они приготовились

---

²⁶ История жизни Магомета и его войн.

²⁷ Требование религии.

²⁸ Кончено; быть сему; аминь.

²⁹ Площадь в ауле.

³⁰ Мучные клецки в воде, приправленные чесноком и перцем.

³¹ Пшеничные лепешки, заменяющие хлеб.

³² Питье – навар из солода, опьяняющее как вино.

уже ложиться спать, как маленький Аслан возвестил им о приезде гостя. Тогда они быстро зарезали молоденького барашка, развели мангал и приготовили на нем жирный шашлык.³³ Потом, надев свои лучшие чахланы и архалуки, понесли в кунацкую ужин.

По горскому обычаю, женщины не смеют садиться за еду в присутствии главы семейства. Они довольствуются скромною ролью караваш и прислуживают ему и гостям. И теперь, поставив ужин перед мужчинами, они скромно удалились на свою половину, отвесив сперва несколько поклонов приезжему юноше.

Хаджи-Али и Гассан принялись за еду.

---

³³ Кушанье из баранины.

Глава 5

Видения Шамиля

В гробовом молчании стоит большая толпа на площади аула. Впереди теснятся старейшины и наибы в красных чалмах, алимы, кадии и муллы в зеленых, мюриды – телохранители и храбрейшие фанатики-воины имама – в белых тюрбанах, с серебряными значками и гладкими кольцами на мизинцах.³⁴ На серебряных значках в виде полумесяца или четырехугольника – всевозможные надписи на арабском языке. Это ордена храбрых, которыми награждает своих воинов великий имам, Шамуиль-Эффенди-Амируль-Аминима, или просто Шамиль. На одном из таких орденов надпись: «Меч – ключ к раю». На другом: «Путь храбрейшему в рай». «Будь медлен к обиде, к отмщению скор», – гласит третья надпись.

Среди самых почтенных краснобородых наибов высится рослая фигура ближайшего сподвижника имама Кибит-Магомы Тилетльского. Четыре года тому назад он лишился своего наибства, лишился вместе с тем и любимого племянника, отданного в заложники русским, и всей казны. Но не это гложет наиба. Имам строг, но справедлив. Он умеет награждать храбрых. И наибство, и казна вернутся после первой же победы над русскими... Не о них мысли Кибита... Уруссы близ-

---

³⁴ Признак принадлежности к мюридизму.

ко, уруссы здесь. Они осадили Ахульго и ждут только удобной минуты, чтобы приступить к штурму, а великий имам как будто и забыл об этом.

Что он медлит, Шамиль? Вот уж третьи сутки как заперся он в мечети, предаваясь молитве, заставляя терзаться неведением и сомнениями своих верных друзей, невзирая на залпы русских орудий, со всех сторон окруживших Ахульго.

Слышал ли эти залпы Шамиль, или молитвы к Аллаху слишком высоко занесли его мысли? Но, в таком случае, почему он не передаст начальство ему, Кибиту-Магоме? Ведь войско без вождя – стадо без пастыря! Чувствует ли это Шамиль?

Но Шамиль действительно далек от этих мыслей.

В то время как на площади народ ожидал в терпеливом смирении своего имама, внутри мечети, в глубокой четырехугольной яме, скорчившись на земляном полу, сидит человеческая фигура. Лампады, озаряющие стены мечети, сплошь покрытые письменами из корана и испещренные знаками полумесяца, не достигают, однако, до дна ямы, и там царит могильная темнота.

Изредка только руки человека, сухие и темные, поднимаются к лицу, и он шепчет над раскрытыми пред глазами ладонями особую молитву – зикру, и тело его при этом раскачивается из стороны в сторону. И чем скорее лепечет он слова молитвы, тем быстрее становятся круговые движения его худого, но сильного стана. Этим раскачиванием и лепе-

том великий имам старается вызвать к себе Пророка... Но на этот раз Пророк остается глух к мольбам своего верного слуги. Вот уже третьи сутки как Шамиль добровольно удалился в мечеть в надежде узреть Магомета и спросить его, за что он гневается на правоверных и посылает победу их врагам? Но ближайший слуга Аллаха не является к нему...

В изнеможении, изнуренный своим бесплодным качанием опускается Шамиль на земляной пол ямы и застывает в отчаянии, припав пылающим лицом к каменистой почве.

И в ту же минуту и купол мечети, и его добровольная тюрьма-яма – все исчезает из очей Шамиля. Им овладевает какое-то сладкое спокойствие. Мысли, похожие на грезы, навевают приятные сны или действительность, – он не знает даже точно, сны это или действительность, так давно все это было, о чем говорят его грезы. Какими необычайно странными кажутся ему они! Да и мысли, затуманенные долгим постом и молитвой, не так уже ясны и свежи, как прежде, и легко могут спутать действительность со сном.

И грезится ему, что он – ныне великий имам и вождь гавата – не имам, не вождь и не Шамиль даже, а просто Али, маленький, бедный восьмилетний аварец Али, с бритой, как шар, головкой и с умным, пронизательным взглядом больших черных глаз. Перед ним знойное небо его родины, зеленые пастбища и персиковые сады его родимых Гимр. Он стоит под навесом сакли перед своим отцом, потупив голову.

– Неси этот мешок с персиками на продажу, потому что

в доме нет ни одного карапула³⁵ и матери не из чего сварить хинкала, – говорит пастух Дэнькоу-Магомет своему черноглазому сынишке.

Они бедны, очень бедны, потому что отец Али, уздень³⁶ аула Гимры, пьет не только бузу, но и вино, запрещенное кораном, за которое надо платить много пулов³⁷ заезжим торговцам.

Али не хочет идти продавать персики на базаре, когда в мечети, он знает, юные муталиммы³⁸ слушают почтенного ученого старца из ученых муршидов. Он, Али, тоже любит слушать умные речи старцев. Он еще слишком мал, Али, чтобы быть муталиммом, как его друг Кази и другие. Но Кази успел выучить своего младшего товарища многим толкованиям корана и арабским письменам. Сегодня после молебна муталиммы уйдут в горы, где Кази среди своих юных друзей будет говорить об учении Магомета. Кази еще очень молод, но он, волею Аллаха, уже мудр и красноречив. Али боготворит своего друга. Скажи ему Кази: «Умри!» – и он с радостью бросится на лезвие кинжала. И, вспомнив о Кази, Али бросает мешок с персиками, которые навязывал ему для продажи отец, и, сломя голову, несется в мечеть...

Это первое воспоминание сменяется иным, новым...

---

³⁵ Полкопейки.

³⁶ Гражданин, свободный человек.

³⁷ Денег.

³⁸ Духовные студенты; они же и помощники муллы.

В убогой сакле на рваных циновках мечется в сильной горячке больной Али.

Уже мудрые знахари Гимр и его окрестностей приговорили его к смерти. Они неоднократно заходили в саклю Дэнью-Магомета, шептали над мальчиком наговоры и мазали его кровью барана, зарезанного в джуму.³⁹ Ничего не помогало. Маленького Али жжет адский огонь, и воспаленные очи его уже видят черное крыло ангела смерти – Азраила.

Уже красавица Баху-Меседу, мать мальчика, в приступе горя укутавшись чадрую, громко рыдает, склонившись над своим единственным ребенком. Правда, у нее остается еще дочь Фатима, но девочка не в счет: она не может прокормить семью и обессмертить свой род славой. Девочка вырастет и уйдет в дом мужа, лишь только найдется джигит, могущий внести за нее условленный калым.⁴⁰ Это не то что ее Али, ее горный сокол, на которого возложены все лучшие ее надежды.

И вдруг мысль Баху-Меседу прервалась, как нитка. Дверь сакли широко распахнулась и с обычным возгласом горцев «Да будет Аллах над вами!» на пороге предстал юный отрок с прекрасным, сурово-вдохновенным лицом.

– Хош-гяльды!⁴¹ – отвечала ему Баху убитым голосом. – Не радость увидишь ты в нашей сакле: мой сын умирает во-

---

³⁹ В пятницу, праздничный день у магометан, то же, что у нас воскресенье.

⁴⁰ Выкуп за невесту, который вносит родителям жених.

⁴¹ Милости просим.

лею Аллаха, и ты скоро лишишься своего друга, юноша Каззи!

Но черноглазый отрок молча качает головою. Несмотря на свои четырнадцать лет, он отлично знает все обычаи и верования страны. Знает и то, что, если переменить имя больному, вместе с оставленным именем уйдет и его болезнь. Он напоминает про это Баху, которой горе, казалось, выело память.

И тотчас же, ободренный надеждой, Дэньюку бежит за муллою, который переименовывает Али в Шамиля,⁴² и – о диво! – черный ангел смерти на самом деле оставляет его...

Новые воспоминания все дальше и дальше уносят имама от мрачной мечети и ее черной ямы.

Жаркий летний день месяца мухарема⁴³ сменился прохладным вечером. Солнце утонуло за Кавказским хребтом. Из долин и ущелий потянуло пряным и сладким ароматом горного цветка баятханы. Ночные цветы жадно раскрыли свои чашечки навстречу прохладному ветерку. Толпа юношей возвращается из леса к аулу. И он, Шамиль, среди них. Он уже не ребенок. Высок и гибок его стан не по летам. Стройные члены упруги и сильны, как у взрослого. Недаром он развивал эту силу постоянными упражнениями на шашках и кинжалах, искусством прыганья и джигитовки. Но, развивая свою физическую силу, он развивался и духовно в од-

---

⁴² Самуила.

⁴³ Июль.

но и то же время. Он ходил брать уроки у кадия Танусской мечети. Многому успел его выучить тот. Помимо арабских писем и толкований корана и истории Магомета и двенадцати пророков он успел пройти и курс макадамата – грамматики, логики и риторики арабского языка. Даже книгу звезды, которую написали великие мудрецы, большую книгу в 12 отделов, он прочел под руководством того же неизменного Кази, своего друга и наставника, прочел, понял и научился истолковывать сам. Вот он, Кази, его учитель, идет впереди всех с высоко поднятой головой, с бледным лицом и сомкнутыми устами. А сейчас только из уст этих падали благоухающие розы красноречия. Там, в тени густолиственных чинар и дикого орешника, он перед обширным кругом слушателей говорил о сладости загробной жизни по учению Магомета, о высших блаженствах, ожидающих верных на том свете. А все они – и он, Шамиль, и друг его Хаджи-Али, и другие, – все жадно слушали юного газия, с сердцами, готовыми открыться для духовного блаженства.

Шамиль сильнее других воспринимает слова Кази. Голова его горит от них, мысль мечется в ней, как раненая птица. Сердце бьется так, точно хочет вырваться из груди. В его душе нарастает огромное, могучее стремление к совершенству и любовь к божеству... Постом и молитвой, помощью слабым и покорностью старшим он добьется его, этого совершенства, о котором гласит учение. И сейчас его охватывает непреодолимое желание выразить Аллаху свое стремление к

нему. Что бы сделать такое? Чем бы доказать свою огромную любовь к Предвечному, которая теснит его грудь?

Мозг его кипит. Взор блуждает. И вдруг он видит огромный, выше роста человеческого валун, преградивший им дорогу. Быстрая, как молния, мысль прорезывает мозг Шамиля.

Он отходит в сторону, напрягает мышцы и, разбежавшись, с исступленным криком: «Ля-иллях-иль-Алла!» – перепрыгивает скалу, рискуя разбиться вдребезги об острые уступы ее или скатиться в пропасть. Кази и другие подходят к нему. Юный газий кладет ему на голову свою смуглую руку, и лицо его озаряется улыбкой. Шамиль замирает от блаженства, увидя эту улыбку: лучшей награды ему не надо...

Быстрее птицы несутся мысли имама, развертывая в его памяти все новые и новые картины.

Юноша Кази стал уже Кази-Муллою, первым газием-имамом горцев. Он, Шамиль, его любимый мюрид и приспешник.

Целый ряд набегов и сражений с ненавистными гяурами встает в его памяти... Счастье переменчиво. То русские осиливают их, то они урусов...

Пред ним снова родимые Гимры. Но это не прежний цветущий аул с его персиковыми садами и цветущими пастбищами. Гимры в огне. Развалины еще дымятся. Проклятые гяуры после долгой осады ворвались в селение и режут и бьют правоверных. Шамиль с двумя десятками таких же, как

он, преданных своему вождю мюридов в полуразрушенной сакле защищают имама.

Но вот гяуры врываются в саклю. Один из них пронзает своей шашкой Кази-Магому, другой кидается к Шамилю и штыком прокалывает ему грудь. Верный мюрид падает к ногам своего имама. Имам убит, но он, Шамиль, еще дышит. Оторвав кусок чохи и заткнув им окровавленную рану, он, терпеливо вынося адскую боль, дожидается ночи. Под темным покровом ее он отыскивает под грудую тел защитников труп своего владыки и, придав мертвецу положение молящегося, с каким избранные святые должны предстать на суд Аллаха, сам тихонько скрывается в горы, весь проникнутый тайной целью проповедовать неумолимый газават...

Но вот новое воспоминание прожигает огнем душу имама.

На площади аула Корода собралась большая толпа. Здесь и кадии, и муллы, и наибы, и простой народ – таулинцы. Недавно убили их второго имама, Гамзат-бека, и все они сошлись сюда, чтобы выбрать нового вождя.

Тут же в толпе мюридов, суровый и неумолимый, с пламенными очами и высоко поднятою головою стоит Шамиль. Его сердце не ищет ни бренного тщеславия, ни почестей и славы. Вся его цель – служение Аллаху и распространение призыва к священной войне. Он стоит, ничуть не мысля о блестящей будущности, которая его ожидает. Он весь ушел в свою задумчивость, исполненный самых чистых помыслов.

И вдруг слух его поражен странными возгласами толпы.

– Шамуил-Эффенди, сын Магомета-Дэнькоу, будь нашим вождем! – слышатся ему тихие одиночные голоса. Вот они громче, звучнее. Все новые и новые присоединяются к ним, и скоро вся тысячная толпа на гудекане слилась в одном диком реве:

– Шамуил, будь имамом! Веди нас!

Что это: греза или сон? Нет, не сон и не греза: его хотят, его просят. Ярким огнем загорается взор Шамиля. Стан выпрямляется. Он делает движение рукою и, когда толпа умолкает, говорит:

– Клянусь бородою Пророка, я не искал почести и славы. Как скромный раб Аллаха, я жажду одного: брызнуть священными струями потока учения Магомета в сердца ваши, наполнить головы ваши помыслами чистыми и вложить в руки ваши мечи во славу Аллаха. Но Аллах изрек устами вашими волю свою. Кысмет!⁴⁴ Будь по сему! Я, вновь избранный вождь ваш, взываю к вам: мусульмане, газават!⁴⁵

При этом последнем воспоминании легкий трепет охватил лежавшего на дне ямы имама. Все его тело свело судорогой. Мысль притупилась и померкла. Он поднялся и начал быстро-быстро шептать молитву, кружась как волчок на дне ямы.

Потом разом тело его конвульсивно вздрогнуло, вытянув-

---

⁴⁴ Судьба, предопределение.

⁴⁵ Мусульмане, на священную войну!

шись на дне без признаков жизни.

Он увидел Пророка.

Глава 6

Воля Аллаха. Новый мюрид

Солнце село. Из ущелий потянуло прохладой. Мулла показался на балкончике мечети и стал призывать правоверных к вечерней молитве. Скоро на востоке зажглась одинокая звезда Ориона, «Око Пророка», как ее называют мусульмане.

В русском лагере рожок горниста проиграл зорю, и стройные голоса солдат пропели вечернюю молитву. И точно в ответ им громкими звуками пронеслись по аулу возгласы: «Ля-иллях-иль-Алла!», повторяемые бессчетно толпою, все еще остававшейся на гудекане.

В эту минуту дверь мечети распахнулась, и на пороге ее показался человек. Он был высок, плечист и строен. Тонкий стан его был затянут белым бешметом. Плечи и спина покрыты наброшенной на плечи пурпуровой мантией. С белой чалмы, окутывавшей голову, спускался длинный конец, заканчивавшийся кистью. Худое и мертвенно-бледное лицо с тонкими чертами и сурово-строгим выражением заканчивалось рыжей, крашеной бородою. Оно не носило ни малейшего следа утомления, это гордое, дышащее суровостью и неумолимым фанатизмом лицо. Большие, острые, пронзительные очи горели неугасимым пламенем. Что-то властное и мощное, что-то царственное сверкало в них. Это и был Ша-

муил-Эффенди, духовный вождь и повелитель правоверных.

И все, находящиеся на площади, – и алимы, и старейшины, и наибы, и кадии, – все низко склонились перед ним. Двое из присутствующих, Кибит-Магома, бывший наиб Тилетльский, и ученый алим Ташау-Хаджи, почтительно приблизились к имаму и взяли его под руки. Поддерживаемый ими, Шамиль поднялся на уступ скалы, находившейся на площади, и начал твердым, сильным голосом, обращаясь к народу:

– Ля-иллях-иль-Алла, Магомет-россуль-Алла! Имя вечному Адн! Народы Дагестана, внимайте! Волю Единого возвещаю я вам. Аллах велик и могуществен! От милости Его созданы царства. Народам Чечни и Дагестана даны горы, прочим долины и низовья рек. Мы построили наши сакли, завели цветущие кутаны и поселились в наших аулах во имя Аллаха, славя Имя Его. Но народ Гога и Магога⁴⁶ решил завладеть нами, превратить наши пастбища в пустыни, наши аулы в груды пепла и развалин. Неверные силою хотят применить к нам учение Иссy,⁴⁷ который отменяет священные, завещанные нам нашими предками канлы и учит забывать обиды и зло. Наши враги хотят заставить нас, как рабов, работать на себя... Но этому не бывать. Наибы, алимы, абре-

---

⁴⁶ По убеждению горцев, всю землю Аллах разделил надвое Кавказским хребтом и по ту сторону хребта живут народы Гога и Магога, вражеское племя.

⁴⁷ Иисуса Христа.

ки, мюриды и вы, таулинцы, Алла-сахла-сын!⁴⁸ Волю Аллаха возвещаю вам: три дня и три ночи пробыл я в мечети, испрашивая, за что прогневался на нас Вечный, наказав поражением недоступной доселе Аргуани, и Аллах смилостивился над своим недостойным слугою и послал мне Пророка. Он явился мне во всем могуществе райского блеска. Но я не смел взглянуть на него. Из уст его пылало пламя, и грозные очи кололи, как два острых клинка. Гром и молния были в грозных чертах его. Ему сопутствовал Зейнал-Аби-дин,⁴⁹ который и оповестил мне волю Могучего и причину его гнева. Старейшины и народ, внимайте! Аллах гневается на нас, потому что Ему известно, что среди нас, мюридов, есть такие, которые не исполняют должных обрядов, молитв, постов и омовений, не исполняют волю Пророка и предписаний тариката. И за их грехи должны страдать все. Но лишь только позорная казнь совершится над грешными, победа будет наша. Так решил Пророк! Валла-билла!⁵⁰ Иншаллах!⁵¹

– Иншаллах! – эхом отозвалась толпа на слова своего имама.

В это время из толпы выдвинулся человек в чалме, с жестким взглядом. Это был татель⁵² Самит. Его называли очами

---

⁴⁸ Да сохранит вас Аллах.

⁴⁹ Самый ближайший святой у Пророка.

⁵⁰ Клятва.

⁵¹ Да будет так.

⁵² Наблюдающий за религиозным поведением мюридов и докладывающий обо

и ушами имама, так как через него Шамиль знал обо всем, что происходило среди мюридов. Ему же была дана неограниченная власть обличать того или другого мюрида, будь он знатный наиб или простой таулинец.

– Мой верный Самит, – произнес Шамиль, кладя руку на плечо тателя, – тебе поручаю отыскать виновных ослушников Пророка и доставить их как можно скорее на суд. Проступок нарушения веры в дни газавата требует жестокого, немедленного возмездия. Такова воля Пророка.

Самит молча склонился пред имамом.

И не одно сердце мюрида дрогнуло в это мгновение. Они знали, что словам Самита, будь они клевета или правда, поверит имам и названному им преступнику пощады не будет.

Лишь только Шамиль знаком отпустил Самита, мюриды выстроились по обе стороны улицы, образуя живые шпалеры от мечети до дома имама, и громко запели священный гимн газавата, начинающийся неизменным: «Ля-иллях-иль-Алла!» Шамиль двинулся между этими двумя живыми стенами, поддерживаемый с двух сторон ближайшими из своих наибов.

Но вот внезапное смятение произошло в рядах его свиты. Кто-то метнулся навстречу шествию и распостерся на земле у ног имама.

Ближайшие мюриды бросились к упавшему и, подняв его, поставили перед лицом Шамяля. В ту же минуту из толпы их

выдвинулся старик Хаджи-Али и сказал, указывая на незнакомца:

– Великий имам! Этот юноша – Гассан-бек-Джанаида, уроженец аула Дарго-Ведени, он джигит из отрядов храброго Ахверда-Магомы. Он жаждал узреть тебя, великий имам, и с этой целью прорвался сквозь цепь русских и прискакал в аул. Сердце его чисто, как струя потока, и душа его жаждет блаженства вечного.

– Встань, юноша, и скажи, в чем твоя просьба? – ласково обратился к Гассану Шамиль.

– Святейший имам, – произнес тот, вперя восторженный взор в лицо своего повелителя. – Моя просьба дерзкая, я хочу многого, и, быть может, за мою дерзость я заслуживаю смерти: святейший имам, я хочу быть мюридом!

– В твоём желании, юноша, нет преступления, – ответил Шамиль. – Напротив, великий Пророк сочувствует всем, кто желает стать в ряды борцов газавата. Но ты слишком молод, юноша, и вряд ли успел пройти все необходимое для вступления на путь блаженства!

– Великий имам! Да сияет твое имя золотую звездою над небом Дагестана... Молодость моя не послужит помехой моему благочестию. Я готов поклясться на коране, что все установленные испытания пройдены мною. Мой учитель, Даргийский кадий, подтвердит тебе это. Цель моя – драться в твоих отрядах на священном газавате и отомстить урусам! Прими меня, имам!

Искренностью и горячим порывом веяло от речей юноши, а черные глаза его так и сверкали решимостью умереть по одному знаку имама.

Глядя на него, невольно припомнилось Шамилю время, когда он стремился к тому же, к чему стремится теперь этот юный горец. И долгим, пронзительным взглядом окинул он юношу.

Твои слова дышат храбростью, – произнес имам ласково. – Ступай в мечеть, где проведешь ночь в уединении и молитве, а с зарею мулла свершит твое посвящение.

И, ласково кивнув головою, Шамиль снова двинулся в путь, оставив Гассана с сердцем, преисполненным восторга и трепета.

Глава 7

Гарай! Гарай!⁵³

Плачет джианури...⁵⁴ рыдает сааз...⁵⁵ Красавица Патимат разбросала по плечам свои черные кудри и тихо напевает родные гимринские песни, быстро перебирая струны мелодичного джианури. Ей вторит одна из служанок на звучном, как песня соловья, саазе. Повелитель и муж Патимат, Шамиль, ушел на совещание и вернется домой лишь с зарею. А то бы не сдобровать им... Песни, музыка и пляска строжайше запрещены в имамском дворце вообще, а в дни газавата особенно.

Но что ей газават, когда она молода и жаждет радости и счастья. Пускай целые дни от зари до зари слышатся залпы пушечных выстрелов. Тщетно ведь обстреливают русские Сурхаеву башню и другие. Патимат знает, как прочно выложены камнем Ахульгские твердыни, как смелы и храбры мюриды, засевшие в них!.. Не взять русским ни Сурхаевой башни, ни Ахульго, и она может спать спокойно, как под крылом ангела Джабраила.⁵⁶ Зачем же тревожиться ей и грустить, как Фатима, которая день и ночь плачет о своем Гамзате. Слава

---

⁵³ Тревога.

⁵⁴ Род трехструнной гитары.

⁵⁵ Музыкальный инструмент горцев.

⁵⁶ Архангел Гавриил, особенно почитаемый горцами.

Аллаху, с нею ее мальчишки, и Кази-Магома, и алый цвет ее сердца – красавчик Джемалэддин. Вон сидит она, Фатима, в углу со своей грудной Гюльмой, и глаза ее горят, как у волчицы... У нее всегда так горят глаза, когда она смотрит на Джемалэдина. Можно думать, что она завидует доле ее, Патимат... Не желает ли она ему участи Гамзата? Нет, нет, у каждого своя судьба, предназначенная Аллахом!

Но вот замолкла песня... С унылым звоном падает джианури на мягкие ковры сераля. Следом за ним умолкает и звенящий сааз... Служанка вносит целое блюдо сладкой алвы.⁵⁷ Другая зажигает чирахи⁵⁸ в глиняных плошках... За ними бегут Джемалэддин и Кази-Магома. Они уже отведали вкусного лакомства, потому что губы их стали слаще меда и они поминутно обтирают липкие пальцы о полы бешметов.

– Аллаверди!⁵⁹ – говорит им мать и улыбается обоим сразу, но глаза ее, помимо воли, останавливаются с большей лаской и нежностью на лице старшего сына, уплетающего за обе щеки сладкую, тающую во рту алву.

– Сегодня урусы два раза кидались на штурм, – говорит он, усиленно работая зубами. – Да что толку? Отбили их наши. Слышишь, снова палят они!

Действительно, новый залп пушек громовым ударом пронесся по горам и замер где-то вдали, несколько раз повто-

---

⁵⁷ Кукурузных пряников.

⁵⁸ Нефтяные фитили, которые горят в плошках, наполненных бараньим салом.

⁵⁹ На здоровье.

ренный эхом. Точно горный шайтан обменялся приветствиями с черными джинами бездн и ущелий.

– Сегодня на совещании старики говорили, что сардар хочет идти на Ахверды-Магому к высотам, – неожиданно вмешивается в разговор Кази-Магома. – Наши их допекли. Говорят, из гор спешат новые наши отряды. Вот бы пробиться им сюда! Небось много бы отправили тогда в ад неверных...

И маленькие глазки его хищно сверкают как у голодного волчонка.

– Мать, спой мне песню, – просит Джемалэддин, поднимая упавшую на пол джианури и заглядывая в лицо Патимат просящими глазами.

Той уже теперь не до песен. Залпы все усиливаются и усиливаются с каждой минутой, несмотря на подступающую темноту ночи. В промежутках между ними слышатся дикие крики горцев и пение их священного гимна. Нет больше сомнений: там, внизу, у башни идет рукопашный бой. Там штурмуют Сурхай ненавистные урусы. «Аллах великий, помоги джигитам!» – шепчет она набожно. Потом разом хватает джианури и, чтобы отвлечь внимание детей от боевого шума, живо настраивает его и поет во весь голос:

В ущелье над утесом горным

В ауле спит моя семья...

Прощайте все. С конем проворным

С зарей уйду к джигитам я!

Мы полетим в набег кровавый,
Врага трусливого спугнем,
Покроем имя громкой славой
Иль, пораженные, умрем.

Отец мой уздень был могучий,
Убит гяуром старший брат...
Мы налетим на русских тучей,
Великий славя газават...

Топот нескольких коней и крики, огласившие узкую улицу аула, внезапно прервали песню Патимат. Дверь быстро распахнулась, и старуха Баху, мать Шамиля, поспешно вошла в саклю.

– Не вовремя расчирикалась, ласточка, – сурово нахмурившись, проворчала она. – Урусы взяли Сурхай. Будь они прокляты!

Кази-Магома дико взвизгнул, услышав слова бабушки, и зарылся головой в чохлан матери. Он весь трясся от страха. Джемалэддин вздрогнул точно конь, впервые испробовавший нагайки, и ринулся к двери.

– Куда, куда, орленок? – кричали ему в один голос мать, тетка и бабушка. Но он и внимания не обратил на их крики... Ему во что бы то ни стало надо было узнать истину. Надо было узнать – впрямь ли взяли русские башню?.. Вся кровь его кипела. Если правду сказала бабушка, то дело плохо. Сурхай – ворота Ахульго. Возьмут Сурхай – возьмут Ахульго. Надо

торопиться... Он сегодня же отточит шашку и заложит в газыри новые патроны... Потом встанет у дверей сакли и скажет матери:

– Не бойся, ласточка, я защищу тебя!

Да, он защитит ее, бабушку и Кази! Он старший в роде! На его обязанности лежит это.

А может быть, все – одна неправда? Бабушка Баху туга на ухо, и все это могло легко послышаться ей. Ложный страх, и ничего больше!

Сердечко мальчика шибко-шибко бьется в груди. Ему не за себя страшно, нет. Боязнь за мать, за ее участь наполняет все мысли Джемалэддина. Не помня себя, бежит он на площадь по узкой, кривой улице. Аллах великий, сколько народу собралось уже там! Вон и Хажди-Али, и старик Джэддин, их воспитатель, и Кибит-Магома, и все наибы и старейшины. Что, если они увидят здесь его – Джемалэддина? Дети имама не смеют показываться среди народа... Достанется ему от отца!

Быстро юркает за спины взрослых крошечная фигурка малыша, для большей предосторожности нахлобучившего на самые глаза папаху... В сгустившихся сумерках вечера едва ли можно заметить его. Зато он сам все видит, все замечает.

Вот выходит из мечети его отец и бывшие с ним на совещании алимы.

В эту самую минуту из толпы выезжает только что при-

бывший из Сурхая мюрид, быстро спешивается и подходит к имаму. Джемалэддин знает его. Это – Гассан, вновь посвященный в мюриды. Еще недавно повелитель отправил его в Сурхаеву башню в подмогу остальным. Из груди Гассана сочится кровь. Он ранен в плечо, и рука его безжизненно болтается вдоль стана.

– Великий имам, – говорит он глухим голосом, – клянусь кораном, мы, твои верные слуги, храбро бились, отстаивая башню. Но к урусам подходили все новые и новые воины, их было много, как звезд на небе... а нас, твоих верных мюридов, лишь горсть; они все перебиты гяурами, лишь я один успел прорваться сюда, чтобы возвестить тебе горе: башня взята.

– Проклятие гяурам! – грозно пронесся над толпою мощный голос имама. – Гнев Аллаха тяготеет над нами! Заслуженная кара постигла нас... Где Самит? Исполнил ли ты повеление и найдены ли преступившие законы веры?

В одну минуту из толпы вынырнул Самит.

– Один преступник найден, повелитель, и ждет приговора! – произнес он, почтительно склоняясь пред имамом.

Толпа расступилась, и Джемалэддин увидел связанного по рукам человека, выступившего вперед, с трудом волочашего скованные ноги. О бок с ним шел палач в черной тряпке в виде чалмы, обматывающей папаху, и с обнаженной секирой в руке.

Мирза⁶⁰ имама обратился с речью к народу, в которой пояснил вину подсудимого: он не молился Аллаху, не совершал обязательных омовений, не исполнял всех правил поста и молитвы, которые предписаны учением тариката. Самит все это узнал точно, и виновный даже не оспаривает своей вины.

– Что заслужил виновный? – раздался среди гробового молчания голос Шамиля.

– Смерти! – раздался дружный ответ.

– Смерти! – громче других кричали мюриды.

– Смерти! – в тон им вторили старейшины. Приговоренный стоял бледный как мертвец, и губы его чуть слышно шептали:

– Аман! Аман!⁶¹

– Для грешников, не исполняющих законов веры, нет пощады, – грозно прогремел голос Шамиля. – Ин-шаллах,⁶² – и он сделал знак палачу.

Тот взмахнул кинжалом, и обезглавленный мюрид упал к ногам своего убийцы.

– Именем Аллаха, исполнено! – как один человек, произнесли все.

Из мечети выбежали муталимы и, покрыв обезглавленное тело, скрылись с ним из виду, чтобы сжечь мертвеца на ко-

---

⁶⁰ Секретарь.

⁶¹ Пощады! Пощады!

⁶² Быть по сему.

стре.

Теперь, когда кара постигла виновного, победа над гяурами была обеспечена и народ мог спокойно разойтись по домам.

Последней с площади скрылась маленькая фигурка. По лицу Джемалэдина катились слезы, в то время как он то-ропливо пробирался к сералю по улицам аула.

Его сердце сжималось жалостью к казненному, и впечатлительную детскую душу грызла тоска.

Глава 8

Осада длится. Под кровом восточной ночи

С той минуты, как Фатима Хазбулат заметила появление русских на высотах, прошло более двух месяцев. Успешно добивались своей цели русские войска. Осадные работы были окончены. Оставалось приступить к штурму. За эти два месяца немало урону потерпели они. В самом начале осады огромные скопища Ахверды-Магомы, вызванные на помощь имаму, были оттеснены генералом Лабинцевым назад в горы. Но к Ахверды-Магоме подоспели новые полчища горцев, и он настойчивее стал тревожить с тыла русский отряд, всячески мешая ему производить осадные работы под стенами замка. Тогда генерал Граббе двинулся на горцев со всеми своими батальонами, чтобы дать решительный отпор деятельному помощнику имама. Осажденные воспользовались его уходом, сделали вылазку и перерезали саперов, производивших окопные работы.

Вернувшись под Ахульго, генерал Граббе обратил все внимание на Сурхаеву башню, из которой особенно допекали пули засевших в ней мюридов, и взял ее приступом, предварительно разрушив ядрами стены. По взятии Сурхаевской твердыни на помощь русским подоспели еще три све-

жих батальона Ширванского полка под начальством полковника барона Врангеля, с четырьмя горными орудиями. Теперь под стенами Ахульго собралось тринадцать батальонов и тридцать орудий. С этими силами граф Граббе решился двинуть войска на решительный штурм.

16 июля 1839 года русские бросились на завалы и ворвались в передние укрепления со всех сторон, не обращая внимания на тучи пуль защитников. Мюриды не выдержали и дрогнули перед дружным натиском врага. Но в эту минуту порядам русских пронеслась ужасная весть: полковник барон Врангель тяжело ранен. Храбрецы-ширванцы, боготворившие своего командира, пришли в смятение. Этим воспользовались горцы, ударили на осаждающих, и первый штурм Ахульго был отбит.

Только по прошествии месяца можно было помыслить о новом штурме. Наши солдатики с неутомимой энергией принялись исправлять завалы, рыть окопы и возводить новые укрепления, готовясь исполнить все к назначенному дню.

И вот наконец этот день наступил.

17 августа был назначен второй штурм Ахульго.

* * *

Темная и жуткая, как бездна, кавказская ночь тихо подкралась к природе и раскинула над нею свой траурный полог. Русский лагерь, теперь уже вплотную придвинутый к самым

утесам Ахульго, как бы замер, придавленный мглою. Только изредка раздается лязг ружья часового, нечаянно ударившего дулом о каменистый грунт почвы, да где-то внизу, под землею, изредка раздаются глухие удары железных кирок. Такие же точно удары слышны, когда копают могилу... Впрочем, это и есть могила, в которой, может быть, суждено погибнуть не одной человеческой жизни. Завтра эта могила будет готова. Неутомимые саперы проложили своими лопатами длинный подземный ход от берега Койсу к громадному уступу, с которого удобнее всего начать штурм твердыни. Этот штурм назначен с зарею. До зари должны быть закончены подземные работы; вот почему целую ночь напролет стучат лопаты и кирки в подземелье и глухие подземные удары едва внятно будят тишину.

Чутко прислушивается к ним, этим ударам, молодой офицер первого Куринского батальона, стоя неподалеку от своей палатки и вперив глаза в беспросветную темноту ночи.

Его зовут Борисом Владимировичем Зарубиным. Несмотря на свою молодость, он уже отличенный герой. Белый Георгиевский крестик смутно белеет на его груди. Сам главнокомандующий, барон Розен, повесил ему этот крестик за взятие Гимр, когда Зарубин, еще будучи совсем юным поручиком, влетел вместе со своим взводом удальцов-куринцев на бруствер башни, защищаемой отчаяннейшими мюридами. Тогда же он получил и чин штабс-капитана. А теперь, по прошествии семи лет, он, капитан и командир одной из рот

первого батальона, пришел вместе с отрядом генерала Граббе брать Ахульго.

Его считают храбрым, примерным офицером, и он на отличном счету у начальства. Самые трудные поручения даются ему, потому что в главной квартире знают, что капитан Зарубин выйдет из них со славой и честью. Вот и теперь, при завтрашнем штурме, генерал-майор Пулло, по указанию графа, предложил Зарубину с его ротой войти в состав удальцов-охотников, вызвавшихся с зарею проникнуть подземным ходом под стены замка. Поручение опасно. От него веет смертью. Наскоро вырытый проход может обрушиться и заживо погresti под собою весь батальон охотников. А там, впереди, еще большая опасность. Фанатики-мюриды дорого продадут свою жизнь. Они дерутся как львы, не считая врага, и в каком-то диком исступлении кидаются на русских. Это достойный неприятель. Он, Зарубин, убедился в этом давно: у них полное пренебрежение к смерти и безумная отчаянность во всем. Они точно ищут гибели, смело кидаясь в русские ряды. Еще бы! Погибших в газавате ожидает неземное блаженство, и смерть – лучшая награда храбрецам! Таков девиз этих безумцев. Борис Владимирович успел их узнать отлично. Постоянно участвуя в делах против горцев, он не только изучил их обычаи и природу, но сумел довольно основательно познакомиться и с их языком.

Он не мог не уважать их за храбрость и удивлялся им. Да, это страшный враг, не приведи Бог подобного! И завтра он

встретится с ним лицом к лицу.

До сих пор никогда еще сердце молодого офицера не трепетало при мысли об опасности, а теперь, этою ночью, что-то больно и остро саднит его. Это не страх, нет! Сколько раз приходилось Зарубину сталкиваться лицом к лицу со смертью; на плече его большой шрам – след чеченского удара, полученного им под Гимрами; он не боится смерти... Он готов ко всему. А между тем сердце его болит сегодня, и он знает причину этой боли.

Вчера к ним на передовые позиции примчался казак с «летучкой»⁶³ к командиру. В переметной сумке у него было несколько писем к офицерам от их семейств, воспользовавшихся оказией. И на его долю нашлось письмо от жены, из Тифлиса, где она жила с двумя детьми: семилетним Мишей и трехлетней Леной.

Ее письмо дышало лаской и заботами о нем. В конце письма посылала свое благословение и привет детей.

О, эти дети! Все сердце его обливало кровью, когда он оставлял их, уходя с полком... Голубоглазый, жизнерадостный, всегда веселый, живой и улыбающийся Миша и немножко меланхоличная, задумчивая и поэтичная Леночка с худеньким и болезненным личиком крепко отца целовали перед последним походом. Он как сейчас видит их милые головки, слышит их звонкие, нежные голоса. Ах, если бы увидеть их снова! И зачем жена прислала ему это письмо перед

---

⁶³ Донесение.

самым штурмом! Ему тяжело будет умирать с ним на груди! Жизнь кажется такой прекрасной и так тяжело расставаться с нею, когда чувствуешь всю нежность и ласку ближних! Одному, бобылем, легче умирать. Никого не оставишь сиротами и не обездолишь... Он поднял голову к темному небу... И там стояла непроглядная мгла, как и здесь, внизу. Борису Владимировичу стало невыносимо тяжело от этого мертвящего душу мрака. Нестерпимо захотелось услышать человеческий голос, почувствовать вблизи себя живое существо. Он тихо позвал:

– Потапыч!

Из-за белого полога палатки выглянула фигура денщика, старого, испытанного боевого солдата. Потапыч и по сию минуту не бросил бы строевой службы, если бы чеченские раны, обильно покрывавшие его старое тело, не давали себя знать.

Он неслышно приблизился к офицеру и тихо произнес недовольно-ворчливым и в то же время добрым, ласковым голосом:

– И чего не спите, спрашивается? (Между Потапычем, обожавшим своего барина, у которого он служил около восьми лет, и Зарубиным установились дружеские, далеко не дисциплинные отношения), шли бы спать, ваше благородие! Перед штурмом-то выспаться как следует не мешает. Ведь дело не легкое поди: с самим Шумилкой схватиться, може, придется. Так вы бы того, на боковую. А? Я вам и чайку с

ромом оставил, холодненького. Крепче от него соснете!

Голос старого денщика звучал необычайной нежностью и заботой. Видно было, что благополучие своего барина и его судьбу он ставит выше всего.

– Ладно! Ладно! Лягу, Потапыч, – отвечал ему Зарубин. – Не ворчи... О ребятах задумался... Что-то они?..

– Чего они! Так же по земле ходят, как и мы с вами. Небось не вверх ногами. Что им у матери под крылышком делается? Лизавета Ивановна и приголубит их, и укроет от всего дурного. Вам хуже... – снова недовольно заворчал тот.

– А как ты думаешь, возьмем мы Ахульго, старик? – внезапно прервал его вопросом Зарубин.

– Беспременно, – радостно оживляясь, без малейшей паузы, залпом выпалил Потапыч, – что бы им, таким, как его превосходительство Пуле⁶⁴ да полковник Циклауров, да не взять? Помоги им, Господи! Да за такими господами наша братия хошь в самый ад пойдет! И то сказать: хороши наши молодцы-куринцы. Знал главнокомандующий, кого во главе штурма поставить... Небось возьмем!.. Гимры взяли, Тилетль взяли, Аргуань тоже... и это возьмем. Как Бог свят! Еще Шумилку гололобого накроем... Во как! Длинный хвост ему прищемим; небось еще яману закланчит! Он, ваше благородие, только издали храбер... И морды эти евоныя...

– Мюриды! – поправил денщика Зарубин.

---

⁶⁴ Пулло.

– Ладно, и за морды сойдут, не велики птицы! – произнес тот ворчливо.

– Ну не скажи! Мюриды храбрые воины, и в битве они хоть куда! А вот ты мне что сделай, Потапыч, – вдруг неожиданно перевел Борис Владимирович разговор на другую тему, и голос его дрогнул затаенной тревогой, – если меня убьют (долго ли до греха), ты мне Богом побожись, старик, что семьи моей не оставишь. Мишу Елизавете Ивановне можешь вырастить и таким же верным царским слугою его сделаете, каким был отец. Чтобы он, Миша, ради царя и родины жизни своей не щадил – слышишь?

– Слышу-то слышу, – совсем уже сердито отозвался в темноте не совсем твердый голос Потапыча, – только что толку-то с того, что слышу? Потому все брехня это одна, ваше высокоблагородие... сущая брехня, и только! Ишь ведь, умирать вздумали! Гляди-кось, на завтра второго Егория нацепите... А вы смерть! Убьют! Да где же это видано?.. Да что же это?.. Да я...

Голос старика внезапно дрогнул и оборвался. Тихое, чуть заметное всхлипывание послышалось подле Зарубина. Не то ручей улькал, не то плакал кто-то.

«Славный он, верный, добрый! – догадавшись о происхождении этих звуков, произнес мысленно офицер. – С таким, как он, и умирать не страшно. Вырастит Мишу и храбрецом сделает... Истинный друг...»

– Ну, старина, пойдем! – добавил он вслух. – Обнял бы

тебя, да в темноте не вижу. И то правда. Выспаться перед штурмом не мешает. Идем!

И он решительно двинулся к палатке, сопровождаемый своим верным Потапычем.

Глава 9

На штурм

Медленно занялась заря на востоке и, раскинувшись по небу, розовым пятном нежного румянца обдала скалы. Но не всем суждено было увидеть эту красавицу зарю.

Первый батальон Куринского полка под начальством генерал-майора Пулло и подполковника Циклаурова еще далеко до рассвета спустился в подземелье, законченное саперами этой ночью. Впереди своей роты, четко отбивающей подошвами такт по каменистой почве, энергично шагает капитан Зарубин. Он славно выпался за ночь благодаря заботам Потапыча, и ночной его тревоги как не бывало. Напротив того, какая-то необычайная бодрость охватывает теперь Бориса Владимировича. Сердце его полно уверенности в успехе дела, полно уверенности и в себе, и в своих.

«Возьмем Ахульго. Во что бы то ни стало возьмем, – настойчиво и упорно выстукивает оно. – А там конец походу, и опять в Тифлис, к ним, дорогим, милым: жене, Леночке, Мише. О, сколько новых рассказов и разговоров будет у них про гололобого Шумилку, как называет величественного имама Потапыч... Славный этот Потапыч! Верный, преданный, любящий...

А они разве не славные, – обрывает сам свою мысль Зарубин, напряженно вглядываясь в темноту и стараясь разгля-

деть в ней родные его сердцу лица солдат. – Молодцы, богатыри они! Беспрекословно идут туда, где многих из них ждет верная смерть... И при этом полная готовность умереть за веру и царя...» Зарубин видел, как они сотнями погибали под меткими винтовками и штыками мюридов. И теперь идут победить или помереть.

Темнота, царящая в подземелье, мешает видеть ему эти добрые, загорелые, бесхитростные лица, но ему и не надо их видеть: он их чувствует сердцем, они как бы сроднились с его душой, вросли в нее.

Чу! Что это такое? Внезапный шум... Легкий стон... И все стихло. Это камень оторвался с отвеса и насмерть придавил кого-то своей тяжестью.

– Ермоленку пришибло! – слышится подле Зарубина трещащий голос.

– Пришибло! Ермоленку!

Он знал хорошо этого Ермоленку. Такой бравый и лихой был солдат. Ловко отплясывал трепака на бивуаках и со смехом хвалился товарищам забрать в полон самого Шумилку. А теперь его пришибло шальным камнем и лежит он в темном подземелье, разом успокоенный и примиренный со своей судьбой. Одного пришибло, а другие идут. Стройно идут, поодиночке, гуськом, ощупью намечая дорогу.

Зловещая тишина царит над этой черной могилой, заживо поглотившей их. С обеих сторон плотные каменные стены, грозящие ежеминутно обрушиться и придавить их своею тя-

жестью, как только что придавили Ермоленку. Он, Зарубин, нащупывает холодные камни руками. О, как ужасен этот каменный гроб... Скорее бы на воздух, к солнцу! Пусть даже неминуемая смерть ждет их там, у выхода подземной галереи, лишь бы смерть на воле, на земле, под открытым небом, а не в этом каменном мешке, безмолвном и страшном.

И судьба точно подслушивает это тайное желание Зарубина, и не одного только Зарубина, а всех этих смельчаков, жертвующих жизнью.

Что-то блеснуло вдали. Какая-то яркая, ослепительная точка заискрилась впереди них. Это небо, это солнце, это воля! Ура! Еще немного, и они у цели. Черная галерея осталась далеко позади. Впереди желанный уступ... Быстро прилаживаются лестницы, и молодцы-куринцы бесстрашно карабкаются на него.

– Братцы, вперед! – слышится звучный голос Пулло. – За мной!

Он во главе отряда, с шашкой наголо, с револьвером в руке. Вот он уже на утесе впереди своего батальона. И вмиг, разом со всех сторон посыпался на них свинцовый дождь. Голые скалы словно оживились, точно по мановению волшебного жезла. В одну минуту утесы и глыбы – все покрылось чеченцами.

И из каждого уступа выглядывала или черная папаха, или белая чалма мюрида и торчало узкое дуло винтовки... Их дикое «Алла! Алла!» слилось в один сплошной рев.

– За мной, братцы! За мной! – слышится среди грома и треска выстрелов громкий призыв подполковника Циклаурова. И, с шашкой наголо, он первый лезет на ближайший утес, где засела густая толпа Шамилевых воинов. Град пуль и камней сыплют они на головы осаждающих, но ничего уже не может удержать смельчаков.

Могучее «Ура!» мигом заглушает чеченское «Алла!». Вот отброшены винтовки... Горские кинжалы звякнули о русские штыки... Лязг стали, стоны и крики сменили недавние выстрелы винтовок. Кипит, усиливаясь с каждой минутой, страшный, могучий штыковой бой. Зарубин во главе своей роты храбро и метко отражает удары и в то же время лезет все выше и выше по горным уступам, шашкой прокладывая себе путь. Куринцы первые приняли боевое крещение. Но теперь не одни куринцы очутились на горных уступах, ведущих к аулу. Со всех сторон поднимались к Ахульго другие такие же русские удалыцы. С берега апшеронцы строят взводную колонну, осыпаемые со всех сторон меткими пулями неприятелей. Вон с противоположной им стороны саперы втаскивают туры и фашины и наскоро устраивают ложементы – и все это под дружным натиском Шамилевых мюридов, – в то же время отражая лютого врага.

Целый ад стоит вокруг Ахульго. Каждый уступ берется с бою. Страшная, немилосердная резня на утесах заливает кровью каменный грунт. Десятками валяются тела убитых, десятками же поглощает их Койсу, окрашивая пурпуром свои

седые волны. Груды тел осаждающих и осажденных покрывают скаты и уклоны гор. Груда тел скатывается в Койсу и, не достигнув ее, обратившись в окровавленную массу, распластывается на площадках и выступах. Отчаянные стоны раненых, шум скатываемых камней и лязг скрестившихся сабель – все это покрывается голосами обезумевших, озверевших в схватке мюридов, с гимном газавата бросающихся в бой. Люди, уже не разбирая, режут и колят наудачу, не видя в лицо врага от застилающего их глаза кровавого тумана. Мюриды дорого продают свою жизнь.

Вот с одним из них схватился Зарубин. Глаза его налиты кровью. Зубы бешено стиснуты. Глаза мечут искры...

– Алла! Алла! – лепечет он хриплым голосом и заносит свою короткую шашку над головой русского саиба. Борис Владимирович вовремя отклоняется от удара, взмахивает саблей, и в ту же минуту голова в белой чалме, отделившаяся от тела, летит в бездну.

А перед ним уже новый враг... Точно из-под земли вырос. Совсем еще молодое лицо сурово и строго, с пламенно-горящим взором... А на мизинце блестит гладкое кольцо – значок мюридов. Это Гассан-бек-Джанаида.

– Ля-иллях-иль-Алла! – выкрикивает он и кидается на Зарубина...

Борис Владимирович шашкой выбивает кинжал, разом обезоружив молодого мюрида.

В эту минуту чей-то яростный крик заставляет его обер-

нуться. Наиб в красной чалме заносит над ним свою кривую саблю.

«Смерть!» – вихрем пронесется в мозгу Зарубина, и перед его глазами, как живой, предстает его белокурый Миша...

Жажда жизни охватывает Бориса Владимировича: жить, во что бы то ни стало жить, ради его жены, детей, Миши!.. Не помня себя, он выхватывает револьвер и в упор стреляет в голову наива.

Красная чалма как-то странно виснет набок, вслед за тем вовсе исчезает из его глаз.

Ее снова заменяет молодой мюрид... В его руках уже сверкает клинок кинжала, который он успел поднять тем временем...

– Смерть гяурам! Вечная слава имаму! – кричит он и в ту же минуту валится, оглушенный ружейным прикладом какого-то солдатака.

Зарубину некогда благодарить своего спасителя, некогда даже взглянуть – кто он.

Вокруг него все сильнее и жарче разгорается битва... Все грознее закипает она.

И вдруг громовое «Ура!» слышится над его головою. Это куринцы успели подняться к самому аулу... К ним спешат остальные.

– Алла! Алла! – перекрикивая их, воют мюриды.

И новые массы, нахлынув на русских, оттесняют их снова

назад к уступам.

А там высоко у самых стен замка, где строятся новые ряды, стройный всадник весь в белом, на белом же коне, в зеленой чалме с кистью появляется среди защитников замка. Над ним веет черное знамя с серебряною вязью из арабских письмен.

Лишь только он показался, как туча русских пуль направилась в его сторону. Но белого всадника не пугают русские пули. Он точно заговорен, этот белый всадник, и не судьба ему, верному слуге Аллаха, погибнуть теперь. Он необходим здесь, на земле, в священные дни газавата. Бесстрашно появляется он всюду, где кипит битва, и громким голосом ободряет своих воинов, суля райское блаженство убитым.

Этот белый всадник не кто иной, как вождь правоверных, сам имам – Амируль-Муминина-Шамиль.

Глава 10

Юный защитник. Женщина-джигит

Слуги верные Аллаха,
Меч священный обнажите,
И во славу газавата
В битве головы сложите.

У Зейнула Аббедина
Ключ к вратам священным рая...
Там блаженство ждет убитых...
Вас зову я, заклиная.

Вы, защитники корана,
Слуги верные Аллаха,
Окажите помощь вашу
И примите смерть без страха.

Ждет Пророк в раю вас, храбрых,
Сам Аллах следит за битвой...
На гяура киньтесь смело,
Смело – с верой и молитвой!

Грозно разносятся по аулу слова великого гимна газавата... Смело идут умирать под звуки его все новые новые ряды мюридов... Шамиль уже выпустил под стены Ахуль-

го своих лучших воинов, красу и цвет своего рыцарства. Кибит-Магома Тилетльский, Ахверды-Магома Хунзахский, успевший прорваться со своими скопищами в осажденный замок, дерутся как львы, наравне с простыми воинами, у последних завалов Ахульго. Но им уже не удержать орлиного полета русских удалцов; они взвились на высоты и теперь, того и гляди, прорвутся грозным потоком на улицы аула. Шамилевские наибы: Магомет Худанат-оглы и Гамат-бек-Магомет Гоцатльские, Юнус Черкеевский и Зирар-Али Шагадийский ведут в битву мюридов, спеша выстроить преграду из живой их стены, чтобы закрыть вход в аул...

Грозно расппевают они священный гимн газавата.

Этот гимн похоронными звуками отдается на женской половине дворца имама.

Там все полно смятения и паники. Женщины мечутся с рыданием, посылая тысячи проклятий на головы гяуров. Старуха Баху-Меседу, совершенно обезумев, как белка в колесе, носится из угла в угол, спешно увязывая в громадные бурдюки все, что есть ценное во дворце Шамиля.

Кази-Магома воеет как затравленный волчонок, уткнувшись носом в угол и зажимая себе уши, чтобы не слышать шума битвы.

Бледная и трепещущая Патимат сидит на циновке, – вся олицетворение отчаяния и горя.

У ног ее поместился Джемалэддин и, не отрываясь, смотрит на дверь. Он готов каждую минуту кинуться к порогу,

чтобы защищать женщин.

Бедный ребенок понимает, что не его слабыми ручонками разить храбрых гяуров, но он готов умереть с кинжалом в руке, защищая мать.

Одна Фатима спокойна. На руках у нее Гюльма, ее годовалая дочь. Она машинально качает дитя, в то время как напряженное ухо прислушивается к тому, что делается снаружи.

А там, за порогом сераля, – ад. Рев битвы не умолкает ни на минуту. Вот слышнее и слышнее звучит гимн газавата. Явственнее долетают дикие крики, лязг оружия и какой-то странный топот бесчисленных пар ног.

И вдруг крики «Алла! Алла!» слились с незнакомыми, дикими криками на непонятном ей, Фатиме, языке.

– Астафюр-Алла!⁶⁵ Русские в ауле! Мы погибли! – слышится ей исполненный ужаса голос ее невестки.

Что-то непонятное творится на улице. Стоны и крики слышатся близко, совсем уже близко от сераля... Дикие вопли одних и бешеные возгласы других смутным гулом повисли над аулом... Сомнений нет – гяуры ворвались в него.

Джемалэддин быстро вскакивает со своего места и в два прыжка достигает двери.

– Не бойся, мать, я защищу тебя! – кричит он напряженно-звонким детским голосом и, быстро выхватив из-за пояса кинжал, взмахивает им... – О, пусть только осмелятся гяуры

---

⁶⁵ Помилуй, Боже!

переступить порог!

Глаза его горят как звезды на восточном небе. Отвагой и беззаветным мужеством дышит прекрасное лицо. Он словно вырос в одну минуту... Возмужал точно... О, он готов умереть сейчас за свою единственную! Пусть не боится она; его шашка пронзит первого гяура, который осмелится войти в сераль!

А крики и стоны все слышнее и слышнее.

Патимат быстро сорвала кинжалы, висевшие на стенках, и раздала их женщинам... О, лучше, во сто раз лучше умереть смертью самоубийцы, нежели попасть в руки гяуров, их врагов!..

А вокруг нее мечутся и стонут женщины, воеет не своим голосом Кази-Магома, пищит от страха проснувшаяся на руках Фатимы малютка-дочь, и он, ее азис, ее горный сокол, стоит прекрасный, как ангел Джабраил, с пылающим взором и обнаженным кинжалом в руке.

– О мой Джемалэддин! Мы погибаем! Повелитель в пылу битвы позабыл о нас! – со стоном срывается из уст несчастной, и она, бросившись к сыну, обнимает его...

Страшный стук в дверь заставляет их всех вскрикнуть и переглянуться.

Бледное лицо Джемалэддина принимает решительное и суровое выражение, как у взрослого... Белые как жемчужины зубы вонзаются в нижнюю губу. Одной рукой он размазывает кинжалом, другой обнял мать. Его глаза сыплют по-

токи искр... Он готов к бою, готов к смерти...

Под напором сильной руки широко распахивается дверь сераля.

Слава Предвечному, это не враг! Это Гассан.

С него сбита чалма; страшные кровоподтеки, след удара, пересекают лоб. Одежда его закапана кровью. Лицо бледно как смерть, глаза горят.

– Великий имам и повелитель – едва в силах произнести он глухим голосом, – приказывает вам перейти потайным ходом в Старый замок. Я проведу вас туда. Гяуры ворвались. Мы отступаем.

Дикий крик, вырвавшийся при этих словах из груди одной из женщин, заставил вздрогнуть всех остальных.

– Отступают! Мюриды отступают! – безумно сверкая глазами, иступленно прокричала Фатима. – Хорам! Хорам! – и, взмахнув своим коротким кинжалом, с малюткой Гюльмой на руках, она кинулась за порог сакли.

Гассан сказал правду. Мюриды отступали от стен вовнутрь аула, оставляя сотни тел на узких улицах Ахульго... Русские шли по пятам за ними, штыками и саблями прокладывая себе путь в самое сердце замка. Самые храбрые из набов потеряли голову. Они неслись во весь опор к тому месту, где, руководя битвой, находился Шамиль. Они хотели убедить имама, что нужно сдать.

И вдруг над отступающими в беспорядке всадниками и над разрозненными в битве рядами пеших воинов слы-

шался звучный и сильный голос:

– Возьмите наши прялки и отдайте нам ваши кинжалы. Пустите нас в битву, а сами садитесь за пряжу вместо нас. Мы, женщины, научим вас сражаться и умирать во славу Аллаха. Или вы глупые мыши, что испугались горсти врагов, идущих в вашу же западню?.. Вы, смелые из смелых, стыдитесь! Не вы ли клялись на коране забыть дорогу назад? Не вы ли ищете вечного блаженства в раю Аллаха? Или вы не воины, витязи газавата, что пятитесь, как трусливые чекалки, от врага!.. Вы, бывшие храбрецы, вспомните вашу славу! Гордые орлы и смелые коршуны превратились в трусливых зайцев! Так смотрите же, трусы, как будет сражаться горная орлица за свое гнездо...

Отступающие мюриды подняли головы и невольно приостановились, недоумевая.

На утесе, размахивая одною рукою, стояла Фатима с отброшенною с головы чадрую, с развеянными волосами вокруг стана, с обнаженным кинжалом в смуглой руке. Она прижимала к груди Гюльму и махала оружием, готовая пронзить каждого, подошедшего к ней.

– Жена Хазбулата права! – громко вскричал один из набов. – Вперед, джигиты! Мы покажем смелой орлице, что могучие орлы еще не вывелись под небом Дагестана!

И вся отступившая было толпа снова ринулась в бой.

– Нашим женщинам не придется краснеть за своих мужей и братьев, – исступленно кричали мюриды и бросались с но-

вым приливом бешенства на русские штыки.

А Фатима все стояла на скале, торжествующая и смелая, с высоко поднятым над головою кинжалом. Она ждала только минуты броситься наравне с воинами в тесные ряды осаждающих, чтобы отстоять родное гнездо или... погибнуть под их штыками славной смертью. Вокруг нее кипела битва, свистели пули, звенели сабли и слышался стон. Но она была глуха ко всему окружающему. Перед мысленными взорами женщины стоял ее сын, находящийся заложником у русских, – Гамзат, измученный, окровавленный, убитый... Теперь она уже не сомневалась больше, что ненавистные гяуры расправились с ним. Все ее сердце закипало мщением... Взоры иступленно следили за ходом битвы. Каждый новый пораженный русский доставлял ей невыразимое наслаждение и дикий восторг.

– Канлы! Канлы! – взывала она страшным голосом, вся олицетворение возмездия и ярости.

Вдруг шальная пуля просвистела в воздухе и вонзилась с быстротою молнии в сердце Фатимы. Без единого стога скользнула она с утеса в пропасть, прямо в пенящиеся и плачущие волны Койсу, не выпуская Гюльмы из рук.

Ее судьба свершилась. Она обрела покой.

Несмотря на последний дружный натиск воодушевленных Фатимой воинов, ничто не могло спасти Ахульго. После двенадцати часов боя Шамиль понял это и поспешил выкинуть белый флаг.

Быстро собрался в мечети новый совет из числа самых близких приближенных советников имама. В чем состоял он, никто не знал в ауле.

Но когда имам вышел по окончании его к народу, глаза его зловеще пылали, а побледневшее лицо было уныло и мрачно, как ночь.

Глава 11

Пророчество Фатимы сбывается

В большой прочной сакле Старого Ахульго, исполненные смертельного страха, сидят женщины. Гассан и трое самых верных мюридов охраняют вход в нее. Патимат, старая Баху-Меседу, оба мальчика и служанки сбились в угол и с бледными лицами прислушиваются к тому, что происходит за стеною.

Слава Аллаху! Шум битвы стихает. Крики, доносящиеся сюда, становятся все слабее, тише – и воцаряется тишина.

И вдруг и горы, и бездны, и самое небо, казалось, дрогнули от могучего крика...

Вздрогнула и Патимат и трепещущими руками охватила обоих сыновей.

– Что это? – прошептали ее помертвевшие губы.

– Или ты не знаешь? – сурово отвечает бабушка Баху-Меседу. – Это победный клик гяуров. Он и в ликовании своем говорит про смерть.⁶⁶ Слава Аллаху, конец битвы настал и мы можем уснуть эту ночь спокойно... Должно быть, на минарете уже взвился белый флаг! Оттого они и ликуют.

– Велик Аллах! – набожно произнесла Патимат. – Он не допустил черного Азраила тронуть нас своим холодным кры-

---

⁶⁶ Русское «ура» напоминает горское «ур», то есть бей, убивай.

лом. Ложитесь спать, дети! Битва смолкла... до утра.

Мальчики не заставили мать повторять приглашение и, свершив обычный намаз, в одну минуту растянулись на мягких циновках и сладко уснули.

Странный и дивный сон снится Джемалэддину. Снится ему, точно он не сын могучего имама правоверных, не наследник его власти, а маленький черный орленок, такой же бессильный и юный, как тот, которого замучил два месяца тому назад его брат, Кази-Магома... И живет он не в сакле сераля, а в большом гнезде, высоко-высоко, под самыми облаками. Его мать, горная орлица, всячески лелеет его, и учит летать, и добывает ему корм в окрестных горах... Ему весело и любо парить над безднами, порхать в синем эфире, купаться в молочно-белых облаках. Он так счастлив, так беспечно-весел на своих небесных вышинах... Однажды, в один ясный весенний день, когда впервые дикие азалии и розы зацвели в ущельях и зашептали чинары у подножия гор, – его мать в смертельном страхе прилетела в гнездо, откуда отправилась было за кормом.

– Смерть! Смерть! – прокричала она, указывая куда-то клювом.

Он выглянул из гнезда и ужаснулся. Прямо на них неслась черная туча... Какой-то зловещий шелест стоял в воздухе... Шелест от тысячи могучих крыльев. Вот она ближе и ближе, роковая туча... Теперь уже можно различить отдельные очертания крылатых существ, окруживших со всех сторон

могучим роем их утес. Это ястребы, их злейшие враги. Вот они уже совсем близко, рядом... Еще минута... другая, – и со всех сторон зловещие птицы окружают гнездо. Его мать мечется и бьется, испуская дикие крики, угрожающе машет крыльями и вытягивает клюв, защищая своего птенца. Но все напрасно: врагов целая туча, а она только одна...

И вот они уже пробираются к гнезду... Вот двое из них бросаются на него и, подхватив на свои могучие крылья, с быстротою молнии взвиваются с ним над бездной...

Ледяной ужас сковывает члены Джемалэдина. Дикий крик вырывается из его груди, и, весь обливаясь холодным потом, он открывает испуганные глаза.

Ни гор... ни бездны... ни орлицы... ни ястребов... Солнце блещет. Ночь минула. Но что это? Их сакля наполнена народом. Тут и важнейшие наибы, и вожди, и дядя Хазбулат, и бесстрашный Кибит, и Ахверды-Магома, и мудрец Джемалэдин, воспитатель его и брата.

А впереди отец... О, как мрачно горят его глаза... как мертвенно-бледно печальное лицо! И наибы стоят, безмолвно потупясь в землю. Как сурово-угрюмы их мужественные лица!

А где же его мать?

Неужели это бьющееся у ног имама существо, эта стонущая и рыдающая без конца женщина – она, его веселая, ласковая красавица-мать? О чем она молит имама, покрывая слезами и поцелуями его ноги? О чем рыдает она?

Каким-то непонятным тяжелым предчувствием сжалось детское сердечко Джемалэддина. Он быстро вскочил на ноги и подошел к отцу.

– Благословен твой приход, повелитель, – почтительно целуя его руку, произнес он.

Что-то дрогнуло в лице имама. Точно быстрая зарница промелькнула по суровым чертам, и оно дивно осветилось печальной улыбкой.

Он ласково положил руку на бритую головку сына и еще раз улыбнулся ему. И снова сердце ребенка болезненно сжалось тем же неясным предчувствием. Он оглянулся в смятении на окружающих его старейшин, желая прочесть по глазам их, зачем явились в этот ранний час в сераль, куда никогда не входил никто, кроме ближайших родственников семьи имама. Но обычно ласковые с ним, они теперь потупляют глаза, точно умышленно избегая его пытливого взора...

Но вот раздался знакомый Джемалэддину голос отца:

– Хаджи-Али, исполни указанное!

В ту же минуту любимый мирза и ближайший приспешник имама выдвинулся вперед толпы и, положив руку на плечо Джемалэддина, сказал:

– Сын мой, пойдем со мною.

Джемалэддин недоумевающе поднял голову: он не смел спрашивать, зачем и куда зовут его, не смел не повиноваться. Покорность старшим – отличительная черта кавказских мальчиков. Им прививают ее с детства: она как бы с молоком

матерей всасывается в них.

Но только сердечко мальчика забилося шибко, и большие, испуганные глаза растерянно взглянули на мать.

Как разъяренная тигрица, метнулась Патимат к сыну, схватила его из рук Хаджи-Али и, прижав к груди, глухо, иступленно зарыдала:

– Радость дней моих! Усада моего сердца! Ясный свет взора моего! Ты ласковый голубь нашей сакли! Ты солнечный луч всего аула! Ты яркий алмаз души моей! – стонала она, покрывая лицо, руки и грудь мальчика градом бессчетных поцелуев.

И снова рыдала, ломая пальцы и иступленно колотясь головой об пол сакли...

Старейшины и наибы сурово хмурились... Много горя и ужасов приходилось им видеть за их бранную жизнь; они закалили себя, видя страшные зрелища смерти, но сердца их дрогнули невольно при виде этого неизъяснимого горя.

Джемалэддин еще раз обвел глазами круг присутствующих, взглянул на отца – и вдруг разом понял все: его ждет участь его двоюродного брата: его хотят отдать в заложники русским.

С громким криком упал он в объятия матери, слезы брызнули из его глаз, и он залепетал, задыхаясь от подступивших ему к горлу рыданий:

– Ласточка любимая! Радость моей жизни золотая! Не уйду!.. Ласточка... радость... Останусь с тобою! Слезинка

моя! Звездочка моя восточная! Солнышко-радость! Горлинка ласковая! Сердце мое!

Целый поток самых нежных, самых ласковых названий, которыми так богат лучезарный восток, вылился на убитую горем несчастную жену имама.

Всегда отважный, смелый, мужественный мальчик забыл в эту минуту, что он будущий джигит, мужчина, забыл о присутствии повелителя и старейшин. Стыд и гордость куда-то пропали. Джигит и мужчина исчезли бесследно... На их месте был простой, бедный, несчастный ребенок, насильно отрываемый от любимого существа.

Он горько плакал и все теснее и теснее прижимался к матери, глядя ее залитые слезами щеки своими смуглыми ручонками, и, покрывая их поцелуями, твердил все одно:

– Солнышко!.. Радость!.. Ласточка любимая!.. Слезинка моя!..

Не под силу была эта сцена для присутствующих. Шамиль, у которого в глазах уже сверкали слезы, сурово нахмурился, чтобы не обнаружить их перед старейшинами, и сказал:

– Аллах наградил женщин длинными волосами, коротким умом и большим сердцем. Они не знают меры в любви... Патимат, опомнись! Да просветит Аллах твой разум. Ты не теряешь Джемалэддина; он твой. Он останется жив, но я должен послать его в залог мира белому падишаху...⁶⁷ Так тре-

---

⁶⁷ Государю.

буют они, наши победители...

Новый дикий крик вырвался в эту минуту из груди Патимат.

Хаджи-Али успел уже приблизиться к ней и, осторожно вынув из ее объятий мальчика, взял его на руки и понес.

Плачущий навзрыд Джемалэддин с жалобными криками протягивал к ней ручонки:

– Солнышко! Радость, слезинка очей моих! – лепетал он, задыхаясь. – Держи меня! Не отпускай меня!

Его маленькое, жалкое теперь личико, все залитое слезами, обращалось к матери. Черные, тоскующие глаза, напоминающие глаза насмерть раненной лани, жадно впивались в ее лицо, ища и ловя ее взор.

Смертельная тоска сдавила ему грудь. Ему казалось, что это уже смерть для них обоих и что он никогда, никогда не увидит ее...

Шамиль быстро подошел к сыну, обнял его, положил благословляющую руку на его голову и, прочитав над ним краткую молитву, впился долгим взором в милое личико, как бы желая раз навсегда запечатлеть в своей памяти его детские черты.

Потом он махнул рукою, и Хаджи-Али поспешно вынес из сакли Джемалэдина.

В ту же минуту дикий, нечеловеческий вопль раздался за ними, и обезумевшая от горя Патимат с глухим стоном упала без чувств на руки подоспевшей Баху-Меседу.

Глава 12

У врагов

– Однако он не очень-то стесняется с нами, Шамиль, заставляя нас порядочно печься на солнце, прежде чем удостоит выслать своего зверенка!..

И, говоря это, плотный, крепко сложенный генерал утер платком обильно струившиеся по лицу капли пота.

Это был генерал-майор Пулло, герой вчерашнего штурма. Он первый проник в сердце каменной твердыни и, после двенадцатичасовой отчаянной битвы, овладел ею со своими богатырями.

Он же не далее как два часа тому назад имел свидание с самим Шамилем, происходившее на утесе Ахульго, в виду расположения наших войск. Он же продиктовал условия мира неукротимому вождю-имаму, причем первым условием поставил выдачу его старшего сына аманатом, то есть заложником.

Русских войск недостаточно, чтобы взять в плен всех горцев и их вождя Шамиля. Притом, если взять в плен Шамиля, свирепые горцы, которые считают имама святым, пожалуй, привлекут на свою сторону новые полчища и объявят новый, еще более страшный газават, и война протянется надолго. Лучше взять с Шамиля клятву, что ни он, ни подчиненные ему горцы больше воевать с русскими не будут. Шамиль со-

гласился дать такую клятву. Но разве можно верить его словам? Ведь уже раз он не сдержал этой же клятвы, рискуя даже жизнью своих близких, отданных в заложники. Но в этот раз он, Шамиль, должен дать в виде заложника самого дорогого ему, старшего сына. Это условие поставлено первым – и Шамиль не пробует даже возражать: он знает, что русские не уступят, а сам он не уверен теперь больше в победе над ними. И вот теперь герой-генерал ждет со своими адъютантами и несколькими офицерами появления маленького заложника.

Солнце жарит всюду. Ни одной чинары, ни одного каштана поблизости... А уйти с проклятой площадки нельзя. В виду всего русского лагеря должен свершиться прием аманата. Сам командующий отрядом смотрит в подзорную трубу на них снизу. А жара все усиливается и делается нестерпимее с каждым часом...

Генерал тревожно вглядывается на вершину и начинает волноваться... Но как раз в ту минуту, когда он менее всего ожидал этого, на вершине показались несколько всадников, которые быстро стали спускаться по направлению площадки. Пулло нервно схватил трубу и направил ее на конный отряд чеченцев. Так и есть... Это они. На одном из коней сидит маленький мальчик... Это видно уже и простым глазом.

Но... и успокоившийся было немного генерал заволновался снова.

Что, если надул Шамиль и вместо своего сына прислал простого горского ребенка? Но нет! Не может этого быть. Он

клялся на коране... А такая клятва считается важнее смерти у мусульман.

Вот ближе и ближе всадники... Вот они не дальше пяти сажений. Вот приехали. Переводчик спешивается первым и, почтительно приложив по восточному обычаю руку ко лбу, устам и сердцу, говорит:

– Великий имам – наш повелитель – шлет селям⁶⁸ русскому бимбашу...⁶⁹ Славный Шамуиль-Эффенди, Амируль-Муминина⁷⁰ приветствует тебя, сардар, и сдает на милость белого падишаха своего первенца-сына Джемалэддин-бека... Да охранит его милость Аллаха, и да продлятся его годы на радость нам!

Кончил переводчик и отошел в сторону.

Спешился второй всадник в красной чалме с огненно-рыжей бородою. За ним что-то легкое, проворное, маленькое и прекрасное спрыгнуло с седла и бесстрашно приблизилось к русскому генералу.

Невольный возглас восторга вырвался из груди русского вождя и окружающих его подчиненных:

– Что за прелесть! И правда прелесть.

Стройный, гибкий, черноглазый красавец-мальчик стоит перед ними. Лицо его бледно, но спокойно. Гордо и бесстрашно смотрят смелые, горящие глаза. На прекрасном

---

⁶⁸ Привет.

⁶⁹ Большому начальнику.

⁷⁰ Повелитель правоверных.

нежном личике печать величия. Так может смотреть только ребенок властителя; простой горский ребенок не взглянет так. Эта врожденно-царственная осанка, эта смелая уверенность таит в себе что-то великолепное и вместе трогательное. Нет сомнения, это не жалкий самозванец, а настоящий сын имама-вождя.

Сомнения рассеялись, и русский генерал облегченно вздохнул.

– Кто ты? – обратился он к мальчику через переводчика.

Тот гордо выпрямился, глаза его блеснули ярче.

– Я Джемалэддин, сын имама! – произнес он с достоинством.

Твердо и смело прозвучал детский голосок. Ни малейшей дрожи нельзя уловить в нем. Это уже не прежний, горько рыдающий на груди матери Джемалэддин-ребенок. Это точно взрослый джигит, безропотно подчиняющийся своей неумолимой судьбе...

Слезы и отчаяние остались там, в сакле, на вершине Ахульго. Здесь, перед лицом гяуров, он не выкажет смятения и горя, терзающего ему сердце. Нет, нет, он не даст торжествовать и радоваться врагу! А между тем как тяжело сдерживать подступающие к груди рыдания... Особенно теперь, когда Хаджи-Али, переводчик и другие джигиты прощаются с ним, чтобы умчаться назад на гору, в родной аул.

– Передай матери, чтобы она не горевала. Скажи ей, что ее птенцу будет здесь хорошо, – шепнул он на ухо Хаджи-

Али, когда тот в последнем приветствии поцеловал детскую ручонку сына своего имама, – и еще скажи, – торопливо добавил так же тихо Джемалэддин, – что, пока кровь течет в моих жилах, я буду вечно помнить ее!

Старик только мотнул головою. Его самого душили слезы. Потом он подал знак остальным; всадники вскочили на коней и в один миг скрылись за утесом.

Последняя связь с родным аулом с этой минуты прервалась у маленького аманата.

Он долго смотрел в горы, покусывая губы и через силу удерживая стон, готовый вырваться из его груди.

Офицеры с участием смотрели на чудесного ребенка, так мужественно боровшегося со своим горем.

Один из них порылся в кармане и, вынув кусок сахара, подал его мальчику. Джемалэддин машинально принял его и бессознательно зажал в детской ручонке. По лицу его прошла заметная судорога. Он, не отрываясь, глядел в ту сторону, где исчез чеченский отряд.

Его окружили офицеры. Десятки чужих глаз устремились на него с участием и любопытством. Плотный генерал разглядывал его как невиданного зверька. Невыразимая тоска сжала сердце ребенка. Его нестерпимо потянуло домой, в аул, в горы... Быстрым движением он надвинул на самые глаза папаху, чтобы русские не заметили слезинок, блеснувших в глубине его черных глаз.

И вот в ту самую минуту, когда его сердце разрывалось

под напором охватившей его тоски, чей-то тихий голос произнес вблизи его по-чеченски:

– Бедный мальчик! Как ты страдаешь!

Он быстро вздрогнул, поднял глаза. Перед ним было Доброе, ласковое, загорелое лицо... Голубые глаза, наполненные слезами, впивались в него участливым взором. Ободряющей улыбкой улыбались полные, добродушные губы.

Борис Владимирович Зарубин с бесконечной жалостью глядел на маленького пленника.

Странно подействовала эта ласка, этот голос на бедняжку Джемалэдина...

Чем-то близким, родным повеяло на него от синих ласковых глаз доброго офицера.

Он глубоко заглянул в эти глаза неизъяснимо печальным взором насмерть затравленного зайчика и, повинувшись охватившему его влечению, упал на его грудь с тихим жалобным плачем:

– О добрый саиб!.. Там вверху моя мать!

Глава 13

Неожиданный спаситель.

Голос сердца и голос крови

– Ей-Богу же, он похож на нашего Мишу, Потапыч, – говорил Зарубин своему неизменному другу-денщику, следя глазами за играющим на уступе скалы Джемалэдд ином.

– Ну и выдумаете же, ваше благородие, – ворчливо отозвался, по своему обыкновению, тот, – гололобый, как есть гололобый. Ишь что сказали... Наш Мишенька-то словно сахар беленький, пухлый, как булочка, и глазки что твои васильки, а этот, прости Господи, сущий дьяволенок: также и сух, и черен. У нас на селе, в притворе храма, черт был, прости Господи, вырисован для острастки, так, верите ли, сущий Джемалка этот: на одно лицо... А вы вдруг: с Мишенькой один будто облик... Да у этого-то чуть что глаза разгорятся, как у чекалки: того и гляди, кинжалом тебя пырнет... Вы, ваше благородие, того... остерегайтесь его... Долго ли до греха. Ведь чей сын-то – Шумилкин, – вы это в расчет возьмите!

– Полно, Потапыч, вздор болтаешь!.. Он мне предан, как собака! По глазам видно. Да и сердечко у него благородное. И за что ты не влюбил Джемалэддина? Что он сделал тебе?

– А то сделал, что татарва он некрещеный и нашему оте-

честву враг. Смутьягин сын и сам смутьяга. Говорю вам, ваше благородие, не доверяйтесь вы ему! – упрямо настаивал тот.

Этот разговор происходил между капитаном Зарубиным и его слугою по пути к Тифлису, куда, по приказанию генерала Граббе, Борис Владимирович должен был доставить маленького пленника, чтобы оттуда уже отправить его в Петербург, к государю.

Зная доброе сердце офицера и его умение говорить по-чеченски, а еще больше умение ласково обращаться с детьми, генерал Граббе, из жалости к маленькому пленнику, вручил его попечению Зарубина.

Только трое суток как Зарубину вверили мальчика, а он успел полюбить его. Сам оторванный от семьи и любимца сына, Борис Владимирович своим нежным сердцем жаждал привязанности, и не мудрено, что душа его разом открылась навстречу душе маленького пленника.

Впрочем, не только он, но и все окружающие чувствовали невольную симпатию к юному заложнику, с такой стойкой и трогательной гордостью переносившему свое горе.

Все, кроме одного Потапыча, который никак не мог простить маленькому татарину его происхождения и иначе как «гололобым» и «Шумилкиным отродьем» не называл его, втайне досадуя на своего барина за расточаемые им ласки басурману.

Сейчас, во время остановки у подножия одной из горных стремнин, сделанной с целью дать передохнуть сопутствующим

щему их конвоем казаков, Борис Владимирович вышел из коляски и выпустил своего юного спутника поиграть и порезвиться на воле.

Но мальчик был далек мыслью от игр. Уставившись печальным взором в ту сторону, где, по его мнению, находилась вершина Ахульго, он тихо запел что-то заунывным голосом, вертя в руках машинально сорванный горный цветок.

– О чем ты поешь, мальчик? – неслышно приблизившись к маленькому заложнику, спросил его Зарубин.

Легким румянцем окрасились бледные щеки Джемалэдина. Он весь встрепенулся и тихо произнес:

– Это наша песня, сайб. Хорошая песня...

– В ней говорится о родине, не правда ли, Джемал?

– Нет... да... нет! – Мальчик смутился окончательно. Глаза его вспыхнули ярче.

– Спой мне эту песню, Джемал! – попросил Зарубин, присаживаясь рядом с ним над откосом бездны.

Маленький горец молча кивнул головою. Потом он тихо, чуть слышно начал:

У моей матери черные зильфляры,
У моей матери – звезды-глаза;
Когда она улыбается – улыбается солнце,
Когда она хмурится – спускается ночь...
У моей матери голос, как у буль-буля,⁷¹

---

⁷¹ Соловья.

Слаще сааза звучит ее песнь.
Я люблю дремать под эти звуки,—
Мне сладкие грезы навевают они...

Внезапно оборвалась песнь... Дрогнул голосок Джемал-эддина. Тяжелый вздох вырвался из его груди.

— Ты грустишь по своей матери, Джемал? — ласково спросил его Зарубин. — Но, мой мальчик, придет время и ты снова увидишь ее! — И он нежно погладил голову ребенка.

Что-то до боли печальное мелькнуло в прекрасных глазах Джемал-эддина.

— О, я отдал бы сорок лет жизни, саиб, чтобы остальные десять прожить с нею вместе! — горячо вырвалось из груди несчастного мальчика. Потом, помолчав немного, он добавил упавшим голосом: — Ах, я чувствую, что никогда уже не увижу ее больше, саиб!

— Не думай так, дитя! — утешал его Зарубин. — Ты не пленник, а заложник только. Пройдет время, наш государь увидит, что отец твой смирился, и вернет тебя «твоей матери...

— О, ты добр, как ангел, саиб, но не утешай меня этим... Я знаю: великий имам никогда не склонится перед знаменем белого падишаха, и мне не суждено видеть свободы, как слепому кроту никогда не суждено увидеть солнечного луча. Моя свобода далеко...

И он вздохнул еще печальнее, еще тяжелее прежнего.

Если бы взор Джемал-эддина не был так затуманен слеза-

ми, мальчик мог бы заметить два горящих черных глаза, без устали следившие за ним из-за куста.

Эти два черных глаза принадлежали Гассану-беку-Джанаида.

С той минуты, как русский саиб, окруженный конвоем, повез сына имама по горам к Тифлису, Гассан, словно кошка, крался за ними со своим верным, испытанным другом-конем. Никто не приказывал ему делать это. Когда он увидел там, в сакле Ахульго, потемневшее от горя лицо Шамиля, прощающегося с сыном, Гассан сказал сам себе:

«Великий имам должен быть ясен, как солнце! Никакое горе не должно омрачать его. Я выкраду у русских Джемал-эддина и верну его повелителю».

И, весь пылая бесконечною любовью к своему вождю, молодой мюрид в тот же час приготовился к своей опасной задаче и ни на минуту не выпускал из виду русский лагерь. Увидав сборы к отъезду русского саиба вместе с маленьким аманатом, Гассан быстро оседлал коня и погнался вслед за ними, крадись стороною за утесами и деревьями, не теряя ни на одну секунду из глаз коляску путников, окруженных сильным казачьим конвоем.

Его замысел был труден и опасен и грозил смертью. Он знал, что, если заметят и поймают его казаки, они вздернут его, как злоумышленника и шпиона, на первом же суку чинары. Но страх позорной смерти не мог удержать Гассана. Он твердо решил вырвать ребенка из рук гяуров или умереть из

любви и фанатической преданности к своему имаму.

* * *

Ночь окутала своим флером потемневшие горы... Дорога над бездной, под ее непроницаемым покровом стала опасной для маленького отряда. Того и гляди, могли поскользнуться кони, упасть в пропасть, увлекая за собой людей. Зарубин приказал распрячь лошадей и отвезти коляску под выступ утеса. Казаки-конвойцы стреножили коней и пустили их на траву. Потом быстро разбили палатку для капитана и его спутника и, разведя костер, стали варить себе ужин. Потапыч успел сбегать к ручью, поставить прихваченный в дорогу самовар для своего капитана. Напоив чаем своего маленького друга, Борис Владимирович приказал ему ложиться спать пораньше.

Джемалэддин послушно разостлал свой бешмет, заменявший ему намазник под пологом палатки и, свершив неизбежный яссы-намаз, улегся на nasкоро приготовленную постель из мха и травы, прикрытую казацкой буркой. Вскоре сам Зарубин, Потапыч и казаки последовали его примеру. Первые двое легли под пологом палатки, последние – под потемневшим до непроницаемости пологом неба, расставив предварительно двух часовых неподалеку от ставки. Вскоре их дружный храп достиг ушей Джемалэдына. Но сам он был далек от сна.

Эта душная августовская ночь так и веяла на мальчика пряным ароматом ночных цветов, залетающим к нему вместе со свежим дыханием горного ветерка. Но горный ветерок не приносил с собою желанной свежести. Его лицо пылало... дыхание спиралось в груди.

«Завтра, – мечтал он тоскливо, – они с саибом будут уже в Тифлисе, а еще через день его, Джемалэдина, отправят к белому падишаху, в большой северный город, где суждено ему прожить целую жизнь». Острое ощущение горя сжало сердце мальчика... «О, если бы Аллах свершил чудо и вернул его на крыльях своего ангела в родные горы к его «ласточке», тоскующей по нем!...»

При одном воображении о возможности такого счастья он вздрогнул весь и светло и блаженно улыбнулся... А пылкое воображение востока уже рисовало ему одну за другой картины соблазнительной свободы. Он так увлекся своими мечтами, что стал грезить наяву: вот чудится ему взмах крыльев посланного за ним ангела Джабраила, непременно Джабраила, а не иного, потому что ему молится мать... Ему уже слышится веяние ангельских крыльев... Вот он ближе... посланник всемогущего Аллаха... Вот уже у самого входа в шатер. Во мраке ночи блеснули его яркие очи... Или это восточная звезда сверкает с вышины?.. Легкое забытие овладело мальчиком...

О, какое это сладкое и вместе с тем мучительное забытие! Оно ему – пленнику – говорит о свободе. Он закрывает глаза

и погружается в какую-то теплую ароматичную волну... Но что это? Шорох ангельских крыльев уже вполне ясно чудится снова.

Чуткий слух ребенка, выросшего в горах и привыкшего улавливать малейшие звуки природы, не может обмануть его. Это не сон, не греза, а действительность... Живая действительность... Да!..

Он широко раскрывает глаза и замирает от неожиданности. Прямо ко входу палатки мимо задремавших караульных, чуть шевелясь в траве и извиваясь подобно змее, ползет человеческая фигура... В зубах у ползущего кинжал, на спине перекинута винтовка. Лицо его, чуть приподнятое от земли, слабо-слабо освещено умирающим отблеском потухающего костра... Оно хорошо знакомо, это лицо, Джемал-эддину...

Это мюрид Гассан-бек-Джанаида!

Он узнал его.

«Но зачем он здесь?» – изумленно спрашивает себя ребенок.

И вдруг быстрая догадка пронизывает его мозг. Аллах Великий! Не за ним ли пришел он, за Джемал-эдином! Не спасти ли его он хочет?.. И при одной мысли об этом безумная радость охватывает мальчика. Недаром, стало быть, Аллах навеял ему его грезы. Он, Великий, не захотел продлить горя своего маленького слуги и посылает ему желанную свободу!

Мальчик издали протянул руку своему нежданному изба-

вителью и чуть дыша, весь замирая от восторга и страха, ждал его приближения.

Ему было чего бояться... Сделай хоть одно неверное движение Гассан, звякни он винтовкой или кинжалом, и пуля часового уложит его на месте...

Но, слава Аллаху, он ловок, как кошка, и тих, как мертвец. Он ползет, как змея, невидимо и неслышно. Минута... и он уже подле Джемалэддина у ног его.

– Господин, – шепчет он тихо, едва внятно, – ты свободен и с зарею увидишь свою мать! Дай только справиться с этим...

И он вдвое осторожнее и неслышнее продолжает свой путь к тому месту, где спит далеко не помышляющий об опасности Зарубин...

Джемалэддин, весь охваченный трепетом, едва соображает действительность. И правда, не на сон ли похоже все это? Он, уже отчаявшийся видеть свободу и «ласточку», увидит их снова, опять... И отца увидит, отца, которого он уважает и боится и которого даже не смеет открыто любить!.. Могучий аллах бывает и милосердным к ним, маленьким людям!

«Завтра на заре ты увидишь свою мать!» Так сказал Гассан.

О! У него сердце разорвется от счастья при одной мысли об этом! Он крепко прижал обе ручонки к груди и затаив дыхание следит за своим избавителем.

Что нужно, однако, еще Гассану? К чему он медлит?

Пусть берет его и мчит скорее домой. Что ему понадобилось еще у ложа саиба? Зачем нащупывает рукою кинжал? «Аллах Великий! Не убить ли он его хочет?» – вихрем пронеслось в отуманенной счастьем головке ребенка.

И вдруг, в один миг, все стало для него ясно как день.

Черная туча накрыла с головой Джемалэддина. Куда исчезло то короткое счастье, которое он испытал за один лишь миг до того?.. Теперь он понял все. Гассан, прежде чем выкрасть его, Джемала, должен убить саиба, чтобы обеспечить бегство на случай тревоги. Ведь казаки, лишённые своего начальника, придут в смятение и не погонятся без команды за ними!

Убить саиба!..

Друга-саиба, который сумел, насколько мог, скрасить первые дни его – Джемаловой неволи, доброго саиба, который лаской и заботами старался развлекать его!.. Саиба, который рассказывал ему, Джемалэддину, о своем маленьком сыне с таким мудреным именем, какого он еще не слышал! Он, этот сердечный, добрый урус, должен умереть и этим возратить свободу Джемалу!.. Только перешагнув через его труп, Джемал будет в состоянии увидеть мать... брата... отца... Ахульго!

О!

Он привстал на бурке и безумным от ужаса взглядом следил за всеми движениями Гассана.

Вот молодой мюрид уже подле того места, где лежит За-

рубин... вот он наклоняется над спящим офицером... вот осторожно вынимает изо рта кинжал...

Разнородные ощущения волнуют грудь Джемалэддина... Он почти задыхается от двух противоположных чувств, сдавивших ему грудь... Его тянет, невыносимо тянет к матери, в аул, на волю, и в то же время ему нестерпимо увидеть мертвым его нового ласкового друга...

Он стоит, не смея дохнуть... Глаза его горят во мгле... Зубы стучат и щелкают, как у голодной чекалки... Вот, вот сейчас будет уже поздно... Если он сию минуту не разбудит спящего – кинжал Гассана прорвет ему грудь. Вот рука его уже нащупывает сердце Зарубина... Вот он взмахнул кинжалом... Раз...

– Проснись, саиб! Здесь смерть! – словно чужим, не детским голосом вне себя вскрикивает Джемалэддин, со всех ног кидаясь к спящему.

– Проклятие! – в ту же минуту глухо срывается с уст Гассана. И он с быстротою молнии кидается из палатки...

В ту же минуту гремит выстрел, пущенный из казачьей винтовки наудачу в темноту ночи... и где-то совсем близко слышится топот коня...

Бравый казак-кубанец с раздутой головней вбегает в палатку.

Разбуженный криком Зарубин открывает глаза. Подле него, скорчившись, сидит крошечная фигурка... Чье-то тихое всхлипывание нарушает тишину ночи.

– Джемал, ты?

– О, слава Аллаху, ты жив, господин! – вскрикивает радостно мальчик и, облитый слезами, падает ему на грудь.

– Что такое? Кто кричал? Чьи это выстрелы?

Джемал трепещущим, вздрагивающим голосом рассказывает что-то. Но из прерывающегося лепета ребенка трудно понять что-либо... Между рыданием слышится только: «мюрид... смерть... саиб... мать... свобода!..»

Но Зарубину не надо большего. Он понял, скорее сердцем, нежели мыслью, понял... Понял, что благородный мальчик спас ему жизнь ценою своего собственного счастья.

И не он один понял это: понял и Потапыч, поняли казаки, теперь разом наполнившие палатку.

Глаза старого денщика ласково блеснули во тьме. Точно повинувшись непреодолимому порыву, он подошел к мальчику, положил ему на голову свою закорузлую, жесткую руку и, сморгнув непрошеную слезу, сказал своим дрожащим от волнения голосом:

– Ты... того... я виноват перед тобою, брат... Я думал, что ты, как папенька, значит, смутяга, а ты того... значит, при всем своем благородстве!.. Молодца! Я, брат, тебя не понимал покедова... Ты уж прости меня, старого дурня, за это!.. И кунаками, слышь, тоже таперича мы с тобой будем, на всю, слышь, жизнь таперича кунаки...

Джемалэддин ничего не понял из всего того, что говорил ему по-русски Потапыч.

Но если бы он и понимал по-русски, бедный мальчик, то все равно не разобрал бы ни слова из сказанного...

Он тихо и горько плакал в эту минуту на груди своего друга-сайба – и по утраченному счастью, и по утерянной навеки свободе...

Глава 14

Прыжок шайтана

Недолго красовался белый флаг на башне Нового Ахульго. Потеряв сына и сестру, видя перед собою едва живую от печали Патимат, Шамиль стал подумывать о возмездии победителям. Но прежде он попытался устроить дело миром и послал генералу Граббе уполномоченного с письмом, в котором просил вернуть ему сына или поселить его в Чиркве под наблюдением старого алима Джемалэддина, его воспитателя. Генерал Граббе отказал ему в этом. Безумный гнев охватил душу имама, когда он узнал об отказе. Новым приступом бешеной ненависти к гяурам закипела его душа. Сорвав с минарета белый флаг, он объявил новый газават и приготовился к набегам на русских. Но русские войска не дремали: генерал Лобинцев, по приказанию командующего отрядом, двинул первый батальон кабардинцев на бастионы вновь успевшего укрепиться и охраняемого Ахверды-Магомой замка. Опять закипела саперная работа, закладывались и подводились мины, заваливали русла ручьев фашинами, и скоро ближайшие сакли рушились под влиянием русских ядер и мин.

На рассвете Шамиль с семьею и своими приближенными перебрались в Старый Ахульго. В это время генерал Граббе двинул кабардинцев и апшеронцев на покинутый имамом аул. Их встретили на шашки мюриды. Отчаянный бой длил-

ся до ночи. Даже женщины – жены и дети мюридов – кидались целыми массами на ряды штурмующих и бились не хуже мужчин. Но к вечеру защитники ослабели, обратились в бегство, и русские взошли в аул.

Тогда генерал Граббе предпринял осаду Старого замка, двинув к нему свои неутомимые дружины. Едва горцы успели перебраться сюда, как в Старый замок ворвался третий Апшеронский батальон под командой майора Тарасевича и кинулся на утес, где сам имам лично заведовал защитой.

Один за другим по узкой тропинке пробирались молодцы-апшеронцы, впереди которых шел их бесстрашный командир.

Во главе колонны поднялся такой же отчаянный храбрец штабс-капитан Шульц, несмотря на тяжелую рану не покидавший строя.

Шамиль, засевший в укреплении, встретил русских целою тучей свинца. Но апшеронцы, воодушевленные своими вождями, бесстрашно кинулись на приступ.

К вечеру на обоих Ахульго – Старом и Новом – развевались русские знамена...

* * *

Белее своей белой чадры скачет на быстром коне красавица Патимат о бок с самим имамом. С ними несколько человек самых верных мюридов, пожелавших разделить судь-

бу своего вождя... Старая Баху-Меседу сидит на крупе коня Хаджи-Али и, извергая проклятия, грозит в сторону Ахульго, где уже развевается на башне русский флаг. Рядом с ними один из мюридов мчит на своем седле рыдающего от страха Кази-Магому. Как он бледен, бедный мальчик! Как бледны все они, и Кибит, и Ахверды-Магома, и все славнейшие из набов... И повелитель не менее всех их бледен сам. Лицо Шамиля угрюмо и печально... Там, позади его, враги торжествуют победу, а он должен бежать от них как затравленный заяц. И его бедный ребенок остался у них в руках, и его несчастная мать, быть может, не увидит его больше... Что она должна чувствовать теперь?... Шамиль старается не смотреть в глубоко запавшие от бессонницы и слез глаза Патимат. Ее горе травит ему сердце. Оно обезоруживает его. А ему еще надо много энергии и сил в будущем! Надо спасти женщин и сына, последнего, оставшегося у него!.. Он смотрит на Кази-Магому, с зажмуренными глазами в страхе припавшего к шее лошади, и горькая усмешка кривит губы имама. О, дорого бы он дал, Шамиль, чтобы его смелый, отважный старший сынишка скакал на месте этого маленького труса!.. Но русские знали, где чувствительнее нанести ему рану, и оторвали Джемала, а не Кази-Магому от груди отца...

О ненавистные, презренные урусы! Они поплатятся ему за это! Аллах поможет ему отомстить им!

Легкий крик жены сразу прерывает скорбные мысли Шамиля. Патимат, едва живая, чуть держится в седле.

– Смотри, смотри, повелитель! – шепчут беззвучно ее помертвевшие губы.

Он бросает быстрый взгляд по указанному направлению, и вдруг вся кровь холодеет в его жилах.

Прямо наперерез им несутся казаки... Целый отряд казаков, очевидно посланных в погоню... Он ясно слышит то дикое гиканье, каким они погоняют коней...

О, не даром они бросились по пятам за ним, точно хищные волки за горным оленем. Он, имам, знает, что его жизнь оценена на вес золота... Его поручено доставить живым и невредимым в русский лагерь, к сардару...

Но что будет тогда с нею, Патимат? Что будет со старой матерью и сыном? Их возьмут в рабство ненавистные урусы и заставят работать на своих жен, как последних рабынь-служанок... Она зачахнет в неволе, бедная голубка Патимат... Она – жена имама, предназначенная к лучшей доле, – и вдруг невольница урусов! И старуха-мать тоже... Каково ей покажется провести последок дней ее жизни в плену, в неволе?.. О великий Аллах! Он не допустит этого!..

– Мой верный Хаджи-Али, – говорит Шамиль чуть слышно, обращаясь к своему неизменному другу, – постарайся с женщинами промчаться к мосту... Когда волки травят джайрона, они не обращают внимания на стадо зайцев, попадающихся им по пути... Окружите женщин и гоните, во имя Аллаха, ваших коней, а я...

– Что ты хочешь делать, повелитель? – в страхе воскли-

цает тот.

Но Шамиль вместо ответа молча поворачивает коня и, взмахнув нагайкой, несется во весь опор в противоположную от своих сторону.

Казачи, заметив издали быстрый маневр белого всадника, в свою очередь пришпорили лошадей и устремились за ним в погоню.

Этого только и добивался имам. Ему надо было отвлечь их внимание от женщин и сына, и ради них он жертвовал собой.

Теперь он несется как безумный на своем белом коне в белой чохе с зеленой чалмою, обвиняющей сбившуюся набок папаху, поминутно снабжая ударами нагайки своего быстрого скакуна. Тот мчится как вихрь, точно чувствуя, что от быстроты бега зависит спасение всадника. Но и лошади казачков в скорости не уступают ему. Они несутся с быстротою стрелы, пущенной из лука... Расстояние между ними и конем имама делается все меньше и меньше с каждой минутой. Еще немного, и Шамиль уже слышит бряцание стремян и громкий говор своих преследователей. Вот они ближе, ближе... Он чувствует совсем уже близко за собою горячее дыхание их коней... Быстро оглядывается он в сторону... Слава Аллаху! Его верные мюриды промчали через мост порученную им семью своего владыки... Они вне опасности теперь и свободно углубляются в горы. Его хитрость удалась вполне: русские преследуют только его, имама. Теперь все зависит от одного Аллаха. О, ему еще нельзя умирать, Шамилю, когда

дело газавата не охватило всего Дагестана. Темный Азраил, помедли! Ангел смерти, удержи твой меч!

А погоня уже настигает... Погоня за его плечами... Ему что-то кричат проклятые гяуры на своем языке... что именно – этого он, конечно, не может понять, да и не желает... С быстротою молнии влетает он на крутой утес, высоко склонившийся над пропастью. Громко фыркая, останавливается на самом краю бездны его конь...

С диким гиканьем в один миг окружают его казаки.

Далеко в горы проносится их победный клик...

Шамиль в их руках... Шамиль взят... Взят живым!..

И вдруг... Новый взмах чеченской нагайки, и с громким криком «Астафюр-Алла!» настигнутый Шамиль бросается в бездну, прямо в бурно пенящиеся на дне ее воды Койсу.

Часть вторая В ПЛЕНУ

Глава 1 Разлука

– Ну не странный ли ты человек, Джемал! Спокойно дремлешь в седле, когда кругом тебя такая прелесть! Ей-Богу, если бы мог только, так бы и захватил в свои объятия всю эту чудную природу. Ведь помимо того, что это твоя родина, она дьявольски красива – эта страна с ее суровыми, неприветными очами. И можно ли так равнодушно относиться к ней?..

Эта восторженная, пылкая речь принадлежала молодому белокурому офицеру с жизнерадостным, симпатичным лицом, ехавшему впереди большого отряда по одной из тропинок нагорного Дагестана.

Был вечер. Солнце садилось. Бесплодные, каменистые горы, покрытые внизу мохнатой, точно взъерошенной растительностью, уходя ввысь, постепенно обнажались от своего пушистого наряда и под самыми облаками принимали то фиолетовую окраску, то покрывались слоем синевато-сизого тумана, как дымок камины. Высоко-высоко сидели снеговые вершины, теперь отливающие рубинами и яхонта-

ми в лучах умирающего дневного светила... Кругом точно хмурились утесы, сдавливая все теснее и теснее промежутки между своими каменными уступами, как будто грозя каждую минуту оторваться от груди своих могучих стремнин и ринуться вниз, прямо туда, в раскрытые руки жадно тянувшейся к ним бездны.

А там, дальше, шумели горные потоки, низвергаясь с уступов, испещряя своими змееобразными лентами горные хребты и уносясь далеко-далеко в темные, затерянные у подножия гор низины.

Картина была действительно величественно-подавляюще-прекрасна.

Молодой офицер восторгался не даром.

По самому откосу горной тропинки, повисшей над зияющей бездной, осторожно ступал его конь. Дорога над пропастью была узка, как нитка, и зазевайся путник – жадная бездна, того и гляди, поглотит его.

Длинной, бесконечной лентой вытянулся отряд; чуть двигаясь, шагом, ступают друг за другом привыкшие ко всяким неудобствам и случайностям выносливые на диво русские солдатики.

Впереди них едет высокий нерусского типа генерал... Чуть позади него далеко еще не старый полковник в адъютантской форме с печальным выражением красивого лица.

Старший путник – барон Николаи, командующий отрядом; младший – князь Давид Александрович Чавчавадзе, его

близкий родственник.

Несколько офицерских фигур там и сям мелькают среди длинной вереницы солдат.

Путь долог и труден. Все устали. У всех равнодушно-унылые или скучающие лица. Один только белокурый офицерик никак не может успокоиться. Суровая красота Дагестанских гор решительно очаровала его.

– Нет, что ни говори, а хороша твоя родина, Джемал! – не унимается он, охватывая влюбленным взором горы и бездны.

Тот, к кому относились эти слова, медленно поднял руку и, указывая ею на север, с едва уловимым оттенком грусти произнес гортанным голосом:

– Моя родина – там, а не здесь... С тех пор, как я живу у русских, мое сердце отдано их стране.

Это был необычайно красивый офицер с тонким, смуглым лицом и великолепными черными глазами, живыми и грустными в одно и то же время. Он был одет в форму поручика лейб-гвардии Преображенского полка и казался немногим старше своего белокурого спутника.

– А если так, – весь вспыхнув, произнес его молодой товарищ, и синие, обычно добродушные глаза его блеснули гневом, – если так, ты бы и отказал отцу! Чего церемониться! Так вот и так, мол, папенька, а водворяться на родину я к вам не желаю, и ваш хинкал или шашлык, как его там, тоже кушать не намерен, и...

– Тише! – быстро прервал его черноглазый красавец, указывая глазами на ехавших впереди отряда офицеров. – Перестань, ради Бога, Миша! Князь может услышать, и тогда...

– Ах, пусть слышит, – так же горячо, но уже пониженным до шепота голосом заговорил голубоглазый юноша, – или ты думаешь, что князь не понимает всю тяжесть приносимой тобою жертвы! Нет, Джемал! Прости, но ты или странный человек, или просто... святой! Не угодно ли! После пятнадцати лет, проведенных в России, к которой ты так сильно привязался и где тебя успели полюбить и оценить по заслугам, ты, вполне сроднившийся с цивилизованным, гуманным народом, по доброй воле едешь снова в кавказские трущобы к твоим дикарям, хотя тебя вовсе туда не тянет...

– Полно, Зарубин, – снова своим гортанным, но замечательно приятным голосом произнес черноглазый офицер, – или ты забыл, что от моего решения зависит участь, а может быть, и жизнь стольких несчастных? Ты же знаешь, при каких условиях является мое возвращение в горы: только заполучив меня домой, отец даст свободу бедным вашим пленникам, попавшимся в руки горцев! Неужели же ты, такой чуткий и отзывчивый, не понимаешь меня?..

– О! – с необычайной горячностью вырвалось из груди белокурого юноши. – Все это я отлично понимаю, Джемал! Но... что поделаешь, если мне... мне... так тяжело терять тебя, дружище... Ведь с той минуты, когда я узнал, как ты спас жизнь моему отцу, я тебе отдал всю мою душу... И мне

так не хочется отпускать тебя! И зачем, зачем ты уезжаешь только!

– А ты разве бы не поступил на моем месте точно так же? – с чуть заметной улыбкой произнес молодой человек, обращаясь к своему другу.

Тот замялся на мгновение.

– Гм! Право, не знаю... но... но...

– Ну, вот видишь!.. Нет, это дело считай поконченным, Миша! «Фатиха»... как говорят мои любезные одноплеменники, то есть быть по сему. Было бы ужасно повергнуть в отчаяние бедного князя Чавчавадзе моим отказом ехать к отцу, когда он уже надеется завтра с зарею обнять томящихся в плену жену и малюток...

– Черт меня побери, если я когда-нибудь забуду тебя, товарищ! – неожиданно сорвалось с уст молодого офицера, и, чтобы не обнаружить своего волнения перед солдатами, он поскакал вперед и почтительно, приложив руку к козырьку фуражки, произнес, обращаясь к старшему из офицеров:

– Внизу слышится шум Мечика, мы почти у цели, господин барон.

Весь этот разговор происходил 15 лет спустя после того, как маленький сын Шамиля был отдан заложником русским. Красивый, черноглазый и черноволосый офицер-преображенец был не кто иной, как сам Джемалэддин, по окончании кадетского корпуса получивший офицерские эполеты, хотя он и продолжал считаться заложником. А его белокурый спут-

ник был – ставший за это время уже взрослым юношей – Миша Зарубин, сын отставного капитана Зарубина, того самого капитана, которому Джемалэддин спас жизнь в первые же дни знакомства.

Отряд, в котором ехали оба молодых офицера, достиг большой нагорной плоскости и по приказу командира стал готовиться к привалу. Рота подходила за ротой. Длинная тянущаяся гуськом вереница солдатиков словно выползала из-за уступа и занимала площадку. Вскоре обширная с виду каменистая плоскость была сплошь покрыта движущимися, снующими на ней фигурами. Для офицеров разбили палатку, для себя развели костры... Бивуачная жизнь вошла в свою колею.

– Ну, а мне пора! – произнес молодой Зарубин. – Куринское уже далеко позади, а еще надо мне уклониться в сторону, чтобы попасть в наше укрепление. Едва ли успею к утру. Позвольте вас поблагодарить, господин барон, что разрешили присоединиться к вам проводить товарища! – почтительно склонив голову перед начальством и вытягиваясь в струнку, заключил он.

Старшие офицеры, ласково улыбаясь, пожали руку юноше.

– Служите, хорошенько, Миша, – произнес князь Чавчавадзе, дружески хлопнув по плечу молодого подпоручика. – Помните, что наш старый друг, а ваш отец-герой честно послужил своей родине. Следуйте его примеру во всем, чтобы

он мог гордиться вами.

– Постараюсь, князь! – горячо ответил юноша. Потом он подошел к Джемалу и тихо шепнул:

– Проводи меня немного!

Ему хотелось проститься не на глазах начальства со своим другом.

Тот послушно вышел за ним из палатки.

Несколько человек казаков стояли неподалеку с оседланными наготове лошадьми.

Это была охрана молодого Зарубина, без которой немисливо было пускаться в горы.

Между ними, подле коня, навьюченного тюками, стояла высокая сутуловатая фигура старика-солдата с добрым, морщинистым лицом.

– Прощай, Потапыч! – произнес своим гортанным голосом красавец Джемал, обращаясь к нему. – Не поминай лихом!

– Счастливо оставаться, ваше благородие! – сердечно отозвался тот. – Дай вам Бог, потому как я... По-божески скажу вам: больно мне вас жаль, ваше благородие... Обусурманитесь вы опять там в горах... А я... я вас век не забуду... Потому вот вы моего барина от Гасанкиной шашки выручили... Век за вас Бога молить стану!

Голос старика дрогнул и оборвался. Растроганный Джемал ласково обнял его.

– Ах вы русские! Души у вас драгоценные! – тихо про-

шептал он и, внезапно нахмурясь, чтобы скрыть охватившее его волнение, сказал:

– Ну, Михаил, прощай!

Друзья обнялись.

– Слушай, Миша, – после минутного молчания, когда они отошли в сторону от конвоя и дядьки, снова произнес молодой офицер, – тебя я никогда не забуду... Ты так и знай: и тебя и твоих всегда, всегда буду помнить, клянусь тебе! До смерти буду помнить вас за то счастье, которое я нашел в вашей семье. Помни, Зарубин, у тебя будет испытанный, преданный друг в горах... И если надо будет пожертвовать жизнью за тебя, не замедля исполню это!

– Спасибо, Джемал! – мог только произнести растроганным до глубины души голосом Миша. – Истинно говорю тебе: такого, как ты, сердечного, доброго, любящего ближних, я еще не встречал, и подумать только – ты не христианин! – вырвалось у него пылко, помимо воли.

Если бы сумерки не сгустились так плотно, Зарубин мог бы увидеть яркий румянец, внезапно и густо окрасивший бледные щеки его друга. Мог бы заметить и то резкое движение, каким молодой татарин поднес руку к груди.

– По условию отца, указанному русским, я не смею нарушить требований корана, – тихо произнес он, – не смею стать христианином, но... будь уверен и ты и сестра твоя, что я всей душой стремлюсь к вашей вере и от всего сердца ищу соединения с Иисусом Распятым. Отнеси это с моим про-

щальным приветом ей, когда ты снова ее увидишь! – глухим, глубоко потрясенным голосом заключил молодой горец.

Миша бросился в объятия своего друга.

Потом он быстро вскочил на лошадь, подведенную ему одним из конвойных, еще раз обернулся к товарищу и, дрожащим голосом крикнув: «Храни тебя Бог, Джемал!» – скрылся со своим крошечным отрядом в наступающих сумерках ночи.

Глава 2

Сладкие грезы

Топот коней давно уже стих в отдалении, а Джемалэддин все еще стоял на прежнем месте и ярко горящими глазами впивался в темноту ночи... С бивуака доносились к нему солдатские возгласы, говор, смех... Там и сям вспыхивало пламя костров, разбросанных по площадке. Где-то запищала гармоника, этот неизменный спутник каждой роты в походе. Но вот постепенно потухали огни костров, один за другим... Последние головни догорали... Солдатики, разложив на землю шинели, разлеглись на своих импровизированных постелях. Голоса офицеров тоже затихали в палатке, а Джемал все стоял и думал, прижавшись к холодной стене утеса и далекий мыслью о сне. Целый рой быстрых грез розовой вереницей поднялся в разгоряченном мозгу молодого офицера. Погружаясь в их сладкий, дурманящий голову туман, он забыл и весь мир, и печальную действительность, ожидающую его завтра...

– О, какой смешной, бритый мальчик! Я еще никогда не видел такого... Почему он такой бритый, папа? Почему у тебя бритая голова, мальчик? Папа, откуда ты достал такого?

И маленький Миша Зарубин во всю величину своих синих глазенок любопытно приковывается к смущенному лицу юного, черноглазого Джемала.

Тот в свою очередь смотрит в ласковое детское личико, слушает звонкий детский голос и ничего не понимает...

Этот бритый, черноглазый джигит – это он, Джемалэддин. Его только что привез в Тифлис, в свою семью капитан Борис Владимирович Зарубин, и уже новые впечатления вихрем закружили маленького дикаря в их быстром круговороте. Ласковая дама с густой черной косой крепко обнимает его и, усадив на свои колени, говорит:

– Бедный крошка! Дорогой мой малютка!

Ему, джигиту, совестно сидеть на ее коленях, но длинные косы ласковой дамы напоминают ему черные кудри его матери, а ее нежный голос, странно похожий на голос Патимат, проникает прямо в душу. Дама ласково смотрит на него, в то время как добрый саиб рассказывает ей что-то...

И вдруг лицо дамы покрывается смертельной бледностью... А саиб все говорит, говорит без умолку... И вот постепенно на белом, как алебастр, лице дамы появляется румянец. Вот он ярче, ярче... Бледности как и не бывало. Глаза молодой женщины, теперь обращенные к маленькому пленнику, сияют неизъяснимой признательностью и добротой.

Саиб кончил.

Ласковые глаза, приближаясь к Джемалу, горят как звезды.

– Вот ты какой! О чудный мой мальчик, благородный, милый! – шепчут нежные розовые губы и покрывают его лицо бесчисленными поцелуями...

Так только целовала его мать.

Джемалэддин вспоминает о ней и тихо плачет.

И вдруг синеглазый мальчик подходит к нему...

– Ты спас моего папу, я тебя люблю! Мы будем друзьями, – говорит он, и с длинных пушистых ресниц падают чистые детские слезы.

Они друзья. Друзья на жизнь и на смерть.

После трех лет разлуки, проведенных Джемалом в Петербурге под присмотром добрых и ласковых воспитателей, они встречаются снова.

И как странно встречаются... Необычайно странно...

Обоих их отдают в 1-й кадетский корпус, – только одного привозят туда из великолепных палат белого падишаха, другого, значительно раньше, из скромной офицерской квартиры в Тифлисе.

Большое красное казенное здание смотрит так неприветливо своим некрасивым каменным фронтоном. Но еще неприветливее внутри его, в бесконечных длинных коридорах, где снуют несколько десятков смешных, стриженных маленьких существ в военной форме, делающей их похожими на уродцев-карликов.

Посреди огромной светлой залы их собралась целая большая толпа. Они кричат, спорят, волнуются, грозят кому-то...

В центре их стоит стройный, тонкий, черноглазый мальчик с тоскливыми, глубокими как ночь глазами, со смущением в необычайно красивом лице.

– Бей его, братцы, некрещеную татарву, бей! – кричит, бестолково размахивая руками, маленькая орава. – Отец у него – разбойник. Наши крепости осаждает и проливает русскую кровь. У-у! Бритоголовый татарчонок! Проси прощения, а то пришел твой конец!

Джемал, успевший за два года выучиться русскому языку, понимает все до слова...

Точно под ударом нагайки вздрагивает он... Вся кровь полымем вспыхивает в его жилах.

О, его, как сына имама, в горах никто не смел никогда трогать пальцем, а тут!.. Чувство жестокой обиды вспыхивает в гордом ребенке. И что он сделал этим крикливым мальчуганам? Чего они хотят от него...

Русские бьют горцев, горцы русских... Одни хотят покорить, другие – отстоять свою свободу... Никому не обидно. На то и война... Его только сейчас привез в корпус саиб, адъютант белого падишаха, и он не знает никакой вины за собою... Разве он может быть ответчиком за поступки всех горцев? О глупые, неразумные дети, как бестолково жестоки они!

А глупые дети уже наступают на него, потрясая кулаками, с громкими криками. Их глаза горят недетским огнем ненависти и вражды... Они готовы избить до полусмерти ни в чем не повинного ребенка...

Но вдруг чей-то отдаленно знакомый Джемалу голос прозвучал за его спиною:

– Оставьте его, или я вздую первого, кто поднимет на него руку!

Быстро оборачивается Джемалэддин... Перед ним маленький мальчик, его тифлисский друг, сын саиба.

Они бросаются в объятия друг другу. Его маленькие враги в недоумении расступаются перед ними.

– Глупцы! – кричит им Миша Зарубин, и глаза его воодушевленно сверкают... – Знаете, кого вы бить хотели? Герой! Он от смерти спас моего отца!

И тут же пылко выливается нескладный рассказ из уст белокурого кадетика.

Жадно прислушиваются к нему остальные... В их глазах смятение... Они смущены... Джемал – герой!.. Теперь они сами сознают это. О, как несправедливы и жестоки были они!

И за минуту до этого сжатые в кулаки руки дружески протягиваются навстречу маленькому татарину.

«Он говорил им о смирении, и они не послушали Его... Он говорил о ничтожестве земной жизни, и они распяли Его... Они плевали Ему в лицо и всячески поносили Его... А Он, их Бог, который мог послать на их головы тысячу громов за это, Он сносил их обиды и смиренно молчал...»

Ярким румянцем горит обычно бледненькое, худое, болезненное личико рассказчицы... Вдохновенно сверкают большие, ясные глаза. Джемалэддин жадно ловит каждое ее слово... О, сколько нового света проливает она в его смятен-

ную душу!.. Как великолепно и светло это новое учение его новых друзей. Там отстраняется все: и война, и канлы, и жестокие обычаи его родины, все, все, что так претило с первых дней детства его душе. Исса! Великий, Кроткий, Незлобливый Исса проповедует мир и всеобщую любовь!

Горячим умилением наполняется душа Джемала. Он быстро схватывает худенькую, красную, как у всех подростков, руку маленькой проповедницы и шепчет, сверкая разгоревшимися глазами:

– О Лена! Я хочу отдать себя Иссе! Хочу быть христианином!

Вся радостная, сияющая, летит к матери Леночка Зарубина, увлекая за собой потрясенного до глубины души Джемалэдина.

– Мама! Мама! Он признал Спасителя! Он хочет принять нашу веру, мама! – еще с порога кричит она.

И тут новое горе, новое разочарование...

Ему нельзя креститься, нельзя познать учение Иисуса.

Его отец, отдавая сына в заложники, поставил условием белому падишаху, непременным условием, чтобы его сын остался верен исламу, и без разрешения Шамиля Джемалу нельзя сделаться христианином, принять другую веру.

А они с Леной не знали этого...

Девочка горько рыдает, уткнувшись в колени матери, открывшей ей грустную истину.

Темнее черной тучи становится Джемалэдин...

Новые картины рисуются в разгоряченной воображением памяти Джемалэддина.

Зарубины приехали из Тифлиса. Боевая карьера внезапно кончилась для капитана. Старая рана раскрылась, и вследствие этого он не мог больше участвовать в строю. Для Джемалэддина наступили розовые дни с их приездом. Ласки доброй Елизаветы Ивановны, дружба Леночки и Миши, отеческое отношение самого Зарубина и добродушная воркотня неисправимого Потапыча все это, вместе взятое, услаждало и красило жизнь юного пленника.

Его тоска по матери и по родным горам мало-помалу стихла... Когда смутное, как сон, известие о смерти Патимат, захваченной в тоске по сыну, пришло с Кавказа, Джемалэдин, уже тогда взрослый юноша, только и мечтающий служить под знаменем белого царя, перенес его с покорной грустью.

Предчувствие говорило ему еще тогда, при отъезде из Ахульго, что он не увидит больше матери. Он успел свыкнуться с этой мыслью и теперь трогательно покорился своей неумолимой «кысмет».

А тут снова ласковые, тихие, полные христианского значения речи Леночки, говорившей о смирении и милосердии Христа, поддержали его в тяжелую минуту горя.

И не только о Боге говорила с ним Лена... Чуткая, впечатлительная девочка, жадно стремившаяся к познанию и совершенству, заразила этой своей жаждой юного Джемала... Они вместе читали русских и иностранных писателей,

вместе следили за новыми произведениями литературы и искусств, вместе учились понимать это искусство. Веселый, легкомысленный, жизнерадостный Миша далеко отставал в этом от них. Несмотря на природные способности, он учился лениво и кое-как переваливал из класса в класс, в иных засиживаясь по два года. Совершенно иные интересы притягивали его: он жаждал подвигов, войны, удачных набегов. Книга не удовлетворяла его... Его идеалом была война... Драться за царя и родину – было единственной целью и потребностью души подвижного и жадного на впечатления мальчика.

Пример отца страстно воодушевлял его.

Джемалэддин вышел в полк на три года раньше своего друга. Миша застрял. Он день и ночь бредил Кавказом, куда обязательно решил перевестись по окончании корпуса. Наконец желанный день настал, день счастья для Миши и глубокого разочарования для его друга.

Быстро проносятся картины, сменяя одна другую, заставляя снова переживать молодого офицера то яркое счастье, то тяжелую тоску. Вот и оно, ужасное, полное невыразимого, безысходного отчаяния воспоминание. До них доходит слух о разграблении мюридами богатого поместья Цинандалы в Кахетии, о взятии ими в плен жившего в этом поместье, преданного русскому царю аристократического семейства, которое жестокие горцы угнали в горы.

Говорят о каком-то выкупе... об обмене пленных на аманата... Говорят, будто Шамиль требует сына назад и в таком

случае только соглашается возвратить пленным свободу...

Вначале он не придал никакого значения слухам... Но вот они звучат все явственнее, все настойчивее... О нем, Джемалэддине, говорят всюду, его жалеют... Наконец сам государь призывает его к себе...

Шибко-шибко бьется сердце Джемалэддина при этом воспоминании... Он до сих пор не может забыть задушевных речей монарха, сердечно приласкавшего его... Он, великий государь, ничего не требует, ничего не хочет. Он понимает, как тяжела, как непосильна будет задача для бедного Джемалэддина исполнить то, чего от него ожидают. Ему ли вернуться теперь назад, на суровую, дикую его родину, когда яркий светоч цивилизации преобразил совсем прежнего маленького дикаря? Государь только поясняет ему с необычайной лаской положение вещей, весь ужас неволи пленных женщин и детей, освобождение которых возможно лишь с возвращением сына имама в горы. Но он, Джемал, готов идти на все... Готов принести какую угодно жертву. И жизнь отдать за русского царя, за одну такую ласку готов он, Джемалэддин!

К тому же учение Иссы требует жертв, а он в глубине души горячий последователь этого учения... О, он принесет эту жертву, во имя Иссы, во имя монарха, во имя милосердия!.. И потрясенный до глубины души, он дает слово ценою собственного благополучия возвратить свободу пленной семье.

Ярко светит с неба февральское солнышко... Светит прямо на белую пелену снежных сугробов... Ослепительный,

яркий морозный день, последний день зимы, повис над столицей... У окна квартиры Зарубиных стоит белая, тонкая как былинка, девушка, с ярким, как бы во внутрь себя ушедшим взглядом. Неизъяснимо кроткая улыбка застыла в ее необычайно одухотворенном, милом личике.

– Джемал, – тихо, чуть слышно говорит она, – будешь ли ты помнить закон Иисуса? Будешь ли там у себя, в горах, милосердным и добрым, как Он нас учил этому?

– Лена! – может только выговорить, задохнувшись от волнения, молодой офицер.

Тогда белая девушка срывает маленький золотой крестик со своей груди и, быстро надев его на грудь своего друга, лепечет, вся так и сияя лучистой, светлой улыбкой:

– Не надо переставать быть мусульманином, Джемал, чтобы следовать его Закону! Бог Един на земле и на небе и у мусульман, и у русских, и у всех! Слушай голос сердца, и пусть этот маленький крестик предохраняет тебя от всего дурного в твоей темной, дикой стране! Не расставайся с ним никогда и, глядя на него, вспоминай о Заветах Иисуса!.. Исполнишь ли ты все это, брат мой Джемал?

Что-то неземное осеняет белое личико худенькой девушки, и в одну минуту оно делается прекрасным, как ни у кого... Великая, мировая любовь делает красавицей дурнушку Лену.

Джемал смотрит в сияющее неземным светом личико, и ему кажется, что пред ним сам ангел Джабраил, посланный

с неба...

– Все, все исполню я, что только повелевает Христос! Клянись тебе в этом, сестра моя Лена! – шепчет он, охваченный глубоким чувством.

Она молча протягивает руку и кладет ее на голову своего друга, а он, повинуясь непреодолимому порыву, склоняется перед нею до земли...

И потом долгий, бесконечный, унылый путь, путь о бок с Мишей, который к этому времени получает назначение в одну из вновь образовавшихся русских крепостей Нагорного Дагестана... Длинный путь, исполненный тревог, и сомнений, и глухой тоски...

Все светлое, радостное, хорошее осталось позади него, далеко, далеко... Неизвестное, темное, как бездна, будущее ждет его там, впереди, глядя на него непроницаемыми и черными, как ночь, глазами...

Глава 3

Вновь воскресший.

Пятнадцать лет войны

На высокой гористой площадке, покрытой лесом и как бы перерезанной горным источником, у самого подножия стремнины правильными рядами теснятся прочно выстроенные деревянные сакли, образуя между собой широкую улицу. На левой стороне ее, дальше к востоку, стройно высится белый минарет мечети, заканчивающийся большим полумесяцем из красной меди. На правой стороне улицы, прямо против мечети, окруженный деревянным тыном из заостренных кольев, находится имамский дворец.

Из-за высоких стен не видно саклей дворца. Оба конца аула обнесены валами, а ворота, ведущие в него, снабжены небольшими башнями. Около западной башни находится окруженная низеньким тыном туснак-хана⁷² с гудыней⁷³ внутри нее.

Недалеко от аула на правом берегу истока выстроен громадный сарай. Это завод Шамиля, где отливаются пушки. Рядом с ним такие же, но меньшие сараи: это кузницы, слесарня, мастерские и пороховые склады.

---

⁷² Тюрьма.

⁷³ Подземелье.

Большой аул с деревянными саклями, башнями и минаретом – это Дарго-Ведени, новая столица и резиденция имама.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как бушующие волны седого Койсу приняли в свои холодные объятия неустрашимого всадника и его коня.

Отделавшись незначительным повреждением ноги, Шамиль, как оживший мертвец, поднялся из пены Койсу, чтобы с новой неутомимой энергией повести дело газавата с ненавистными его сердцу гяурами.

Пылкая, вдохновенная речь имама снова зазвучала в Чечне и Дагестане, зажигая горячее пламя в сердцах правоверных...

Под знамена Шамиля стекались все новые и новые отряды, стремящиеся ценою смерти в священном газавате обрести загробное блаженство. Бесчисленные племена Чечни и Дагестана, все горцы Койсубу, Гумбета, Салатовии, Андии, Технупчала и пр. и пр. присылали «землю и воду» в знак своей покорности имаму.

Как раз в это же время один из злейших некогда врагов Шамиля, прославившийся на весь Кавказ своей храбростью, вождь аварцев Хаджи-Мурат, заявил желание примкнуть к мюридам. Шамиль с величайшей радостью, с открытыми объятиями принял услуги Хаджи-Мурата и сделал его первым своим наибом. Вместе с Хаджи-Муратом перешла на сторону мюридов и вся Авария. «Теперь уже скоро русский двуглавый орел сожжет свои крылья на сияющем полумеся-

це, красующемся на знамени правоверных», – предсказал тогда имам.

Судьба покровительствовала Шамилю, но и сам он много сделал для того, чтобы упрочить положение горцев. Из беспорядочных полчищ он создал грозные отряды, объединив всех своих воинов, вместе с тем заботясь о внутреннем устройстве горской страны. С этой целью он разделил всю страну на несколько наибств, то есть участков, во главе которых поставил своих ближайших сподвижников-наибов. Все горцы в возрасте от 16 до 60 лет были обязаны по первому требованию вступать в ряды мюридов и выходить в бой. Ослушавшиеся подвергались жестоким наказаниям. Кроме того, однако, Шамиль завел и постоянное регулярное войско, или низам, пехоту и конницу, разделил его на альфы,⁷⁴ на хамсамиа⁷⁵ и т. д. В награду храбрым установил новые знаки, которые щедро раздавал отличившимся... Видя, что успех русских много зависит от действия орудий, Шамиль устроил литейные заводы, на которых выливались пушки, и оружейные – где выделывались шашки и винтовки.

Много потрудился имам, много ночей не спал, много потратил сил и здоровья, водворяя порядок, разъезжая по аулам и наблюдая над исполнением своих преобразований. Везде и всюду он своими вдохновенными речами старался привить народу ненависть к русским, желание освободиться

---

⁷⁴ Тысячи.

⁷⁵ Половина полка в 500 человек.

от русского владычества. Благодаря преобразованиям Шамиля и его неутомимой деятельности мюриды стали более достойными противниками своего цивилизованного врага.

За эти пятнадцать лет непрерывной войны с горцами счастье то склонялось на сторону русских, то снова улыбалось неутомимому фанатику-вождю. Ни взятие русскими Гимр, уже однажды разрушенных нами при первом имаме Кази-Мулле и снова восстановленных Шамилем, ни упорная безуспешная осада Назранского укрепления, куда кинулся было Шамиль, – ничто уже не могло остановить имама. Даже самое нападение русских на Чиркей и взятие этого укрепленного Шамилем гнезда, где он считал себя в безопасности и откуда бежал со своими мюридами, – даже такая неудача не прекратила энергии бесстрашного вождя горцев. Он верил, что неудачи должны смениться победами. И действительно, в 1841 году он овладевает аулом Гергебиль, охраняемым русским гарнизоном. Это была крупная победа. Со взятием Гергебиля прерывались все пути сообщения русских с Аварией. Шамиль уже считал себя победителем, твердо уверенный, что русские оставят Дагестан и уйдут. Но имам ошибся. В Кызикаумыкском ханстве князь Аргутинский-Долгоруков наголову разбивает Шамиля, а неутомимый генерал Граббе в 1842 году направляется к столице имама – резиденции его Дарго. Глухи и страшны ведущие к ней Ичкерийские леса. А за каждым деревом ждут Удальцов чеченские и лезгинские винтовки. Ичкерийский лес точно ожил и кишит мюридами,

на каждом шагу Удерживающими русских нападениями на них. И несмотря на геройство русских воинов, несмотря на то, что русский солдат по команде бил и разрушал все неприступное, русским не удалось удержать облитых кровью аулов и пришлось волей-неволей повернуть обратно.

И снова вся Чечня и Дагестан встают под черным знаменем Шамиля... В 1843 году мюриды берут наше укрепление Унцукуль, причем спешивший к нему на выручку русский отряд истреблен ими поголовно.

Вслед за тем отнят у нас аул Гоцатль, а еще немного времени спустя мюридами взят опять Гергебиль, отобранный было снова генералом Фези у чеченцев, и блокирован богатый областной город Темир-Хан-Шура.

После этих блестящих удач судьба как бы поворачивает спину своему любимцу.

В 1844 году князь Аргутинский разбил близ селения Морги мюридов, предводительствуемых Кибит-Магомой и Хаджи-Муратом, а в июне у аула Гиллы генерал Пассек с 1500 солдатами разгромил скопище горцев, состоящее из 20 000 человек.

Но эти победы не могли остановить распространения мюридизма. Чечня была вырвана из наших рук, а наши войска были слишком раздробленны и слабы, чтобы окончательно сломить врага.

В этих затруднительных обстоятельствах главное начальство на Кавказе было вверено в 1844 году графу М. С. Во-

ронцову, который решил нанести сильный удар неукротимому имаму.

Был собран большой отряд и двинут к резиденции Шамиля – Дарго, которую, после жестокого штурма, удалось взять с бою. Граф Воронцов получил за эту победу княжеский титул, но победа стоила нам огромных потерь, Шамиль же успел бежать и укрепить новую столицу – Ведени. Возвращаться пришлось русским из Дарго через леса, где укрепились мюриды, преследовавшие измученных русских по пятам. При этом, вследствие невозможности провести транспорт с провизией, в рядах русского войска появился голод. Солдатики прозвали эту экспедицию «сухарной», потому что им приходилось во время нее питаться одними сухарями. И только благодаря подоспевшей помощи «сухарная» экспедиция не кончилась для русских полным уничтожением всего отряда.

В 1847 году князь Воронцов решил взять главнейшие пункты Шамилевых укреплений. После отчаянного сопротивления со стороны мюридов пал знаменитый аул Салты – «Замок Дагестана», каким он справедливо считался благодаря своей неприступности.

Вслед за тем, 6 июля 1848 года, взят был русскими войсками сильно укрепленный за это время Шамилем, неприступный аул Гергебиль, расположенный на высокой скале и состоявший из толстых стен с башнями, за которыми размещались каменные сакли, примыкавшие к краю пропасти.

Шамиль решил отомстить за это поражение нападением на укрепление, устроенное русскими у аула Ахты. 14 сентября 1848 года полчища мюридов обложили крепость, а сам имам уселся на высоком холме, чтобы наблюдать, как его воины будут праздновать победу. Но ожидания Шамиля не сбылись: мюридам пришлось отступить... Защита Ахты увенчала славою русское оружие и составила один из блистательных подвигов богатырей нашей кавказской армии. Несмотря на малочисленность гарнизона, несмотря на то, что начальник его полковник Рот был ранен в самом начале осады и его заменил не вылечившийся от ран капитан Новоселов, несмотря на отсутствие в укреплении воды, – русские отстояли укрепление: отчаянные штурмы горцев были отбиты защитниками укрепления, дравшимися с необыкновенным мужеством. Несколько раз подходили толпы горцев к самым бастионам укрепления и лезли со всех сторон по лестницам, появлялись уже на стенах с победными кликами: «Алла! Алла!», но, сброшенные оттуда русскими штыками, летели вниз вместе с опрокинутыми лестницами и заваливали ров своими трупами. Под градом пуль, камней и картечи защитники крепости замуровывали произведенные взрывами проломы в стенах и готовились отразить врага, пока на выручку не пришел отряд князя Аргутинского, заставивший горцев отступить.

В том же сентябре 1848 года русскими войсками приступом взяты неприятельские завалы при ауле Мискинжи.

В 1849 году князь Аргутинский осадил мюридов в ауле Чох, но осада стоила больших потерь и успеха не имела.

Этими делами далеко не ограничились столкновения горцев с русскими. Чуть не каждый месяц происходили схватки, сражения, разорялись то той, то другой стороною аулы, селения, укрепления.

Между тем ряды горцев, объявивших газават русским, увеличивались новыми и новыми народностями Кавказа. Главнейшими между ними были абадзехи и убыхи. При их содействии производились постоянные набеги на русские укрепления, вызывавшие, в свою очередь, нападение на аулы. Значительно усилил ряды мюридов вождь и духовный глава абадзехов Магомет-Амин, пламенный проповедник, который неоднократно успешно боролся против русского правого фланга, находившегося под начальством генерала Евдокимова.

Главная цель, которую поставил себе Магомет-Амин, состояла в устройстве удачных набегов большими партиями горцев. Один из таких набегов был совершен в 1854 году, когда Шамилевы полчища ворвались неожиданно в Кахетию, переправились через реку Алазань и напали на богатое поместье Цинандалы, принадлежавшее знатному представителю грузинской аристократии, состоявшему на русской службе и преданному России князю Давиду Чавчавадзе. Поместье они предали пламени, все, что было в нем ценного, увезли, жену князя и ее сестру княгиню Орбелиани (дочерей царе-

вича грузинского и внучек последнего венчанного государя Грузии) с детьми, гувернанткой, прислугой и всеми приближенными увели в горы в надежде получить за них богатый выкуп.

Весть о дерзком вторжении мюридов в самое сердце Кахетии и о том, что они увели знатную семью хорошо известного русскому государю воина, произвела потрясающее впечатление по всей России.

По приказанию из Петербурга к Шамилю в аул Ведени был отправлен уполномоченный спросить, какой выкуп желает имам за пленных княгинь и не согласится ли он обменять их на находившихся в русском плену мюридов.

Шамиль ответил:

– Передайте белому падишаху, что Шамиль отпустит княгинь только тогда, когда падишах вернет ему сына Джемал-эддина, который уже пятнадцать лет томится среди урусов... Я так сказал и, клянусь Аллахом, не изменю моего слова...

Ответ имама решил участь Джемал-эддина, мечтавшего навсегда остаться в России и на русской службе...

Глава 4

Ураган и Кривоножка. Горе Тэклы

Полный неизъяснимо таинственной прелести вечер спустился над крепкими стенами Дарго-Ведени. Причудливые облака разорвались на небе, и одинокая, блестящая, в виде золотого венчика курослепа,⁷⁶ звезда мигающим оком зазглась в вышине. Все затихло в горном ауле... В саклях сераля засветились чираки. Кое-где лишь слышалось пение молитв неумолимых в своем благочестии мюридов.

На кровле одной из саклей имамского дворца внезапно появились две странные небольшие фигуры. Это были мальчик лет четырнадцати необычайной красоты и семилетняя девочка, ловкая и быстрая, как котенок, несмотря на совершенно кривые ноги, нарушавшие общую гармонию и стройность подвижной фигурки. В руках детей дымились горящие головни в виде огненных факелов, которыми они неистово размахивали над головами. Мальчик с криком гнался за девочкой по плоской крыше, стараясь ее догнать, и хохотал во все горло.

– Кач! Кач!⁷⁷ – кричал он, высоко потрясая головнею, и во всю прыть неся за хромоногой девочкой. Но та не уступала

---

⁷⁶ Цветок, растущий в горах.

⁷⁷ Сторонись! Сторонись!

ему в ловкости и скорости бега. Быстро перебирая своими кривыми ножонками, она неслась как стрела, пущенная из лука, по самому краю крыши. Мальчик невольно одобрил ее ловкость довольно-таки своеобразным комплиментом:

– Молодец, Нажабат! Джигитом будешь! Даром что кривоногая коза! – И он громко захохотал, с величайшим трудом наконец настигнув девочку.

– Ах ты дувана!⁷⁸ – вспыхнула та. – Смотри лучше на себя! В твоей неразумной голове столько же ума, сколько в моем мизинце, и сегодня еще мулла-алим жаловался матери, что ты столько же смыслишь в науке, сколько дикий дунгуз⁷⁹ в персиковом шербите.

И она, довольная своей остротой, залилась громким хохотом.

Магомет-Шеффи (так звали мальчика) вздрогнул с головы до ног. Это уже было слишком. Этого оскорбления от сестры, девчонки, он перенести не мог.

– Я дувана? Я дунгуз? – подступил он к ней, размахивая пылающей головнею перед самым ее носом. – Вот подожди ты у меня... Я прижгу тебе твой гадкий язык, чтобы он не молол всякого вздора!

Неизвестно, чем бы кончилась эта ссора для маленькой Нажабат, если бы по счастью внизу со двора не послышался резкий, крикливый голос Хаджи-Ребили, ее старухи-воспи-

---

⁷⁸ Глупец.

⁷⁹ Свинья.

тательницы.

– Эй, Нажабат! На-жа-бат! – кричала она. – Куда забралась, горный козленок! Госпожа увидит – беда будет. Ступай вниз. И ты тоже, Магомет-Шеффи, слезай! Опять утащили вы головни из пекарни, глупые дети! Вот вернется повелитель...

– Повелитель не скоро вернется... Он повез в Хасав-Юрт менять грузинских пленниц на брата Джемалэддина, – задорно кричал из своей засады Магомет-Шеффи. – Пока повелитель вернется, у тебя на носу успеет вырасти шишка, а на языке целый куст архани,⁸⁰ чтобы ты не могла так много ругаться и кричать, – заключил он, покатываясь со смеху вместе с дружно вторившей ему Нажабат.

Девочка, успевшая уже позабыть свою обиду на брата, теперь с наслаждением предвкушала «травлю» Хаджи-Ребили, которую все дружно ненавидели за ее воркотню и несправедливость.

– Что говоришь ты, Магомет-Шеффи? – не расслышав его слов, вопила та со двора, далекая от мысли услышать какую-нибудь дерзость.

– Для глухого уха мулла дважды не кричит с минарета! – крикнула ей с кровли за брата Нажабат. – Шеффи говорит, что очи твои – звезды, уста – розы, а щеки – утренняя заря, – присовокупила с оглушительным смехом шалуныя.

– Яхши! Яхши! – сердито зашипела старуха. – Вот я скажу

---

⁸⁰ Цепкое растение.

мудрому Джемалэддину,⁸¹ да охранит Аллах его от всяких бедствий, чтобы он приказал нукеру⁸² сорвать ветку карагача да...

– Хо-хо, ты забыла, что никто не имеет права ударить сына имама, – вызываяще крикнул со своей кровли мальчик. – Ты плохо знаешь, старуха, адаты своей страны!

– Яхши! Яхши! Не рано ли ты торжествуешь, Магомет-Шеффи? – снова слышался внизу сердитый голос. – Вот пристыжу тебя перед братом, будет стыдно тебе.

И она с громким ворчаньем поплелась к двери сераля.

– У-у! Остроклювая ворона! Не боюсь твоего карканья. Вой чекалок относит ветер, и я не глупый джайрон, чтобы страшиться его! – послал шалун вдогонку старухе. Потом быстро опустился на пол кровли и, раздувая головню, так и сыпавшую искры, протянул, делая недовольную гримасу:

– Скучно, Нажабат!

– Скучно, Шеффи! – в тон ему отвечала девочка.

– Отец в наказание не взял встречать Джемалэддина...

Хорошо, что не запер еще... Ах, Нажабат, когда-то я буду джигитом, как Кази-Магома! Кажется, не доживу до того! – с легким вздохом произнес мальчик. – Когда грузинские княгини были здесь – все же было лучше. Ребят их могли пугать и дразнить вволю. Весело это! А теперь выманили их у нас

---

⁸¹ Ученый мудрец, воспитатель сыновей Шамиля и отец его второй жены Зайдет. Считался родственником пророка.

⁸² Слуге.

проклятые урусы... и скучно стало в серале... пленниц увезли... баранчуков⁸³ также; не над кем нам больше подшутить да посмеяться...

– А Тэкла? Тэкла осталась! Или ты забыл?

– И то правда! Пойдем к ней, к Тэкле, Нажабат!

– Мать увидит... попадет. Она строгая.

– Некогда попадать. Брат Джемал приедет – праздник будет, большой праздник. Вроде байрама.⁸⁴ Баранов что пережуют – кучу! Из винтовок палить до ночи будут. Не до брани тут... Джемал – дорогой гость. Так пойдем же к Тэкле. Позабавимся вволю.

И в тот же миг быстрый, как ураган, мальчик, которого иначе и не называли все жители дворца, как ураганом, и кривоногая девочка взялись за руки и бегом ринулись с кровли сакли по выложенным сбоку деревянным ступеням, не выпуская из рук догорающих головней.

* * *

В крошечном помещении, примыкающем к пекарне сераля, в углу, на грязной циновке, лежит, скорчившись, маленькое белокурое существо. При слабом свете зажженного чирака можно разглядеть худенькое-худенькое, изнуренное личико и большие испуганные черные глаза. Девочке лет во-

---

⁸³ Господских детей.

⁸⁴ Большой осенний праздник у мусульман.

семь с виду. На ней что-то вроде длинной рубашки, изодранной до неузнаваемости. Худенькое тельце сквозит отовсюду, едва прикрытое грязными лохмотьями. Девочка тихо плачет, вздрагивая всем своим тщедушным тельцем.

Это Тэкла, маленькая пленница Шамилева серала, увезенная вместе с княгинями Чавчавадзе и Орбелиани во время набега на Цинандалы. Она теперь собственность старшей жены имама, завистливой и жестокой Зайдет.

Горе Тэклы ужасно...

Сегодня на заре она узнала, что ее госпожа, добрая, ласковая княгиня Чавчавадзе, томившаяся около восьми месяцев вместе с сестрою и детьми в плену у Шамиля, отпущена на свободу... И не только обе княгини, но и дети их, и весь женский штат прислуги, томившийся вместе с ними, вернулись опять в родную Грузию.

Она же, Текла, подруга игр маленьких княжен, должна остаться здесь, в этом ужасном серале, у жестокой Зайдет, выпросившей ее у Шамиля. А ведь она, бедняжка, так жаждала свободы!.. Могла ли она думать о том, что ей приготовила безжалостная судьба? Она так надеялась снова попасть в родимые Цинандалы, где так славно жилось под крылышком ласковой княгини, с розовой Соломе и веселой Марией, ее подругами, старшими княжнами...

Сама княгиня горько заплакала, расставаясь с бедной, маленькой пленницей... Она благословила Тэклу, поцеловала ее и, глядя ей в глаза долгим, скорбным взором, произнесла

с трогательною материнскою добротою:

– Слушай, Тэкла, моя бедная, дорогая девочка. Ты останешься здесь одна среди этих чужих и враждующих с нами мусульман. Старайся не забывать Бога, дитя, и, что бы ни случилось с тобою, помни о Нем, Тэкла!

И обе заплакали горько-горько... Княгине было жаль Тэклу, Тэкле жаль навеки утерянной свободы.

Бедная малютка с тоскою вспоминала тихие, ласковые долины Грузии, зеленые поля и цветущие виноградники своей благословенной Кахетии...

Как привольно и чудно жилось ей там! Сколько веселых, радостных дней выпало ей на долю в милых ее сердцу Цинандалах... Каким чудным сном прошло ее коротенькое розовое детство!..

Отца и матери Тэкла не помнила вовсе. Они умерли, когда она была еще грудным дитятей. С младенческих дней княгиня взяла ее к себе и вверила попечениям одной из прислужниц.

Ее воспоминания неразлучны с княжеским домом и маленькими княжнами, детьми ее благодетелей...

Игры, смех, первые уроки азбуки под руководством доброй учительницы – все это вместе с ними! Ей казалось тогда, что жизнь – это одна сплошная розовая сказка, один светлый радостный сон. И вдруг это ужасное несчастье, обрушившееся над домом ее благодетелей!

Однажды (о, этого дня Тэкла никогда не забудет!), когда

сам князь во главе отряда грузинской милиции выступил к Шильдам против Шамилевых полчищ, уже пробравшихся в Кахетию, они, дети, мирно играли в саду вместе с Соломе и Марией под присмотром мадам Дюпре, доброй, веселой гувернантки-француженки. Вдруг толпа крестьян прибежала оповестить княгиню, что мюриды уже поблизости, что они со всех сторон окружили Цинандалы... Спасаться времени нет... вся местность кишит ими... Обезумевшая от страха княжеская семья вместе со всей прислугой ищет спасения в садовой башне...

Вскоре громкие крики врагов огласили сад и двор замка.

Убежище их открыто... Торжествующие мюриды врываются в башню, хватают испуганных насмерть женщин и увозят их в горы, в глухой и недоступный для русских аул, где восемь месяцев томятся они среди диких, жестоких горцев...

И все-таки плен с близкой ее сердцу семьей казался раем сравнительно с тем неизвестным будущим, которое ожидало в одинокой неволе бедную маленькую Тэклу...

Глава 5

Мучители. Белокурая избавительница

– Эй ты, дели мастагата керестень!⁸⁵ Чего ревешь как раненая зайчиха? Или думаешь, мало ручьев в горах, хочешь прибавить слезами горных потоков?

И Магомет-Шеффи, освещенный пылающим светом своей головни, как темный джин появился на пороге сакли. За ним, лукаво усмехающаяся, стояла Нажабат.

Слезы Тэкли стихли. Она испуганно вскочила со своей циновки, уставившись на детей исполненными страха глазами. Бедная малютка знала, что далеко не к добру этот неожиданный приход двух самых заядлых и отчаянных шалунов сералья. И прежде Магомет-Шеффи и Нажабат появлялись на половине пленниц лишь для того только, чтобы дразнить и мучить княжеских детей. Тэкла не сомневалась, что и теперь они пришли к ней с тою же целью.

– Эй, мастагата керестень, чего выпучила на меня свои круглые плоски! Или ты слепа, как серая сова при свете солнца? Чего ты смотришь, точно я хочу приготовить шашлык из твоего мяса! – снова захохотал Магомет-Шеффи своим резким, грубоватым смехом.

– Из нее невкусный шашлык будет, – вторила ему, разевая

---

⁸⁵ Ты, Божий противник, крещеный (брань чеченцев).

рот до ушей, кривоногая Нажабат, – она худа и черна, как голодная волчиха...

– А вот мы попробуем! – не переставая смеяться, вскричал мальчик и выхватил из-за пояса кинжал, с которым у горцев никогда не разлучаются ни взрослые, ни дети.

Тэкла в страхе испустила жалобный крик.

– Господи! Что вы хотите делать со мною! – залепетала насмерть испуганная девочка, смотря во все глаза на своих мучителей. За восемь месяцев плена она успела, как и дети княгини, выучиться кое-как горскому наречию.

– У-у! Глупая кукушка! – засмеялась Нажабат. – Чего трепещешь как пойманная ласточка. Эка невидаль, что Магомет-Шеффи попробует узнать, какого цвета течет кровь в жилах урусов!

И говоря это, она схватила трепещущую Тэклу за руку. Ее брат протянул было кинжал, чтобы напугать еще более обезумевшую от страха девочку. Но в эту минуту глаза его быстро остановились на маленьком блестящем крестике, выглянувшем из-под лохмотьев, брошенных на Тэклу.

– Вот славная штучка! – сказала он. – Дай-ка мне ее... Я подарю это той из наших девушек, которая станет моей женою, и она наденет эту игрушку себе на лоб между звонкими монетами праздничных украшений.

И он протянул было руку, чтобы сорвать крестик с груди испуганной Тэклы.

Дрожащей ручонкой маленькая грузинка схватилась за

грудь. Весь ее страх разом пропал. Большие, вымученные горем, черные глазенки с негодованием и гневом уставились в самые зрачки мальчугана. Оскорбленная до глубины души в своем религиозном чувстве, она забыла о том, что ждет ее в случае непослушания, и только старалась всеми силами спасти свой крестик.

– Не смей прикасаться к нему нечистыми руками! – гневно вскричала она, отступая назад с горящими злобой глазами.

– О-о! Как зачирикала ласточка! – вспыхнув от бешенства и обиды, вскричал в свою очередь Магомет-Шеффи. – Или ты не понимаешь, что говорит твой язык, проклятая гяурка! Отдай мне крест, или...

И он решительно шагнул к девочке с протянутыми руками.

Вдруг случилось что-то, чего не ожидали ни сама Тэкля, ни Магомет-Шеффи, ни его сестра.

Чтобы спасти свое сокровище, маленькая грузинка быстро извернулась в державших ее сильных руках Магомета-Шеффи и с громким криком: «Так вот же тебе, бритоголовый разбойник!» – изо всех сил укусила его за палец.

Мальчик рванул руку и дико вскрикнул...

Не от боли вскрикнул Магомет-Шеффи... Нет.

Слова Тэклы обожгли его больше укуса. Он – сын имама, одна из звезд восточного неба, один из розанов на цветущем кусту, он – будущий цвет и гордость всех наибов от Андий-

ского хребта до берегов Каспия, он получил позорное бранное слово, и от кого? От презренной пленницы, от проклятой гяурки!

Вся кровь бросилась в голову не помнящему себя от обиды и ярости мальчику. Быстро схватился он за рукоятку кинжала... Минута... и Тэкле пришлось бы дорого поплатиться за ее вспыльчивость. Но Нажабат вовремя остановила брата.

– Во имя Аллаха, опомнись, Магомет-Шеффи, сын имама! – вскричала она. – Или ты забыл, что пленная девчонка принадлежит моей матери?.. Ты не простой барантач,⁸⁶ чтобы пятнать свои руки о чужую собственность! Увидит мать кровь на ее теле – беда будет! Не лучше ли иначе расправиться с ненавистным волчонком?

– И то правда! Мудрое слово молвила ты, Нажабат! – согласился с сестрою мальчик. – Ну берегись, скверная уруска, – с бешено сверкающим взором прокричал он в самое лицо Тэклы. – Если нельзя узнать цвет твоей крови, я сумею прижечь твой проклятый язык, чтобы заставить его позабыть охоту браниться... Эй, Нажабат! Помоги мне расправиться с ней, – приказал он сестре.

И прежде чем Тэкла могла опомниться и понять, что с нею хотят делать, Магомет-Шеффи одним движением бросил ее на пол, а Нажабат с ловкостью кошки прыгнула ей на грудь.

– Раскрой ей зубы кинжалом, Шеффи, я суну ей горяченького в рот! – со смехом кричала девочка.

---

⁸⁶ Горцы, занимающиеся барантой, то есть набегами и грабежами.

Кинжал блеснул в руках мальчика... Горящая головня приближалась к самому лицу Тэклы, обдавая ее едким дымом, спирающим дыхание... Магомет-Шеффи насильно разжал ей зубы кончиком кинжала, в то время как не по летам сильная Нажабат прижала ее к полу, так что она не могла шевельнуть ни одним членом...

– Ну-ка, поговори у меня теперь, крикливая пичужка, – хрипел вне себя от бешенства, весь охваченный жаждой мести мальчик и быстро поднес головню к раскрытому роту Тэклы.

Девочка вскрикнула и, затрепетав, как подстреленная птичка, закрыла глаза...

– Магомет-Шеффи! Нажабат! Безумные дети! Остановитесь! – послышался испуганный и в то же время властный голос с порога.

Магомет-Шеффи выронил горящую головню на пол. Нажабат оставила в покое свою жертву. В одну минуту что-то легкое и быстрое бросилось к расprostертой на полу Тэкле, и факел вмиг был затушен под маленькой, но сильной ногой.

Перед троими детьми предстала высокая стройная девочка лет одиннадцати с белокурыми (что очень редко встречается у горцев Кавказа) косами, перевитыми монетами и бляхами в виде полумесяцев, с такими же серьгами в розовых ушах. На ней была длинная синяя сорочка, домашняя одежда горянок, и полосатые туманы из недорогого шелка.

Тонко очерченное прелестное личико белокурой девочки

дышало необычайной кротостью и добротой. Черные глаза под пушистыми ресницами, обычно кроткие, как у лани, теперь сверкали горячим огнем.

Это была Патимат – любимая дочь Шамиля, добрый генерал дворца, добрейшее в мире существо. Она и вторая жена имама, Шуанет, совершенно не подходили своими кроткими нравами к диким и грубым натурам остальных обитательниц сераля во главе с самою Зайдет.

Написет – старшая дочь имама, родная сестра Патимат, Кази-Магомы и Магомет-Шеффи – не принадлежала ни к добродетельной, ни к темной стороне женского отделения дворца. Это была флегматичная, но не злая девочка, равнодушно относящаяся к жизни, ее радостям и невзгодам. Зато одиннадцатилетняя Патимат вся горела и волновалась, принимая близко к сердцу совершавшиеся вокруг нее события. И теперь белокурая девочка, услышав крики и смех в сакле, разом почувствовала, что там творится что-то неладное, и кинулась туда.

– Глупые дети! – кричала она, задыхаясь, на Нажабат и Шеффи. – Или вы не знаете, что по адату страны нападение сильного на слабых равняется баранте?.. Не плачь, Тэкла! Не плачь, бедная горлинка; пока ты со мною, никто не посмеет обидеть тебя, – обратилась она к маленькой грузинке, обняв ее за плечи и прижимая ее к груди.

Сконфуженный Магомет-Шеффи, молча опустив голову, стоял перед сестрою, перебирая рукою серебряные газыри у

себя на груди.

– Вот дувана... вот дели-акыз⁸⁷ чего ревет как голодная чекалка?.. Для нее же лучше хотели сделать... Припеки я капельку ее длинный язык головнею, и она попала бы в число шагидов,⁸⁸ наполняющих рай, – с деланным смехом произнес он, тщательно избегая в то же время встречаться взором с прямыми и чистыми глазами Патимат.

– Убирайся отсюда, Магомет-Шеффи, и ты уходи с моих очей, Нажабат! Вы жестоки, как дикие кошки, и, клянусь именем Аллаха, мудрейший устас-д-дыни,⁸⁹ Джемалэддин, твой наставник, Шеффи, не похвалит тебя за это!

– Клянусь! Дедушка Джемалэддин не разгневается на нас, успокойся, мой брат Магомет-Шеффи! – весело вскричала, перебивая сестру, живо оправившаяся от своего смущения Нажабат. – Разве ты не знаешь, что дедушка бывает добр, как ангел Джабраил, когда послушает моих песенок?

– И то правда! Ты поешь сладко, как гекоко,⁹⁰ и нежно, как буль-буль! – обрадовался Магомет-Шеффи. – Слышишь ли ты, святоша Патимат, мы не боимся твоих угроз до тех пор, пока у сестрички Нажабат не станет голос сухим и страшным, как у старой Хаджи-Ребили, – засмеялся он снова и

---

⁸⁷ Сумасшедшая девчонка.

⁸⁸ Мучеников.

⁸⁹ Мастер религии. Джемалэддин был мудрец по религиозным вопросам и проповедник тариката.

⁹⁰ Певец, сказочник; лицо, пользующееся особым почетом у горцев.

взапуски с младшею сестрою кинулся вон из сакли.

Через минуту где-то на кровле сераля раздался звонкий, как струна чианури, голосок, распеваящий песенку:

Между звезд золотых востока
Ярче всех горит одна...
Всех лучистее сверкает,
Всех прекраснее она!..

В недра душного сераля
Запер нас страны адат,
Но и там звезде подобно
Ярко блещет Нажабат...

Магомет-Шеффи сказал правду: слаще соловьиной трели и нежнее струн чианури пела маленькая мучительница бедняжки Тэклы...

Глава 6

Отец и сын

В то время как между обитателями сераля, тихо, чуть заметно волнуясь, шла обычно-монотонная жизнь затворниц, глава и распорядитель этой жизни, с громадным отрядом феварис,⁹¹ состоящим из пяти тысяч всадников, расположился на огромной плоскости, примыкающей к берегу реки Мечик. Окруженный своим отрядом, среди ближайших из своих старейшин под нанковым зонтиком, предохраняющим от палящих лучей солнца, сидел Шамиль. Перед ним на небольшой подставке лежала подзорная труба, в которую он поминутно поглядывал, опускаясь время от времени перед ней на колени.

За эти пятнадцать лет он немало изменился. Взор стал напряженнее, веки сощурились. Множество мелких морщин изрезали худое, бледное лицо имама. Продольная складка на лбу говорила о заботах и думах. И все же прежней силой и мощью веяло от него. Глаза сверкали, несмотря на призмуренные веки, ярким, почти юношеским огнем. Горделиво и стройно держалась не по годам статная и гибкая фигура. Что-то величаво-царственное застыло в подвижных чертах красивого и спокойного лица... Да, спокойного даже и

---

⁹¹ Кавалерия из кабардинцев.

теперь, когда сердце его кипело жаждою увидеть сына после пятнадцати лет разлуки, а грудь теснил какой-то тяжелый клубок не то сдавленных слез, не то затаенного счастья...

Скоро, сейчас он его увидит... Увидит своего Джемала, оторванного от отцовской груди. За ним поехали туда и Кази-Магома, и Джемалэддин, его бывший воспитатель, и почетнейшие наибы из его свиты... Обмен грузинских пленниц на дорогого аманата должен свершиться при самых торжественных условиях. Надо показать гяурам, как дорожит имам возвращением сына, как дорог его отеческому сердцу Джемал! Тридцать пять лучших всадников-джигитов переправились на ту сторону Мечика, чтобы служить конвоем сыну имама. Шамиль жалеет, что русский саиб воспротивился ему послать туда же всю его блестящую феварис. А то бы он показал гяурам, что в диких горах Андии он сумел усовершенствовать свои войска. Чу!

Выстрелы из винтовок возвещают, что обмен свершился... Имам невольно вздрагивает и, полузакрыв глаза, возносит к престолу Аллаха горячую молитву.

Слава Вечному! Его сын возвращен!

– Мой верный Юнус! – говорит имам почтительно склонившемуся перед ним одному из приближенных. – Мой верный Юнус, глаза мои ослабли, туман застилает мне зрение. Скажи, ты ничего не видишь отсюда?

– Я вижу толпу всадников, повелитель! Они скачут сюда во весь опор...

– А впереди? Впереди... ты не можешь различить, кто скачет? Кого ты видишь во главе отряда, Юнус?

Голос имама вздрагивает и обрывается, как натянутая струна чианури.

– Я вижу Кази-Магому, моего господина, мой повелитель, – отвечает почтительно Юнус. – А рядом с ним...

– А рядом с ним... – прерывает его Шамиль взволнованно, – кого ты видишь, говори, Юнус?..

– Я вижу стройного всадника на белом коне...

– Он в одежде русского саиба? Не так ли, Юнус? – трепещущим голосом вырывается из груди Шамиля.

– Он в чохе и папахе, как подобает горцу, повелитель! – тихо, но уверенно отвечает тот.

Радостная улыбка озаряет лицо имама. Он не был убежден, посылая своего казначея Хаджи с горской одеждой для сына, что Джемалэдин послушается его и сменит свой золотом шитый офицерский мундир на чеченский бешмет и шальвары. Но вот он опять горец, настоящий горец!.. Он кровь от крови его, Шамиля, плоть от плоти его...

– О! Джемал! Сын мой первородный! Золотая звезда моих очей! – шепчет Шамиль, умиленно вперив в солнечную даль свои сощуренные глаза...

Почтительно склонив головы, стоит его свита... Наибы не должны заметить ни волнения своего повелителя, ни минутной слабости, поразившей гордую душу святейшего...

Быстро приближаются всадники... Впереди, на белой ло-

шади, красивый и бледный, с горящими глазами, скачет Джемалэддин. Его взор затуманен тоскою, его губы плотно и скорбно сжаты. Душа его исполнена волнения... Там, у противоположного берега Мечика, он только что простился со своими... Барон Николаи подарил ему свою шашку, шашку героя, отличенного царем.

– Смотри, Джемал! Не руби ею наших! – тихо, с улыбкой сказал он ему.

– Ни ваших, ни наших! Клянусь этой шпагой, барон! – отвечал он генералу, целуя золотой эфес поданного ему оружия.

И потом... что было потом!.. Он видел целую бездну радостного восторга при встрече несчастного князя Чавчавадзе с его женой и малютками! Эти поцелуи, слезы счастья, объятия и тихий, подавленный, радостный смех!.. Блаженный смех! Он, Джемалэддин, никогда его не забудет...

И тогда же все взоры обратились к нему... Ему обязаны своим спасением пленные. Он их герой. Он избавитель.

Женщины-пленницы обращают к нему счастливые, затуманенные слезами взоры.

Князь Чавчавадзе жмет его руку и шепчет:

– Клянусь, до могилы не забуду я вашей жертвы, Джемалэддин!

Но почему же не радостью сиял взор Джемалэдина в те мгновения? Почему не от счастья трепетала душа?

С той минуты, когда, надев на свои плечи по желанию отца

горский наряд, поданный ему одним из слуг Шамиля, он пожал в последний раз руки своих друзей, русских офицеров, точно что-то оборвалось в сердце Джемалэддина, тихо звякнув, как порванная струна... Все близкое ему, все дорогое, русское прерывало с ним всякую связь с этой минуты... Начиналась новая жизнь среди родного по крови, но чуждого по духу народа... Встреча с братом не шевельнула ни малейших струн нежности в его душе... За пятнадцать лет, проведенных под северным небом, в мозгу Джемала исчез самый след воспоминания о брате сверстнике. Он обнял, однако, Кази-Магому, досадуя внутренне на себя за недостаток нежности и чувства к нему.

И теперь, летя во весь опор к ставке отца, сердце Джемала далеко не наполнено восторгом при мысли о предстоящем свидании... То далекое, оставшееся за его плечами, кажется ему во сто раз дороже и ближе: белый царь, лежащий в могиле \ добрый Зарубин, его жена и та белая девушка, которая так дивно говорила ему о Христе и смирении... Теперь они далеко-далеко – и могила белого царя, и милая девушка, зажегшая в его груди свет истинной святой веры...

Впереди – неведомый отец, неведомая страна с ее жестокими, дикими нравами.

И впервые бедный Джемалэддин сознает, что принесенная им жертва ему не под силу...

Быстро несет его белый конь... Быстро летят за ним всадники отряда... Вот уже близко отцовская ставка... Вот уже

он ясно различает полускрытую огромным зонтиком человеческую фигуру. Это отец... Он скорее инстинктом угадывает, нежели узнает его...

Отец!.. Враг его друзей-русских... смутитель и вождь восставшей страны... и все же близкий ему человек, все же отец, родной отец!..

Что-то екает помимо воли в сердце Джемалэдина... Что-то загорается в глубине души...

Повинуясь непреодолимому порыву, он, в десяти шагах от гигантского зонта, спешивается и идет поспешно к сидящему под ним имаму. Тот в свою очередь поднимает голову и впивается в сына пронизательными, чуть сощуренными глазами. И вдруг он быстро поднимается без посторонней помощи и вытягивается во всю величину своей высокой, стройной, далеко не старческой фигуры...

Отец поджидает сына... Сын спешит к отцу...

Что-то сильнее и настойчивее заговорило в сердце Джемалэдина... Что-то подступает к сердцу и гложет его...

Вот он уже в пяти шагах от отца... Ему хорошо видно, как тихие слезы текут по лицу Шамиля...

Джемалэдин вздрагивает. Эти слезы решили все... Радость отца невольно растрогала чуткую душу сына. Впечатлительное сердце Джемала забило тревогу...

С тихим криком, выскользнувшим из самых недр души, рванулся он к Шамилю... Последний широко раскрыл объятия...

И потерянный, но вновь обретенный сын упал на грудь своего старого отца...

В эту же минуту могучий имам и грозный вождь всей Чечни и Дагестана исчез куда-то. Перед лицом пятитысячной толпы горцев остался лишь слабый отец, горный орел, заполучивший снова в свое гнездо вернувшегося после стольких лет орленка...

Могучий имам и грозный вождь заплакал как ребенок...

Глава 7

Маленькая крепость. Рассказ старого солдата о том, как умирали герои

Среди непроходимых ущелий и грозных твердынь Дагестана, среди бездны и лесов непроходимой страны, между бурливым Андийским Койсу, разветвленным на бесчисленные рукава и истоки, у подножия горного кряжа притаилась маленькая крепость. И не крепость даже, а укрепление, обнесенное земляным валом, наскоро обнесенное частоколом, с неизбежным бруствером и рвом, окружающим его.

С назначением наместником Кавказа и главнокомандующим кавказским корпусом князя Александра Ивановича Барятинского таких маленьких крепостей и укреплений выросло немало в горах. Теперь действия против горцев сводились у русских к правильному укреплению в непроходимых дебрях Нагорного Дагестана, к расчистке лесов и закладке таких крепостей и укреплений там, где до сих пор бегали лишь одни чекалки да туры и где горный исполин-медведь с оглушительным ревом прокладывал себе дорогу.

Шамиль за это время мало беспокоил русских, сосредоточив все свои силы на укреплении Ведени... Его слава начинала уже меркнуть, его солнце закатывалось за горизонт. Воинственный дух мюридов упал вследствие частых неудач

и обнищания, так что подчинить их своей воле Шамиль мог лишь посредством жестоких наказаний. И тем не менее горские племена успели кое-где отложиться от своего имама, притесняемые его наибами, которые всячески прижимали и обирали горский народ. Непосильные закляты⁹² и фильтраты,⁹³ невозможные фараджи⁹⁴ – все это заставляло несчастных, обремененных налогами таулинцев уходить из-под власти имама и предаваться на сторону русских. Счастье, казалось, изменяло своему любимцу. Число преданных ему, готовых продолжать дело газавата, становилось все меньше и меньше... А русские проникали в самые сокровенные недра ущелий и гор, и всюду раздавался упорный и настойчивый стук топора и визг пилы, пролагающих путь, посредством срубки гигантов-деревьев, в самые непроходимые трущобы имамова царства.

Маленькая крепость у подножия горы была одним из вооруженных пунктов, охраняющих те места, где была проложена дорога. В ней был небольшой гарнизон, производивший необходимые работы по рубке леса и устройству просек.

Тихо и монотонно протекала жизнь за высоким, прочно сколоченным частоколом. Изредка лишь из Куринского укрепления приходили сюда транспорты с провизией или прилетал казак с «летучками» и газетами, рассказывающими

---

⁹² Приношение в пользу властей.

⁹³ Приношение в пользу духовенства.

⁹⁴ Подати.

маленькой крепости о том, что делалось в остальном большом свете.

Маленькая крепость словно затерялась среди большого мира, и никому не было дела до ее крошечных интересов, до ее небольшого гарнизона, состоящего из полуроты солдат. На бруствере крепости находились две пушки, вызывающе поглядывающие по направлению леса. Комендант маленькой крепости, капитан Полянов, и его помощник, хорошо знакомый уже читателю Михаил Борисович Зарубин, или просто Миша, были единственными офицерами крошечного гарнизона.

С тех пор, как Миша простился со своим другом Джемалом на берегу Мечика неподалеку от Хасав-Юрта, прошло два года.

Однообразно и монотонно протекли эти два года для пылкого юноши, жаждущего подвигов и битв. Правда, изредка во время рубки леса появлялись небольшие шайки чеченцев и поднимали стрельбу по вышедшему на работу гарнизону. Но это ли была та боевая, полная заманчивой, таинственной опасности жизнь, о которой грезил в корпусе молоденький кадет?

Его письма к родным, в далекий Петербург, звучали заметным оттенком неудовольствия и разочарования.

Утреннее учение солдат, стрельба в цель, рубка леса отправляемыми для этой цели партиями, а под вечер долгое просиживание на бруствере в мечтах о более счастливом бу-

душем до тех пор, пока неизменно ворчливый старик Потапыч напоминает о стакане чая и теплой, мягкой постели, – вот и вся крепостная жизнь, доканывающая скудостью своих впечатлений молодого офицера.

– Хоть бы надумал Шамилька сделать набег на нашу местность, хоть бы ненароком наткнулся на наше гнездо да понюхал пороху! – тоскливо вырывалось не раз из груди Миши, когда он вместе со своим единственным и ближайшим начальником сидел за стаканом чая в крошечном помещении барака, носившего громкое название «Офицерского собрания».

– Эх, Зарубин, молод ты, я вижу, кровь у тебя горячая! – с улыбкой останавливал его Алексей Яковлевич Полянов, испытанный уже в бою, заслуженный офицер. – Бога благодарить надо, что Он не надоумил гололобых забрести ненароком в нашу сторонку и разнести укрепление в пух и прах...

– Ну вот еще, – вызывающе говорил на это Зарубин, – вот еще что выдумал! Да я был бы рад-радешенек подраться как следует раз-другой и отвести душу. Ведь и солдатики наши совсем затосковали в бездействии, а в пушках давно паук паутину свил.

Алексей Яковлевич только рукой махал да молча качал головою на все эти речи своего юного друга.

Вечер тихо веял чуть приметным дыханием ветерка... Бездны темно курились сизым туманом. Дневные цветы медленно сжимали свои полузавядшие нежные лепестки... Дикие розы, растущие в ущельях, запахла сильнее...

Команда маленькой крепости, наскоро поужинав в длинной и безобразной постройке – полуземлянке, полубараке, – разошлась кто куда по валу и небольшой полянке, окружающей крепость.

Миша Зарубин сидел на бруствере, спустив ноги вниз над рвом, и, методично покачиваясь из стороны в сторону, внимательно вслушивался в то, что рассказывал старый, видевший виды в боях дядька-фельдфебель окружавшим его на крошечном плацу крепости солдатикам.

– И вот, братцы мои, – повествовал гнусливым голосом фельдфебель, – было нас в Михайловском до пятисот человек гарнизону... Все больше из Тенгинского да Черноморского батальонов. Народ все испытанный, служилый... А начальником был нам даден капитан Лико, матерый начальник, нечаво и говорить, хошь на самого Шамилку с голыми руками... И большой почет ему от нашего брата был за это. Известное дело: хра-бер! Ну-с, это, значит, как взяли Лазаревское гололобые, созвал нас отец командер всех до единого солдата и говорит: «Братцы, говорит, мюриды близко,

Лазаревское взяли и к нам анафемы идут. Заранее говорю, братцы: отступления не будет. Либо победа, либо смерть!» Так и сказал... Ей-Богу! Ну, мы ему, знакомое дело, «уру» прокричали, чин чином, как следует, а у самих кошки на сердце скребут. Какая там победа, коли нас пять сотен, считая нестроевых и больных, а гололобых видимо-невидимо, тьма-тьмушая. Отец Паисий после всенощной исповедовать стал. Дело известное, – все может случиться... Чистое белье надели, чтоб, значит, не в затрапезной амуниции перед Всевышним предстать в случае чего... Опосля охотников звали, кто, эта, значит, в случае поражения, крепость взорвет, чтоб не досталась гололобым... Вышел один солдатик, Архип Осипов, Тенгинского полка рядовой... Сам из себя мозглявый такой, как сейчас вижу, да хлябоватый, в чем душа держится... Знал я его хорошо! На гармошке дьявольски здорово играл, инда до слез прошибало, – к гармошке, значит, парень приспособился... «Я, говорит, согласен, ваше благородие, пороховой погреб взорвать, ежели в случае, значит, неудача»... А у самого глаза горят, будто у больного. Обнял его капитан Лико, эта, значит, поцеловал... Потом стали мы врага дожидаться... Всю ночь никто не ложился, тревоги ждали. На заре, с рассветом, глядим: валют «они»... видимо-невидимо... И конные, и пешие, что твоя саранча... И прямо, эта, значит, на штурм... Рвы засыпали...

Лезут... Мы их на штыки первым делом: так, мол, и так, кому жизнь не дорога, пожалуйста без сумленья. Дрогнули

они, не выдержали русского гостинца и вспять... А мы их картечью в спину, эта, значит! Лихо! И много они раз так налетали, уж и не упомнить... А мы их опять да опять картечью... Без счета раз... А только и они не промах... Повернут обратно, да и снова на стены... А тут вскорости и закипело... Прямо на штыки так и прут. Ну чистый ад... Нас сотни, их тыщи... Убьешь одного, десяток на евоном месте словно гриб вырастет... Ружья до того понакалились, что держать было невозможно в руках... А они все лезут и лезут, словно ополоумевшие, только Аллу своего воют, чисто лают, собаки... Мы их, они нас... Куда ни глянешь – груда тел, одно на другое навалены, что твои поленья. Уж много господ офицеров выбыло из строя; заместо их юнкера командуют... унтера тож... Плохо наше дело... Сами видим... этого не скроешь... Уж менее сотни осталось у нас... А тут они ворвались да врукопашную внизу-то, в самой середке крепости... Ну, видим, дело пропало... Вот тут-то Архип Осипов и решился: пришел его час. Черкесы окружили погреб... Туда, сюда... Крышу разобрали, вовнутрь сунулись... Увидел это Архип, что враги, эта, значит, там как мухи на сахар прилипли, схватил горящий фитиль от лафета да в нутро с ним как сунется... И такой тут, братцы вы мои, треск вышел, что не приведи Господи! И чеченцев всех повзорвало, и погреб, и Архипа... Там и похоронил себя навеки бедняга. А только царь-батюшка его хоша и мертвого, а достойно почтил. Приказал, эта, значит, навсегда его в списке Тенгинского полка

оставить и первым рядовым в роте считать. И на всех переключках приказал имя его читать и при опросе имени отвечать дежурному солдату: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении». Так-то! А потому ерой. Кабы жив остался, Егорья бы на грудь навесили, ну, а мертвому память почтили... А на вид был мозглявый да хлябый такой, и ероинства этого самого в нем не видать было... Только что на гармошке жарить умел за милую душу...

– Ну, а враги укрепление то есть это самое взяли, Дяденька? – любопытствовал, перебив рассказчика, какой-то солдатик.

– Взяли, братец мой, взяли... Ведь их одиннадцать тысяч привалило, а нас только всего-навсего пятьсот было. Взяли, братцы мои, взяли. Только не много от этого и поживились гололобые. Груды развалин вместо Михайловского им достались. А кто из наших восемьдесят человек раненых были, так нас в плен, эта, значит, и забрали с самим капитаном Ликой во главе... Потом государь-батюшка из плену выкупить изволил. За им, милостивцем, служба не пропадает николи! Так-то братцы! А таперича ступай на боковую... Спать пора!

И, громко зевнув, старый солдат двинулся к казарме. За ним последовали остальные. Постепенно глубокая тишина воцарилась в крепости.

Только изредка доносился громкий переклик часовых, зывающих во мраке ночи свое обычное: «слу-ша-ай!»

Миша, весь исполненный волнения вследствие слышан-

ного им рассказа, мысленно горячился, по своему обыкновению.

«Подвиги!.. Герои!.. Славная смерть!.. Что может быть лучше этого! А тут затишье и бесполезное высиживание в ничегонеделании, со смутным ожиданием будущих благ! Нет, решительно завтра же подам просьбу о переводе на более интересный и беспокойный пункт. Пусть Полянов пошлет в Куринское с оказией «летучку» о переводе».

И, твердо остановившись на своем решении, юноша готовился уже спуститься с бруствера, как неожиданный шорох привлек его внимание.

Он взглянул в ту сторону, где черною, непроницаемую стеною высилась мрачная и суровая группа исполинских дубов и диких каштанов, и вдруг сердце его сладко замерло от какого-то радостного, еще не вполне ясного предчувствия. При бледном свете месяца на темном фоне этой живой стены тихо покачивающих своими мохнатыми шапками деревьев двигались какие-то темные фигуры. Легкий шорох становился все слышнее и слышнее с каждой минутой... Вот уже ясно можно разобрать характерный гортанный чеченский говор.

Сердце Миши сладко сжалось, потом забилося с необычайной силой.

В ту же минуту по соседству с ним грянул выстрел. Это часовой оповещал тревогу заснувшему было гарнизону.

И в ту же минуту маленькая крепость ожила как бы по

мановению волшебного ока.

Глава 8

Мечты сбываются – враги наступают

Гробовой тишины, царившей за минуту до этого в укреплении, как не бывало. Проворно и спешно выбегают солдатики из неуклюжей казармы, где они только что расположились на отдых, нимало не подозревая о близости врага.

Алексей Яковлевич Полянов, на ходу застегивая свой порыжевший от времени сюртуки зорко вглядываясь по сторонам пронизательными темными глазами, наскоро отдавал спешные приказания команде.

– Неужели «они», Алексей Яковлевич? Неужто дождались? Господи! Вот счастье-то нежданно привалило! – так и кинулся к нему, захлебываясь от восторга, обезумевший от радости Миша.

Но Полянов холодно осадил его.

– Слушайте, Зарубин, вы должны знать, что в деле необходимо иметь больше всего соображения и как можно меньше горячки, – умышленно подчеркивая это «вы», начал Полянов, разом точно водой облив не в меру восторженного офицера. – Я, ваш командир, приказываю вам не лезть без надобности в опасность и беспрекословно повиноваться моей команде, – сурово заключил он тоном начальства, не допускаящего возражений. Потом, завидя печальное выражение на разом затуманившемся лице Миши, он тихо добавил,

положив руку на плечо своего молодого друга: – В храбрости твоей я не сомневаюсь! Это уже говорит тебе не начальник, а друг! – И он крепко пожал руку молодого офицера.

«В храбрости твоей я не сомневаюсь! В храбрости твоей я не сомневаюсь!» – пело, ликуя, на все голоса в груди Миши. Сам Поля нов, испытанный в боевых делах офицер, сам Полянов сказал ему это! Ему, Мише!..

«В храбрости твоей я не сомневаюсь!»

Точно розовый туман закружил голову молодого человека. Весь преисполненный радости и возбуждения, он как во сне носился по крепости, отдавая приказания, осматривая пушки, поверяя маленький гарнизон и всеми силами стараясь как можно точнее исполнять приказания, возложенные на него Поляновым, и в то же время не забывал поглядывать в ту сторону где на черном фоне леса смутно рисовались снующие и движущиеся фигуры врагов.

Сколько их? Превосходят ли они числом их – защитников укрепления? Ничего не видно в темноте... Все покрыла своим таинственным пологом беспросветная мгlistая ночь...

* * *

Словно серая лента, протянувшаяся от одного края неба до другого, прорезала сгущенную темноту... Заря забрезжила на востоке, и раннее утро вступило в свои права. На указанных комендантом позициях бодрые, готовые к встрече

с врагом встретили это утро защитники маленькой крепости... Теперь не было уже у них того щемящего, саднящего чувства неизвестности о числе и силе неприятеля. Белая пелена рассвета сорвала таинственную маску ночи. Враг теперь весь на виду. И ни одно его движение не может ускользнуть от глаз гарнизона.

Под навесом лесной опушки расположился большой чеченский отряд.

Между деревьями то и дело мелькали высокие бараньи папахи и сухие фигуры, низко пригнувшиеся к стремнам. Темные бешметы и чохы рельефно выделялись на свежей зелени леса. Между скромно одетыми всадниками гордо высилась на коне высокая фигура в красной чалме, с дорогим оружием у пояса.

– Да это никак наиб, старшина Шумилкин, – произнес подле Зарубина взобравшийся на бруствер солдатик.

Миша быстро оглянулся.

– Наиб, говоришь, Спиридонов? – спросил он говорившего.

– Так точно, ваше высокоблагородие. Потому у него чалма красная, что твоя клюква. Злой в «деле» народ! Нечего говорить. На штыки так тебе и лезет.

«Вот бы его живьем, – мелькнуло в голове Миши, – поймать его, каналю, и в Темир-Хан-Шуру или в самый Тифлис к наместнику... Георгия за это дадут, пожалуй. Наиб тот же генерал, по-нашему... Ах, хорошо бы!» – вихрем пронеслось

в голове размечтавшегося юноши.

– Алексей Яковлевич! А его живьем бы! – бросился он к показавшемуся на бруствере Полянову.

Тот, с нахмуренными бровями и суровым взглядом, с головы до ног оглянул расходившегося юношу.

– Извольте занять ваше место, подпоручик! – произнес он строгим голосом.

Миша сконфузился и поспешил к своей команде. Быстро взобрались на вал солдатики, зарядили ружья... Все наготове... Ждут... Фейерверкеры заняли свои позиции у пушек, готовясь достойным образом встретить неожиданных гостей. Полянов со строгим, сосредоточенным лицом поспевал всюду. Миша несказанно удивлялся ему. Невзрачный, сутуловатый, серый на вид офицерик с седенькой клинушкой бородкой точно преобразился: стан выпрямился, глаза сверкают... Прежнего, обычно флегматичного Полянова не осталось и следа.

Между тем неприятель то появлялся на опушке, то вновь скрывался за деревьями... Только мелькали черные папахи да красная чалма наиба...

– Да что они, каналы, дразнятся, что ли! – вскричал нетерпеливо Полянов и, быстро обернувшись, крикнул фейерверкеру: – А ну-ка, Тимошкин, угости их хорошенько, чтоб не мозолили глаза бездельники!

Тимошкин только и ждал этого, казалось... Быстро зажег фитиль... тронул лафет... Раз!.. Оглушительно и густо про-

несся выстрел...

Непроницаемой серой пеленою вмиг заволокло и крепость, и поляну, и опушку. Когда дым немного рассеялся, можно было видеть трех бесцельно мечущихся на опушке лошадей... Три всадника лежали окровавленные там же, на опушке.

– Алла! Алла! – послышалось за деревьями.

– Что? Не любишь? – с жестокой улыбкой произнес Полянов. – Славный залп. Тимошкин, зайди ко мне после «дела», водки выпьешь. Молодец! – похвалил он фейерверкера.

– Рад стараться! – радостно отозвался тот.

У Миши судорога свела губу... «Вот оно, начинается!» – мысленно произнес он, и вся его жизнерадостность разом пропала при виде этих трех застывших без движения людей на опушке. А оттуда уже выделились три всадника. Впереди всех – наиб в красной чалме. Подле него юноша лет восемнадцати, черноокий, прекрасный, с гордым выражением на тонком лице. На винтовке переднего горца была привязана белая тряпка.

Вот выделился из группы загорелый всадник и замахал винтовкой с самодельным флагом.

– Ожечь их, ваше высокородие? – с явной готовностью во взоре обратился к Полянову Тимошкин.

– Нет, постой... белый флаг выкинули... Переговорить хотят...

Действительно, чеченцы хотели переговорить. Загорелый,

словно бронзовый всадник быстро приблизился к самому рву, окружающему крепость, и начал ломаным русским языком, обращаясь к Полянову:

– Слушай, саиб... Моя пришла... Твоя стреляла... Трое лучших джигитов переселились в сады Аллаха от твой пушки... Но господин мой, великий вождь Гассан-бек-Джанаида простит смерть своих нукеров, если ты и твоя команда сдадите крепость. А нет – крепость будет взята и твое тело и тела твоих аскеров⁹⁵ растащут чекалки и расклюют вороны. Мой господин ждет ответа... Не согласишься сдать крепость – будем штурмовать... Так говорит мой господин Гассан-бек-Джанаида...

Гассан-бек-Джанаида! Словно эхом отозвалось в душе Миши, и он силился припомнить, где он слышал уже однажды это имя – «Гассан-бек-Джанаида!» – повторил он еще раз, и вдруг яркая картина предстала пред ним. Темная августовская ночь... Белый шатер... и над спящим русским офицером дикий горец-мюрид с поднятым кинжалом. А в углу маленький пленник с трепетом ужаса следит за ним... Так и есть... Он вспомнил: Гассан-бек-Джанаида, несомненно, тот самый мюрид, чуть не оставивший его сиротою. Миша взглянул по направлению красноголового наиба... Худое, почти сухое лицо... черная борода и горящие как уголья глаза. Ему на вид лет 35–40, не более. И возраст подходит. Сомнений больше нет. Это он, Гассан. Отец так хорошо и ярко описал

---

⁹⁵ Солдат.

его наружность, что Миша из тысячи узнал бы теперь разбойника, чуть было не убившего его отца.

– Вот хорошо бы снять с седла эту зазнавшуюся ворону! – произнес он полувопросительно, бросив летучий взгляд на ходившемся с ним по соседству Полянову.

Но тот только головой покачал:

– Они выкинули белый флаг... По военным правилам особы их неприкосновенны...

И, приставив руку рупором ко рту, он громко крикнул ближайшему мюриду:

– Скажи твоему беку-Джанаиду, что русские предлагают ему убраться восвояси... Иначе его отряд будет уложен на месте нашими ядрами, а он вздернут на ближайшем суку первой чинары!

Услышав эти не предвещающие ничего доброго слова, мюрид быстро отъехал от крепости и что-то проговорил сидевшему неподвижно, как статуя, на своем коне наибу.

Гассан с нахмуренным лицом выслушал переводчика. Потом что-то важно и сурово проговорил по-своему. И снова отделился от передней группы парламентар.

– Мой господин, храбрейший из слуг имама, дает вам полчаса времени для окончательного решения... Потом он разнесет вдребезги ваше гнездо, и от крепости вашей не останется ни следа... Мой господин, бек-Джанаида, приказал это передать урусам.

– Слушай, ты, длиннохвостая ворона, если ты еще раз

осмелишься заикнуться о сдаче крепости, я прикажу моим молодцам угостить тебя свинцовым гостинцем! – крикнул вышедший из себя Полянов.

Вероятно, слова его произвели должное действие, потому что красноречивый глашатай мигом повернул от крепости и, вместе с наибом и черноглазым юношей, во весь опор помчался к опушке.

Переговоры были окончены. Надо было готовиться к штурму.

Гарнизон маленькой крепости состоял из пятидесяти человек, между тем как всадников, оставивших теперь свою опушку и выехавших на открытое место, насчитывалось до трехсот.

Полянов только хмурился, оглядывая ничтожные силы своего гарнизона. Все, что находилось в крепости, было поставлено с ружьями на валу. Даже Потапыч, давно уже не державший штыка в руках, и тот выполз из Мишиного барака с твердым намерением «ожечь гололобых».

– Братцы! – обратился Полянов к своему гарнизону. – Приготовьтесь к мужественной защите! Знайте, что о подвиге или смерти вашей узнает и царь, и Россия. Так не постыдную же память оставим мы по себе! Я не могу допустить даже мысли о взятии крепости. Вспомним Лазаревское и Михайловское... Или победим, или умрем!.. Да что я, – с принужденной улыбкой оборвал себя, комендант, – с такими молодцами стоит ли говорить об этом!

– Рады стараться, ваше высокородие! – бодро и весело отозвались солдатики.

– Вот вы давеча о Михайловском укреплении говорили, дяденька, – обратился маленький востроносый солдатик к фельдфебелю, – о подвиге Архипа Осипова рассказывали, а може, такой Архип Осипов и среди нашего гарнизона выщется.

– Тьфу ты! Типун тебе на язык, дурень! – оборвал его, торопливо сплюнув на сторону, фельдфебель. – О чем говорит-то! Да мы еще ево, эта, значит, поподчуем! Чего о смерти-то говорить зря, эта, значит...

– Ну, накликали беду, ваше благородие. Таперича отведите сердечко... И пальба вам будет... и штурмы... и всякой всячины вдоволь... Только держись! – недовольно ворчал старый Потапыч на своего воспитанника.

Сердце денщика-дядьки так и било тревогу. «Ишь, не сиделось ему в Питере, – мысленно честил он своего питомца, – пороху понюхать захотелось... А не приведи, Господи, ранят его эти мохнатые черти, убьют... О Господи! Какой я ответ матушке Елизавете Ивановне да капитану моему дам? Эх, дите, и впрямь ты дите неразумное!» – заканчивал свои тревожные мысли старик, пристально вглядываясь в молодое жизнерадостное лицо Миши.

А Миша так и пылал весь, так и трепетал жаждою предстоящего боя.

И бой не замедлил наступить.

Глава 9

Штурм. Черноглазый юноша-воин. Погоня

Теперь уже весь отряд горцев, отделившийся от опушки, стоял перед маленькой крепостью не более как на расстоянии полуверсты. Чеченцы, казалось, деятельно готовились к бою. Сравнительное затишье наступило в их рядах. Солнце высоко поднялось к зениту и пекло вовсю. Полдневная жара давала себя чувствовать. Красноголовый наиб спешился, его примеру последовали остальные, и скоро до Осажденного гарнизона долетели слова неизбежной мусульманской молитвы:

– Ля-иллях-иль-Алла! Астафюр-Алла!

И, точно в ответ на нее, послышался стройный хор гарнизона:

– Спаси, Господи, люди Твоя!..

Отец Дормидонт ходил по рядам солдатиков и кропил их святой водой.

Вот наступила тишина... зловещая и таинственная, словно затишье перед наступающей бурей...

И она разразилась.

– Алла! Алла! – наполнило теперь звучным гулом до сих пор мертвенно-тихую поляну... и вмиг маленькая крепость

была облеплена, как мухами, со всех сторон чеченским отрядом...

Залп двух крепостных орудий встретил его на полдороге.

Но это не остановило врага. С быстротою молнии бросились горцы на бруствер, десятками валясь от осыпавшей их картечи...

Теперь уже фейерверкер не успевал наводить орудия. Надо было помогать своим в том месте, где уже завязался штыковой бой. Каждый штык, каждая рука были на счету.

Там, где влезла на бруствер большая толпа чеченцев, бился Миша Зарубин во главе вверенной ему команды... Уже несколько чеченцев отбил он метким ударом своей сабли... Но вместо одного – является десяток других... Рука юноши онемела, грудь высоко вздымается под забрызганным кровью сюртуком... Это чужая кровь, вражеская... Он, Миша, слава Богу, еще не ранен.

– Ля-иллях-иль-Алла! – вопят чеченцы.

– Ура! – гулко перекрикивая их, вылетает громовой крик из десятка охрипших солдатских грудей.

Миша бьется как лев. Папаха съехала с его головы... Капли пота проступили на похолодевшем лбу... Какой-то красный туман застилает зрение... Он уже не думает ни о подвигах, ни о славе. Вся его цель – сбросить с бруствера вон того рослого чеченца, который заносит над ним свой короткий острый кинжал.

Раз!..

Новый взмах сабли, и высокий чеченец летит с бруствера, странно взмахнув руками... Это он, Миша, угодил ему в сердце концом своей сабли... Он убил его...

Убил? Убил человека?!

Но ему нет времени думать об этом... Вон уже лезет новая толпа на вал крепости... Со зверским остервенением кидаются они на ряды защитников... Заметно поредели эти ряды... Немного на валу доблестных героев-солдат. А враг все прибывает и прибывает.

– А что, ежели, примерно, к слову сказать, дяденька... – слышится подле Миши глухой, хриплый голос, и он с трудом узнает в нем голос востроносенького солдатика, жадно расспрашивавшего фельдфебеля о бое в Михайловском укреплении, – а что, ежели, дяденька, подобно Архипу Осипову погребок взорвать...

– Не время... Молчи! – так же хрипло отзывается фельдфебель. – Еще поку... – Он не успевает докончить фразы, и голова его, отделенная от туловища, летит в крепостной ров.

И много уже там таких голов... Много исковерканных, изодранных чеченскими кинжалами тел защитников похоронено в мутной воде канавы.

Мише некогда хорошенько вникнуть в это... Над его головой слышится снова «Алла! Алла!». Он быстро оглядывается.

Красноголовый наиб и черноокий юноша бьются в двух шагах от него.

Наиб ни на минуту не оставляет юношу одного. Зоркими глазами следит он за ним. Вот пробирается к нему с поднятой саблей солдатик, заносит руку над головой юноши... Но красноголовый разом отсекает руку, и рука, не выпуская сабли, падает в ров...

«Что он ему? Сын? Брат? Товарищ?» – мысленно спрашивает себя Миша и, затаив дыхание, расчищая саблей себе путь, пробирается к этой группе...

Вот уже он подле юноши. Вот уже в двух шагах от него. Красноголовый схватился в это время с самим Поляновым...

С быстротою молнии кидается Миша к черноокому красавцу... Тот увлекся битвой, не видит... О, как широко раздвигаются его ноздри... Как ярко пылают огненные глаза... Что-то хищное в нем, несмотря на крайнюю молодость, что-то неумолимое и жестокое, как смерть... И при этом ярко-трогательная, почти девичья красота словно из мрамора изваянного лица...

– Эй, ты! Бритоголовая девчонка, я хочу сразиться с тобой! – вне себя кричит, закипая непреодолимым бешенством, Миша.

Черноокий красавец быстро обертывается к нему...

Они меряют друг друга глазами, оба юные, оба всеми своими фибрами жаждущие боя...

И вот слились и столкнулись не на жизнь, а на смерть... Кинжал юного горца уже занесен над Мишей...

«Это смерть! – вихрем проносится в разгоряченном мозгу

Зарубина. – Это смерть!» Погибнуть здесь, на стенах бруствера, от шашки юного горца кажется ему верхом несправедливости судьбы! Перед его глазами проносятся лица отца... матери... Лены...

И быстрым движением руки он поднимает саблю и изо всей силы втыкает ее в грудь юного горца.

Бешеный, почти нечеловеческий крик заставляет вздрогнуть с головы до ног Мишу. Это не человеческий крик, нет! Так может только кричать чекалка, у которой выкрали из норы детеныша.

В один миг красноголовый наиб хватает убитого и с диким криком кидается с бруствера... За ним следуют остальные... И через минуту крепостной вал очищен от врагов.

Точно пьяный шатается Миша... Перед глазами его красные круги... В сердце жгучая жажда настичь, отомстить за смерть товарищей.

– Братцы! Кто за мною? – кричит он неестественно напряженным звонким голосом. – Догоним разбойников, доканаем их! – И во весь опор несется за ворота крепости... За ним его команда, человек десять самых отчаянных удальцов, сорвиголовы гарнизона...

Напрасно кричит им во весь голос Полянов:

– Остановитесь, безумцы, остановитесь, вы идете на верную гибель!

Миша глух ко всему окружающему. Вот он настигает врага... Вот словно обезумевший врезывается в его ряды... Вот

красноголовый уже близко, подле него... К нему стремится во весь опор Миша, конвульсивно сжав бока своего коня... Вот он уже выхватывает револьвер... взводит курок, целя прямо в лоб красноголового.

И вдруг что-то тесно охватывает его шею... Ловко кинутый аркан сжимает ее. Он отделяется от седла, конь исчезает под ним, и в одну минуту он падает к ногам красноголового наиба...

Глава 10

Страшная действительность

– Есырь!⁹⁶ Гяур! Масагата керестень! Убей его скорее! Убей есыря, храбрейший наиб...

И целая толпа грязных, чумазных, почти нагих ребятишек с громким криком и визгом кинулась под самые ноги наибова коня.

– Эй, вы, тише, шайтаново племя! – грозно прикрикнул на них тот с высоты седла и красноречиво взмахнул своей нагайкой.

Дети врассыпную кинулись в разные стороны...

Но вместо них теперь выдвинулись вперед старухи. Черные, костлявые, с искаженными от злобы лицами, они цеплялись за стремяна и поводья найба и кричали ему дикими, иступленными голосами:

– Уруса, гяура привез! Отдай нам его, господин, на потеху... Мы сумеем расправиться с ним... Отдай старой Илите... У нее гяур убил сына... Она сумеет выместить его смерть на этом есыре! Отдай его Илите, Гассан!

– Молчите вы, старые вороны! – прикрикнул на них ехавший впереди своего отряда бек-Джанаида. – Урус – мой пленник. Я не отдам его никому, чтобы самому выпить до

---

⁹⁶ Пленник.

дна кубок мести... Русский есирь убил моего брата Али...

– Убил Али! Убил Али! Черноокого Али, юного джигита! – завопили старухи. – О горе тебе, несчастная Селтанет. Не на радость вскормила ты твоего питомца... Горе, Селтанет, горе! – И они, потрясая костлявыми кулаками, расступились перед всадниками и пропустили перед собой весь отряд.

Молча ехал Гассан по улицам аула. За ним четыре нукера на сплетенных из ветвей чинары носилках несли тело убитого Али. Через седло Гассана был перекинут связанный по рукам и ногам и с головой укутанный в бурку пленник.

Мало ли много ли времени прошло с тех пор, как Миша Зарубин слетел с седла, полузадушенный чеченским арканом, вряд ли мог отдать себе отчет юноша. С той минуты, как горцы окружили его с дикими, торжествующими криками, он точно перестал сознавать действительность. Оглушенный падением, молодой офицер очнулся только тогда, когда его враги были уже далеко от стен маленькой крепости, но где именно, он не понимал: плотно обматывающая его голову бурка мешала ему узнать это. Зато он чувствовал по быстродвигающемуся крупу коня, что его похититель несется во всю прыть, спеша куда-то. Отекшая голова, свешанная с седла, туго перетянутые веревками руки и ноги, какой-то смутный туман в мозгу – все это мешало молодому Зарубину ясно сознавать действительность. Миша очнулся вполне только тогда, когда чьи-то сильные руки подхватили его с сед-

ла и опустили на землю... И вмиг наброшенная на голову бурка была сорвана... Ослепительно яркий луч солнца разом ожег его глаза и невольно заставил зажмуриться. Когда он открыл их снова, то увидел, что находится во внутреннем дворе большой сакли. Перед ним стоял Гассан-бек-Джанаида, окруженный своими нукерами. В стороне от них лежали на земле носилки с телом Али. Миша невольно вздрогнул при виде мертвеца и поспешил отвести от него глаза. В эту минуту из толпы выдвинулся тот самый горец, который еще так недавно предлагал да-а-ват маленькой крепости.

– Знаешь ли ты, – начал он, подходя к Мише, коверканым русским языком, – знаешь ли ты, что ожидает тебя, саиб?

Зарубин, едва державшийся на ногах от слабости, собрал все свои силы и смело ответил:

– Знаю... Я убил родственника Гассана, и за это ждет меня смерть.

– Ты убил его брата, саиб, брата, которого он любил больше собственной жизни!.. Не выдуманно для тебя еще тех мучений, которые бы могли вознаградить наибо в его потере.

– Я не боюсь ничего, – ответил Зарубин, – потому что не чувствую вины за собою... Не предательски, не из-за угла убил я юного бека, а в равном честном бою. Если Гассан считает, что я заслужил смерть, пусть убивает меня...

– Ответ достойный смелого, – произнес горец, успевший перевести наibu слова Зарубина, – урусы храбры и презира-

ют смерть; в этом им отказать нельзя... Мой господин приказал передать тебе, что ты умрешь с зарею.

– Я готов к смерти! – спокойно отвечал Миша.

В то время как переводчик передавал его слова наибу, из внутренности сакли выбежала старая женщина-горянка. Седые косы ее растрепались, бешмет был разорван в клочья, чадра сброшена с головы, лицо искажено от гнева. Она со всех ног кинулась к носилкам, на которых лежало распростертое тело Али, и через минуту вопль ее наполнил двор сакли...

– О мой юный сокол! О золотое солнце моей родины! О серебряный месяц мой! Радость и жизнь нашей мирной сакли... Где ты? Какие райские сны витают над твоими смежившимися глазами?.. Какой сладкий сон навеял тебе своими темными крыльями могучий из ангелов – Азраил? Али мой! Горькая утрата моего бедного сердца! Соленая слеза моих очей!

Она приникла к телу юноши головой и на мгновение замерла на нем, исполненная невыразимого порыва тоски. Потом быстро вскочила на ноги и с легкостью молоденькой девушки подбежала к связанному Мише.

– Проклятый убийца, гяур... собака... шакал, пьющий чистую кровь нашего племени... О, отдай мне его, этого убийцу, Гассан! Отдай на потеху, храбрый наиб... Я вырву его лукавые очи своими пальцами... Я упьюсь его кровью... Я вымещу на нем все предсмертные страдания Али, моего

вскормленника!.. Он проклянет месяц и день, когда появился на свет... Я покажу ему, что значит месть женщины, кормилицы, потерявшей своего дорогого питомца!..

И она, сжимая в кулаки свои крючковатые пальцы, размахивала ими перед самым лицом Зарубина.

– Молчи, старуха! – сурово перебил ее Гассан. – Есырь этот – мой, и его жизнь принадлежит мне по праву. Ты можешь утешиться. Его убийство не останется не отомщенным, и священные канлы будут исполнены мною. Ступай в дом, кормилица, и приготовь все нужное к погребению твоего питомца.

Селтанет не смела послушаться своего господина и медленно поплелась в свою саклю, но по дороге туда она несколько раз оглядывалась на пленника и, грозя ему своими костлявыми черными кулаками, кричала:

– Гяур!.. Шакал!.. Урус-собака!..

Лишь только она удалилась, Гассан-бек-Джанаида сделал знак своим нукерам и громко произнес:

– Гудыня-тамуна!⁹⁷

Те с быстротой молнии кинулись к юноше, в одну минуту перерезали стягивающие его члены веревки своими кинжалами и потащили к огромной яме, вырытой в углу двора.

Это и была подземная гудыня, неизбежная принадлежность каждого наибского двора. В одну секунду Зарубин очутился на краю ее.

---

⁹⁷ Заключить в подземелье.

Один из нукеров поставил Мишу на самом краю ямы. Другой со смехом толкнул его... И вмиг юноша очутился на дне темной беспроектной могилы...

На другое утро, с зарею, хоронили Али, молодого бека-Джанаида. Тело его, уже с вечера перенесенное в мечеть и перевитое пеленами, муталиммы бегом вынесли из михрабы⁹⁸ и в виду огромной толпы родственников и друзей понесли на кладбище, потрясая свитками корана и крича во все горло: «Аллах-экбер! Аллах-экбер!»

Это делалось для того, чтобы злые джинны во главе с их повелителем, шайтаном, не перехватили по пути грешную душу умершего.

На кладбище покойника опустили в сидячем положении в приготовленную для него могилу, зарыв вместе с ним и все его оружие, чтобы он мог достойным воином предстать перед престолом Аллаха. Потом, забросав яму землей, они придавили могильный холм большим, тяжелым камнем. В это время в джамии зажгли новую очистительную лампаду в честь умершего, и убитый горем Гассан вернулся в свою осиротевшую саклю.

---

⁹⁸ Место, где мулла читает общественную молитву, вроде нашего придела.

Глава 11

Рук-эта-намаз. Зюльма.

Новость Патимат

Гулко гремит на весь аул звучная, как гром, шалабанда.⁹⁹ Пискливо вторят ей пронзительная садза и мелодичная гюльме.¹⁰⁰ На гудекане толпа. Горят костры. Груды зарезанных баранов свалены в кучу. Запах свежей крови и шашлыка наполняет воздух. Выстрелы из винтовок с их повторенным горами эхом гремят над аулом... На площади цвет Веденского рыцарства джигитует, состязаясь в ловкости и быстроте... В противоположном углу то медленно разворачивается, то вновь собирается в круг протяжная и бесконечная орираша.¹⁰¹

Недаром сегодня это веселое торжество в Дарго-Ведени, недоступной резиденции имама. Шамиль женит своего сына, красавца первенца Джемалэдина, на дочери наиба Талгика. Вот почему и костры, и джигитовка, и громадные кувшины бузы, успевшей уже в порядочном количестве перейти в желудки правоверных...

И во дворце имама также праздник.

---

⁹⁹ Барабан.

¹⁰⁰ Любимый музыкальный инструмент горцев.

¹⁰¹ Чеченский танец вроде нашего хоровода.

В огромной просторной кунацкой, куда почти не проникают солнечные лучи, на мягких турецких коврах и брошенных поверх гасилей подушках сидит несколько десятков почтенных гостей.

Между ними ярко выделяется гордая фигура Даниэля, султана Елисуйского. На Даниэле генеральский мундир русской службы. Он когда-то был слугою белого падишаха; теперь он верный сподвижник Шамиля. Даже дочь свою, красавицу Каримат, отдал он в жены сыну имама, Казии-Магоме... Подле него Технуцала-Измаил, наиб Ботлинский и Мустафа Ахмед-Кудалинский, вернейшие слуги имама. У одного из них шрам через все лицо – след шашки уруса, у другого – не хватает пальцев на руке. Дальше казначей Хаджио и Гассан-бек-Джанаида. Лицо Гассана далеко не подходит своим выражением к веселому настроению пиршества. Ему волей-неволей приходится из-за свадьбы сына повелителя отложить казнь пленника уруса. А душа его жаждет мести, жаждет крови гяура, как высохшая от зноя земля жаждет капли дождя. И душа Али требует возмездия... Он сегодня еще предстал брату во сне, окровавленный, страшный... Его одного боится Гассан. Он скрыл при личном докладе Шамилю о штурме русской крепости, что ему удалось выхватить живьем русского офицера, – скрыл, горя желанием упиться мезтью, которой имам мог воспрепятствовать. Что, если узнает Шамиль о присутствии пленника в гудыне?.. Что ему делать тогда? Нет, нет, завтра же он покончит с урусом!..

Служанки еще не внесли дымящегося шашлыка на шампурах, и из бурдюков еще не брызнула хмельная струя бузы... Пир еще не начинался... Он начнется лишь по окончании рук-эта-намаза.¹⁰² А пока и краснобородые почтенные алимы, и храбрейшие наибы-вожди, и молодые джигиты из беков и беев¹⁰³ сидят на мягких подушках, слушая певца-сказочника «гекоко», повествующего длинное сказание о героях – витязях страны. Сладок, как турецкий душаб, голос гекоко, и неисчерпаема, как воды Каспия, фантазия певца. Гекоко одна из самых почитаемых личностей на Кавказе. Это баян страны. Сколько раз, дрогнув под неприятельским натиском, бросались в бегство мюриды и вдруг останавливались, услышав голос своего гекоко, прославляющего подвиг былых богатырей, и, вспомнив эти былые подвиги предков, они с новым рвением кидались в бой. Зато без гекоко не обходится ни одно празднество в ауле. Он своими песнями справляет тризну по убитым, приветствует рождение мальчика и напутствует новобранцев на новый путь.

И теперь сладкий голос певца волною носится над головами сидящих в кунацкой гостиной. С затаенным вниманием слушают его старейшины, наибы и молодые князья-джигиты... И не в одном из них, под впечатлением этих песен, закипает кровь в жилах и душа жаждет подвигов, о которых повествует сказочник-певец.

---

¹⁰² Свадебного обряда.

¹⁰³ Дворян и князей.

Один только человек далек и от песен гекоко, и от самого празднества. Между своими братьями, Кази-Магомой и юным шестнадцатилетним Магометом-Шеффи, сидит Джемалэддин. Но это уже не тот прежний Джемалэддин, каким мы его оставили в долине Мечика, неподалеку от Хасав-Юрта.

Куда девались яркий блеск глаз и юношеская свежесть лица молодого человека! Это далеко уже не прежний красавец, нет! Глаза ввалились и горят нездоровым лихорадочным огнем. Лицо бледно и худо до неузнаваемости. Два зловещих багровых пятна выступили на неестественно обострившихся скулах.

Два года тяжелой, безысходной тоски по его новой милой родине – России наложили неизгладимую печать на все существо бедного Джемалэддина.

С первого же дня возвращения Шамиль окружил своего любимца нежными заботами и попечениями, не расставаясь с ним ни на минуту, расспрашивая его обо всем. Он хотел знать все: и его жизнь в неведомой северной стране, и обычаи, и нравы России... Хотел знать и то, как велика ее военная сила и каким количеством войск обладает здесь, на Кавказе, белый падишах. Хотел знать и расположение этих войск. Хотел уговорить сына пойти во главе чеченского отряда на русские полчища, но Джемалэддин категорически отказался от этого.

Он не предатель и не изменник, чтобы идти против своих,

своего царя...

Он так и сказал «своих»...

И не ограничился этим, стал просить отца прекратить войну с русскими, примириться с белым царем.

Тогда между сыном и отцом впервые проявилась неприязнь. Шамиль разом охладел к Джемалэддину, и жизнь юноши вследствие этого стала невыносима, как жизнь пленника.

Все недружелюбно и косо стали поглядывать на него: гнев властелина распространился и на отношение к нему остальных. А тут еще прибавилась нестерпимая тоска по России, и молодой горец весь отдался этой тоске.

Тогда, заметя его исхудавшее лицо и горящий лихорадочным огнем взор, Шамиль решился на новое средство, которым думал привязать к родине сына.

Дочь наиба Талгика, Зюльма, славилась красотой на весь Дарго-Ведени, и дочь наиба Талгика решено было дать в жены Джемалэддину.

Гекоко кончил, оборвав свою песнь на полуслове... Песня замолкла, и только серебристая струна чианури, перебираемая пальцами певца, умирала, тихо звеня в своем предсмертном звуке... В ту же минуту громкий смех, шум и возня послышались за дверью, и целая толпа девушек, веселых, смеющихся и суетливых, втокнула в кунацкую закутанную в чадру фигуру.

Тогда все гости поднялись с циновки и окружили жениха.

Кази-Магома и Магомет-Шеффи стали тихонько подтал-

кивать Джемалэддина навстречу закутанной невесте. Девушки проделали то же с Зюльмой. Когда наконец они сошлись на середине кунацкой, за окном сакли прогремел залп из винтовок, и в ту же минуту из соседней комнаты появился, в сопровождении телохранителей, старшин и мюршидов, Шамиль со свитком корана в руке. Он соединил руки молодых и прочел над их склоненными головами свадебную молитву.

Так свершился рук-эта-намаз – венчальный обряд чеченцев.

Новый залп из винтовок возвестил о том, что он закончен. Благословив новобрачных, имам в сопровождении ближайших старейшин удалился к себе. Он, как священное лицо, не мог, по правилу тариката, оставаться на пиршестве.

Пир тотчас начался с его уходом. Смуглые караваш внесли шашлык и бурдюк с бузой, целые груды риса, приправленного чесноком и пряностями, и свежие пшеничные чурки. Гости принялись за яства, обильно приправляя их своей любимой бузой.

Девушки и молодежь вышли на середину кунацкой, и началась неизбежная во всех торжественных случаях лезгинка.

Джемалэддин молча сидел подле укутанной с головы до ног новобрачной. Он едва знал Зюльму, маленькую, черноглазую Зюльму, отданную ему в жены по приказанию отца. И теперь сидящая подле него малютка-женщина казалась ему чужой и далекой. Больше того, она возбуждала в нем что-то похожее на злобу, потому что со времени женитьбы ему бу-

дет еще труднее вырваться из гор...

Горы!.. Здесь он всем чужой и ненужный, никому не понятный человек... А там, в России... о Боже!

Перед мысленным взором молодого горца встают милые образы близких людей – Зарубин, его жена, Миша... И та милая, худенькая, необычайно трогательная девушка, с такой смелостью говорившая ему о Христе, та, чей маленький крестик покоится у него на груди под сукном праздничной чохи... Где-то они все теперь? Вспоминают ли о своем далеком друге или вовсе забыли его?..

Джемал вздрагивает и прижимает руку к груди, к тому месту, где находится крестик... Невольная тоска сильнее обжигает ему сердце. А вокруг него между тем все оживленнее и быстрее разворачивается стремительный и красивый танец...

Вся обвеянная своими черными косами, несется в нем хорошенькая Написет – старшая из сестер его, Джемала. Она уже невеста. Между юношами-гостями находится ее избранник, юный Абдерахман. Ее черные глаза устремлены на него... Для него одного танцует красавица. Но вот она окончила танец, и на смену ей встает другая...

Это Патимат – единственное существо в серале, к которому успел привязаться Джемалэддин за эти два года. И немудрено. Сердце Патимат мягко, как воск, и сама она кротка, как овечка, к тому же она отдаленно напоминает ему мать... Сколько раз приносила она ему известие о том, что у того или другого горца томится в гудыне русский пленник, и вме-

сте с ним вымаливала разрешение отца отпустить на волю уруса!

Шамиль любил девочку больше других и порой исполнял ее просьбу. Многие пленники были обязаны своим спасением черноокой ходатайнице Патимат.

Джемалэддин всей душой полюбил за это девочку. И теперь он даже оживился несколько при виде пляшущей сестры...

Ей только тринадцать лет, Патимат, но она кажется совсем уже взрослой девушкой.

Девочки у горцев развиваются рано. В тринадцать-четырнадцать лет они уже невесты. И Патимат в грации и искусстве плясать не уступит взрослой.

Быстро поднимает она над головой свой бубен и несется с ним плавно и медленно по мягким коврам кунацкой... Вот она ближе и ближе приближается к Джемалэддину...

Как горят ее черные глаза!.. Как веют вокруг раскрасневшегося лица белокурые косы... Вот она ловкой рукой подбросила бубен и снова, не переставая плавно кружиться в затейливой фигуре лезгинки, подхватывает его... И вдруг ускоряет темп и быстро несется, подобно птице, перед взорами гостей... Белокурые косы прыгают и пляшут по плечам, заодно с нею, вокруг прелестной головки... Оживленное личико направлено в сторону брата и говорит ему о чем-то без слов... О чем? Джемалэддин чувствует, что это – необычайное оживление, догадывается, что его сестре надо сообщить

ему что-то...

Вот она снова подбросила звенящий бубен и, прежде чем кто-либо успел заметить, быстро наклонилась к брату и шепчет быстро-быстро на ухо ему:

– Брат! В гудыне Гассана снова томится пленник и не простой урус-солдат, нет – саиб, настоящий саиб. И с таким добрым лицом!.. Я не решаюсь просить за него отца, потому что повелитель очень сердит и запретил мне заступаться впредь за урусов... Выручи несчастного саиба, ради Аллаха!..

И тут же, изогнувшись змеею, вихрем несется дальше, мерно ударяя в бубен тонкими смуглыми руками...

Глава 12

Жертва Зайдет.

Неожиданное спасение

Музыка и пляска молодежи в кунацкой глухо долетают на женскую половину дворца...

Жены Шамиля – у него их, по мусульманскому обычаю, несколько – не имеют права выходить со своей половины и довольствуются тем, что, рассевшись на полу, угощаются всевозможными сладостями, запивая их душистым и ароматичным душабом.

Старшая из жен, маленькая, худенькая и рябая Зайдет, производит очень неприятное впечатление. Что-то жестокое запечатлелось в ее пронырливых рысьих глазках и в тонких, недобрых губах сердито поджатого рта.

Зато вторая жена Шамиля, высокая, полная, чрезвычайно симпатичная, уже и немолодая Шуанет, очень симпатична с ее добродушным, не по летам моложавым и милым лицом.

Тут же между ними снует семнадцатилетняя Аминет, младшая жена имама, отличающаяся замечательной веселостью и проворством. Это, однако, не мешает хорошенькой Аминет быть крайне капризным и самовольным созданием.

Жены Шамиля угощают дорогую гостью, жену Кази-Магомы, дочь Даниэля, султана Елисуйского, красавицу Кари-

мат. Очень нарядная, вся в шелку и драгоценностях сидит Каримат на почетном месте и из маленькой чашечки пьет ароматичный душаб, заедая его сладкой алвой.

– Вот и женился Джемал, – лениво тянет Зайдет, – а что толку? Как ни приручай к сакле орленка, он все на простор норовит.

– Веселье там, – вторит ей Аминет, складывая губки в капризную усмешку, – хоть бы одним глазком взглянуть: и сад-за, и гюльме, и шалабанда... Хорошо!.. Девушки наши лезгинку пляшут... Так бы и побежала туда! – мечтательно заключает она.

– Вот-вот, – сердито обрывает ее Зайдет, – только тебя там и не хватало! Мало ты набегалась по двору, как угорелая кошка, с детьми, точно и сама ребенок... Вот бы увидел кто из наибов – срам на голову нашу, чистый срам!

Зайдет постоянно чем-нибудь да допекала юную Аминет. Она явно завидовала ее красоте и молодости и всячески при каждом удобном случае пилила ее.

– Бегать и играть не стыдно! – со смехом вскричала молоденькая женщина, и глаза ее сердито блеснули на старшую соперницу. – Стыдно жадничать и злиться, как ты жадничаешь и злишься, скупердяйка Зайдет.

Очевидно, она затронула самую чувствительную струну в душе Зайдет, потому что та вся разом покраснела, как морковка, и сердито напустилась на нее:

– Я скупердяйка? Я? Да как ты смеешь говорить это мне,

старшей жене имама? Да я тебя...

– Уйми свой язык, старуха! – уже в голос расхохоталась хорошенькая Аминет. – А то он мелет вздор, как шалабанда, а в голове твоей пусто, как в пустом котле...

– Не ссорься, джаным! – протянула сонным голосом красавица Каримат. – Не ссорься!

– Что мне ссориться с глупой девчонкой! Мне и неприлично это... Я ее хозяйка и повелительница; только бестолковая коза не хочет понимать этого! – надменно произнесла Зайдет и, преисполненная важности, вышла из комнаты.

За порогом общей сакли, служившей столовой для многочисленных членов женской половины сераля, находился длинный коридорчик, который вел в крошечную каморку на самом конце его. Зайдет быстро миновала темный проходчик и, остановившись у небольшой двери, толкнула ее, предварительно сняв с нее засов.

В крошечной каморке, похожей скорее на гроб, нежели на комнату, в углу на связке соломы лежала худенькая белокурая девочка. Ее огромные глаза грустно и жалобно смотрели из-под темных тонких бровей. Несмотря на полное изнурение, ясно выразившееся на худеньком личике, белокурая девочка казалась хорошенькой, как ангел.

Но красота ребенка не трогала озлобленной и всегда всем недовольной Зайдет. Она быстро приблизилась к девочке и, впиваясь в нее гневным взором, спросила:

– Ну что, надумала ты наконец отправиться к мулле,

несчастливая гяурка?

Бледное лицо ребенка покрылось слабым румянцем при этих словах.

– Оставь меня! Зачем ты приходишь меня мучить? Я уже раз сказала тебе, что никогда не изменю вере отцов... Что же тебе надо еще от меня?

– Что мне надо от нее? Вот глупая баранья башка! Или ты не слышала, что приказал повелитель?.. О, что за бессмысленные дуваны все эти урусы! Не понимают собственного счастья. Ведь сто раз говорили тебе, глупая девчонка, чтобы ты приняла нашу веру, ислам. Сам повелитель указал Магомету-Шеффи взять тебя в жены, когда ты подрастешь. Подумай, какая честь ждет тебя, презренная караваш! Ты, несчастная пленница-гяурка, будешь супругой сына имама! Не глупи же и не упрячься, Тэкла! Помни, что я могу силой заставить тебя стать мусульманкой...

– Никто не заставит меня изменить Христу! – проговорила девочка. – Я останусь верна Ему, знай это, госпожа, и не мучь меня понапрасну.

– Но ты не можешь стать тогда женой Магомета-Шеффи! – воскликнула Зайдет.

– Магомета-Шеффи, – с горечью произнесла девочка, – того самого Магомета-Шеффи, который чуть не изуродовал меня два года тому назад... О, храни меня Господь от этого! Нет! Нет! Я была и останусь христианкой, и оставь меня с твоими дикими речами, госпожа! Оставь меня.

– Ты должна быть почтительнее с женою имама! – вне себя вскричала Зайдет. – Разве ты не знаешь, что в мою полную собственность отдал тебя господин?

– Оставь меня или убей поскорее, – простонала чуть слышно несчастная. – Я хочу смерти и только смерти, я слишком страдаю! Жизнь надоела мне...

Бледное лицо Зайдет вдруг приняло мягкое выражение, так мало идущее к нему.

– Слушай, Тэкла, – как только могла ласково проговорила она, – слушай! Имам обещал мне большую награду, если я уговорю тебя принять веру Аллаха... Я всей душой хочу услужить ему. Если ты исполнишь его повеление, я засыплю тебя подарками и ты будешь моей второй дочерью после Нажабат, если нет, – берегись! Я выдумаю тебе такие мученья, которые не снятся во сне, и ты скоро поймешь, как невыгодно тебе не слушаться твоей повелительницы!

– Зачем ты говоришь это, госпожа? – произнес слабый голосок Тэклы. – Я тебе давно сказала, что не боюсь никого и что смерть будет для меня избавлением...

– А... если так! – прошипела Зайдет и, сорвав со стены висевшую на гвозде нагайку, ударила ею изо всей силы Тэклу по плечам.

Несчастливая девочка испустила продолжительный стон... Этот стон не разжалобил, а скорее еще более раздражил разъяренную женщину. Не помня себя, она наносила теперь удар за ударом по спине и груди бедного ребенка...

Худенькое тельце Тэклы билось и извивалось под немилосердными ударами Зайдет. Неизвестно, чем бы окончилось все это, если бы на пороге комнаты неожиданно не появилась кривоножка Нажабат.

Она значительно выросла в эти два года, но ее исковерканные ноги не выпрямились за это время.

– Мать! Мать! – кричала она, захлебываясь и волнуясь. – Новость у нас, новость! У Гассана в гудыне сидит пленник. Патимат узнала это от наших караваш и сказала Джемалу, чтобы он просил за него отца...

– Что ты мелешь такое, кривоногая шалунья? – так и закипела разом охватившим ее любопытством Зайдет.

Такое происшествие, как появление нового пленника в ауле, было очень важным событием в однообразной жизни затворниц. Немудрено поэтому, что Зайдет позабыла весь мир, услышав от Нажабат захватывающую новость.

– Клянусь Аллахом, правду говорю тебе, мать... Сейчас Патимат была в серале... Рассказывала, как там пляшут... Эх жаль, что я уродилась с такими ногами, а то бы я показала этим косолапым медведицам, как у нас надо плясать лезгинку! – с заметной завистью произнесла девочка.

Но Зайдет и не слушала ее.

Совершенно позабыв о своей пленнице, вся охваченная непреодолимым желанием как можно скорее поделиться новостью с остальными, она со всех ног кинулась в сераль. Нажабат на своих кривых ножках заковыляла вслед за нею...

Тэкла, почти потерявшая сознание под жестокими ударами нагайки, долго лежала без движения, издавая слабые стоны. Потом она медленно поднялась и села на своей соломе... Что-то теплое и липкое текло у нее по шее, прямо на обнаженное плечо... Хлесткая и твердая, как кинжал, нагайка, глубоко врезавшись в нежное тело девочки, оставила на нем кровавую борозду. Зайдет не жалела силы и рук, наказывая свою маленькую пленницу. Это повторялось часто, очень часто.

Около года уже уговаривали Тэклу женщины сераля принять их веру. Они действовали не по собственному желанию. Шамиль приказал им это. Он хотел женить сына впоследствии на пленнице, потому что дочери набов, на которых женятся сыновья властителя, неудобны были ему: надо было бы тогда родниться с семьей невестки и приближать к себе нежеланных людей. Все это хорошо объяснила Тэкле ее мучительница. Но из всего этого бедная девочка только поняла одно: ее хотят сделать мусульманкой, да еще, вдобавок к тому, женой ненавистного ей Шеффи. О, она не хочет, не хочет этого! Жестокий, недобрый мальчик всячески изводит и мучит ее. Он и Нажабат... Но это ничто в сравнении с тем ужасом, который ожидает ее в ближайшем будущем... Принять мусульманство! Позабыть Христа! Христа Иисуса, которому она привыкла молиться с колыбели!.. Забыть наставления ее близких!..

Словно сквозь сон слышатся Тэкле речи ласковой княги-

ни:

– Что бы ни было, девочка, крепись! Всеми силами борись за свою веру... Не изменяй ей.

О да! Она не изменит! Ведь Милосердный Господь поможет ей! Поможет так же, как Он помогал и святой Нине, просветительнице Грузии, и многим другим... Да, да. Он спасет ее, Тэклу, Он, кроткий и могучий Христос Спаситель! Но только не скоро, может быть, очень не скоро... Ах, если б поскорее! Эта жизнь в борьбе становится невозможной для ее детских силенок... Вот брошена на полу окровавленная нагайка Зайдет... Завтра ей опять найдется работа, этой нагайке... Все плечи, спина и грудь Тэклы уже исполосованы ею, а впереди будет еще хуже: ее могут насильно заставить принять мусульманство! Ее – христианское дитя! Нет, нет! Она не перенесет этого ужаса.

Бедная девочка вздрагивает всем телом. Потом поднимает голову, оглядываясь кругом. И вдруг быстрая, как стрела, мысль мелькает в ее мозгу... Что это?.. Дверь ее каморки, которую всегда тщательно закрывали на замок, открыта... Зайдет, заинтересованная своей новостью, позабыла второпях запереть ее... А что, если?..

Жгучим огнем охватывает дрожь все тело Тэклы... Дрожь неожиданности, восторга... Счастье свободы разом представляется близким и возможным... Бежать?.. Да, бежать!.. Сию минуту... сейчас!

Она медленно поднимается со своего ложа... и тихо-тихо

крадется к порогу... О, как сильно бьется ее маленькое сердечко!.. Куда и зачем она идет? Тэкла старается не думать об этом... Она не знает дороги из этой глухой стороны... Говорят, Ведени окружают дремучие леса, в которых водятся дикие звери... Так что же? В тысячу раз легче погибнуть в лесистых Андийских трущобах, нежели выносить мучения Зайдет теперь и Магомета-Шеффи впоследствии, – легче, чем быть насильно отторгнутой от истинной веры Христа. И девочка, затаив дыхание и хватаясь за стены слабыми ручонками, медленно крадется по длинному переходу. С женской половины сераля до нее доносится хохот и визг... Это Нажабат рассказывает там что-то громко...

И все смеются... И эта гостья тоже – красавица Каримат... И голос Шуанет слышится ей... О, какая добрая эта Шуанет! Когда Зайдет бьет ее, Тэклу, она застывает постоянно... Только не очень-то ее слушает имам... Зайдет, как старшая, имеет больше веса... Тэкла сама не знает, почему ей все это приходит в голову теперь, когда вся ее душа рвется на свободу. Она точно хочет отвлечь свое внимание от рокового шага. Скорее бы, скорее миновать этот ужасный переход, и тогда... Если бы Патимат была здесь! Патимат – ее добрый ангел... Она бы помогла ей бежать... Патимат любит и жалеет ее... Но она там, в кунацкой, танцует лезгинку и не думает о бедненькой Тэкле! Там все они, и Джемалэддин тоже... О, какой он чудесный! Он несколько раз бранил Зайдет за то, что она мучает ее. За это Зайдет его не любит... Да и многие

его не любят здесь. Оттого он всегда такой скучный и бледный и у него такие печальные глаза...

Тэкла останавливается разом... Холодный пот выступает у нее на лбу... Дверь сераля распахивается, и она видит Зайдет на пороге... Девочка, чуть дыша, прижалась к стене... Вот, вот, злая женщина сейчас накроет ее... Но нет, слава Богу... Она только кличет служанку и снова скрывается вовнутрь сакли...

С быстротою молнии кидается к противоположной двери Тэкла, дрожащей рукой толкает ее и...

Темная осенняя ночь принимает ее в свои свежие объятия...

* * *

По-прежнему звенят струны чианури... Им вторит гул шалабанды, доносящийся со двора, и звенящий бубен в руках той или другой из юных танцовщиц... Лезгинка не прерывается ни на минуту. Гости, значительно охмелевшие от бродящей, как дрожжи, бузы, шумными возгласами выражают свое одобрение танцующим. По-прежнему мрачный и злобный сидит Гассан среди гостей. Он единственный из них не пьет бузы и не интересуется пляской. Его мысли на дворе его сакли, в черной гудине, где брошен его пленник. Он заранее предвкушает уже сладость мести... О! Лишь бы не умер только до зари собака-гяур, а он уже сумеет отомстить

ему за смерть Али... Только бы не увидали его нукеры Шамиля... Отдать уруса во власть имама и не насладиться его предсмертным мучением – этого не в силах исполнить Гасан.

Появление имама прерывает его мысли... Шамиль, весь в белом, с высокой белой чалмой на голове, входит в кунацкую. Красная аба накинута на его плечи. Он идет в джамиию молиться о счастье сына. Он там пробудет всю ночь, прося Аллаха вернуть ему прежнего чеченца Джемала вместо этого полууруса, каким он сделался вдали от родной семьи.

За имамом, весь белый как лунь, с лицом подвижника, выступает святейший алим Джемалэддин, ближайший советник имама.

О, это самый важный старец из всего аула. Его советов беспрекословно слушается имам. Он недаром считается мастером религии устас-д-дыни и родственником пророка. Перед ним преклоняются самые важные из старейшин Чечни и Дагестана.

Лишь только появляется имам со своим спутником, музыка и пляска разом прерываются в кунацкой... Вся толпа танцующих сбивается в угол, как испуганное стадо овец. Медлительно и важно проходит Шамиль посреди кунацкой, в то время как все присутствующие почтительно склоняются перед ним.

Одна только фигура остается в прежнем положении. Священного трепета нет в лице молодого Джемалэдина. Он ви-

дит в отце отца, и только. И сейчас он быстро приближается к имаму и без обычных установленных церемоний говорит ему:

– Повелитель! Сегодня мой праздник. Ты дал мне Зюльму в жены, и я беспрекословно исполнил твое желание. Порадуй же и ты меня, отец. Сделай мне подарок, за который бы я благословлял день и ночь твое имя...

Лаской и кротостью звучит болезненно слабый голос Джемала. Какая-то печальная мольба застыла в худом, измученном лице. И это больное, исхудалое лицо, и этот глухой, прерывающийся кашлем голос подействовали на Шамиля.

Прежняя нежность к сыну вспыхнула в нем.

– Говори, в чем твоя просьба, сын мой! – произнес он ласково.

– Отец, – произнес тот снова, – отец, в гудыне Гассана сидит русский пленник! Отдай мне его.

Спокойное лицо Шамиля не дрогнуло ни одним нервом. Только глаза блеснули не то гневом, не то досадой.

– Отдай мне его, отец! – еще раз произнесли губы Джемалэдина.

Гассан-бек-Джанаида весь замер в ожидании ответа. Если имам согласится на просьбу сына, – смерть Али не будет отомщена. Кроме того, Шамиль мог вполне заслуженно разгневаться на него, Гассана, за то, что он скрыл пленника от него.

Но не то, казалось, волновало повелителя. Имам даже и не взглянул на своего верного мюрида; горящий его взор об-

ратился к сыну.

– Ты просишь за уруса? – спросил он сурово.

– Да, отец! – твердо произнес тот, стойко выдерживая строгий взгляд Шамиля.

– Но знаешь ли ты, сын мой, что они поступают с нами как хитрые чекалки, врывающиеся в берлогу горного медведя? Они завистливы, как негодные кукушки, которые кладут яйца в чужое гнездо... Ты все это знаешь, мой сын, и просишь за них?

– Да, отец! – снова глухо прозвучал голос Джемалэддина.

«Как он любит их! Они околдовали его, эти урусы, и отняли от меня моего ребенка!» – вихрем пронеслось в голове имама, и он сурово добавил вслух:

– Гассан-бек-Джанаида – мой верный и храбрый слуга... Обездолить моих слуг я не намерен... Любимый брат Гассана убит урусами... Не этот ли пленник убил твоего брата, Гассан?

Бледный как смерть от одного только воспоминания, подошел Гассан к имаму.

– Прости, повелитель, что я укрыл пленного... но ты верно сказал: он и есть убийца моего брата. И я решил отомстить за эту смерть... Вся моя кровь закипает от предвкушения канлы!.. Прости мне, великий имам...

– Ты прав, – произнес Шамиль, – учение тариката не запрещает кровавой мести за смерть близкого. Сам Великий Пророк приказывает не вкладывать меча в ножны, пока не

останется ни одного неверного в подлунном мире... Твоя просьба не может быть исполнена, сын мой Джемал; пленный урус должен остаться во власти Гассана, – заключил имам и, важно обведя взором круг своих гостей, спросил их громко – Так ли я рассудил, правоверные?

– Ты справедлив, как солнце, одинаково сияющее над богачами и байгушами¹⁰⁴ святейший! – был дружный ответ старейшин.

– Отец!.. Ты... – начал было Джемал, но Шамиль остановил его:

– Наш разговор окончен; я не желаю слушать больше...

Затем Шамиль медленно двинулся из кунацкой, сопутствуемый своим старым тестем-алимом.

Джемалэддин и Гассан обменялись взглядами, в которых горела самая непримиримая вражда.

Лицо молодого человека как-то разом осунулось и потемнело. Далеко не счастливым новобрачным казался теперь Джемал. В глубокой задумчивости сидел он, не притрагиваясь к яствам. Мог ли он есть, когда неподалеку несчастный пленник его любимого народа томится голодом в гудыне Гассана!

– Господин мой! – словно сквозь сон слышится ему девичий нежный голосок.

– Что, Патимат? Что, моя джаным? – быстро обернувшись в сторону говорившей, спрашивает он.

---

¹⁰⁴ Нищими.

– Надо его спасти! – лепечет девочка чуть слышно. – Спасти во что бы то ни стало!

– Во что бы то ни стало, Патимат!.. Я сделаю все возможное для этого. Клянусь тебе, дитя!

– О! Господин! Благослови тебя Аллах за это.

– Спасибо, Патимат, добрая душа! – ласково улыбнулся сестре Джемалэддин.

– Джемал, брат мой! – застенчиво произнесла не привыкшая к ласке девочка и вдруг разом развеселилась, как игривый котенок...

Мерно зазвучал снова бубен в смуглой девичьей руке... И быстрая, как взмах орлиного крыла, лезгинка закружилась, развертываясь в своих красивых фигурах.

В голове Джемалэддина зрело решение.

Глава 13

Пленник

Прошло трое суток с тех пор, как Мишу Зарубина бросили в черную и глубокую, как могила, гудыню... Он отсчитывал эти сутки по игре золотистого луча, проникшего Бог весть каким чудом в его подземную тюрьму...

Луч исчезал – значит, была ночь, – сиял снова – золотое солнце вставало над черными лесами Андии.

Вместе с солнечным лучом появлялся и седоусый нукер наиба на краю ямы и бросал туда сухие чуреки да спускал на веревке глиняную чашку с водой: ровно столько, сколько было надо, чтобы пленник не умер с голоду. Иногда вместо нукера подбегала к краю гудыни отвратительная, как ведьма, старая Селтанет и, грозя своими костлявыми кулаками, кричала, бешено сверкая почти безумным взором:

– Эй ты... гяур!.. Собака!.. Керестень!.. Готовься к смерти, если черные джинны еще не утащили в джуджах твою нечистую душу!

В первую минуту, очутившись на дне ямы, Миша почувствовал нечто похожее на облегчение... Ему хотелось как можно скорее избавиться от присутствия врагов. Но после первых же суток, проведенных в яме, молодой человек впал в тяжелое и мрачное отчаяние.

«Уж скорее бы они покончили со мною!» – искренно же-

лал он, с отвращением оглядываясь на сырые, скользкие стены своей тюрьмы. Ему даже доставляло удовольствие видеть и слышать поносящую его старуху Селтанет. Все-таки живое существо. Все-таки человеческий голос.

Днем, когда слышались голоса в ауле и ежечасно мулла-муэдзин выкрикивал с минарета свои призывы к намазам, ему еще не было так горько и невыносимо. Но зато ночью, когда гробовая тишина воцарялась в Дарго-Ведени, молодой Зарубин впадал в мрачное, унылое состояние, переживая весь ужас погребенного заживо в могиле человека.

Сегодняшняя ночь особенно тяжела Мише. Это не обычно тихая ночь... Нет... Поминутно слышится гул дикой музыки и треск винтовок... Голоса пирующих на гудекане горцев достигают его слуха...

«Очевидно, празднуют новый разбойничий набег на какую-нибудь из наших крепостей, – мысленно решает юноша. – Вот бы очутиться на воле и угостить как следует этих разбойников!» – мечтает он...

На воле!

С этой мечтой надо проститься... Она несбыточна, неисполнима!

Новый припадок раскаяния овладевает несчастным. Послушайся он тогда Поля нова и не бросься очертя голову преследовать врага, не сидел он бы здесь как нелепо пойманный чиж в клетке...

Что-то думают о нем там, в маленькой крепости? Вспомни-

нают ли его? Должно быть, Потапыч выплакал все свои старые глаза по своему ненаглядном Мишеньке! Уж и панихиду, чего доброго, отслужили!

Панихиду! Да, служи ее, служи, старик! Завтра его не станет! Сегодня последняя ночь осталась ему, Мише... Седоусый нукер, принесший ему поутру воды и чуреков, ломаным русским языком пояснил ему:

– Завтра... нема уруса... Секим башка будыт! – и красно-речивым жестом провел рукою по горлу.

Итак, значит, завтра... Что-то поздно надумал Гассан! Или проморить его хочет хорошенько, как следует помучить перед казнью, дать почувствовать всю тяжесть неволи?.. Они это любят, гнусные изуверы.

Миша даже вздрагивает от непреодолимой ненависти к своему злейшему врагу... Нет, положительно что-то роковое есть в их встрече с Гассаном... Хотел убить отца, убьет сына... Не подоспей тогда Джемал, отец Зарубина давно был бы в могиле... И где он теперь, этот Джемал? Далеко ли от него, Миши... В Дарго-Ведени тогда повезли его... А где это Дарго-Ведени? Может быть, очень далеко, может быть, очень близко. Не все ли равно! Несладко, должно быть, живется ему, бедняге!

Что-то холодное и влажное касается щеки Зарубина и прерывает на миг его мысль. Он быстро хватает рукою невидимый предмет и с отвращением отшвыривает его от себя. Отвратительное, скользкое существо, коснувшееся его ще-

ки, была большая земляная жаба, каких водилось немало на дне гуды ни...

И снова прерванные мечты возвращаются к молодому человеку и переносят его на своих розовых крыльях далеко-далеко от черной ямы...

Ему вдруг представляется их петербургская столовая... За круглым столом сидит вся семья... Самовар, докипая, поет свою тихую песенку... Джемал тут же... Он сидит подле Лены и читает ей Лермонтова... Джемал читает образно и красиво, с присущей сыну Востока восторженностью... Мать наливает ему, Мише, новый стакан душистого чая, горячего, крепкого, такого именно, какой он любит... А у него глаза слипаются... Чтение Джемала укачало его... «Скоро надо идти в корпус», – мелькает последняя сознательная мысль в его мозгу, и он засыпает тут же, уронив голову на руки... Ему снятся победы над горцами... Битвы... Схватки... Кавказ... желанный Кавказ, о котором он так мечтает...

Кто-то сквозь сон, слышится ему, зовет его.

– Сейчас! – отзывается он лениво. Это Джемал, верно, напоминает, что уже время идти в корпус. – Сейчас, Джемал! – сонно лепечет он и с трудом открывает глаза: ни Джемала, ни самовара, ни столовой... Вокруг него та же черная гудыня, кишашая жабами и летучими мышами.

О, как сладок был его сон! Сон только!

Но что это? Кто-то зовет его... Это не седоусый нукер, нет... Голос более нежен и звучен, точно голос ребенка.

Миша быстро подходит к той стене, над которой слышится он.

При бледном мерцании месяца можно различить человеческую фигуру на откосе ямы. Это совсем небольшая фигурка. Должно быть, еще мальчик, почти ребенок... Ну да, так и есть. Ноги, выходящие из-под полы чохи, слишком малы для взрослого, и лицо, освещенное лучами месяца, не потеряло еще детской округлости... Но кто бы ни был он, ребенок или взрослый, будь благословен небом его внезапный приход!..

– Пленник... урус, – говорит шепотом мальчик на своем чеченском наречии, – не бойся... урус... Не надо бояться... Ты не умрешь завтра... Ты не бойся... Я к тебе пришла... Выпросила у Магомета-Шеффи его бешмет и шальвары и пробралась к тебе... Никто не видал... Все пируют... Рук-эта-намаз сегодня... большой праздник... Старший господин берет в жены Зюльму... У-у, хороша Зюльма... И глаза, как звезды... И губы-розы... А господин скучает... Я тебе шашлыка принесла с пира... Ешь, хороший шашлык, чесноком приправлен... Алла верды! Не будет смерти завтра... Господин не позволит... Прощай... а то мачеха Зайдет накроет, беда будет! Нам, детям имама, из сераля уходить нельзя. Прощай, урус. Не бойся... Говорю, не будет смерти...

Миша ничего почти не понял, что говорил ему странный мальчик... Но ласковый голос, кроткое личико мальчика и спущенный на веревке кусок жареного барана как-то оживили и успокоили его.

– Кто ты? – в невольном порыве признательности обратился он к своему неожиданному другу.

Тот недоумевающе покачивал своей хорошенькой головкой. Тогда он стал пояснять нагляднее, сначала указывая на себя, потом в сторону сакли:

– Вот там Ахмет... Там Гассан... и Селтанет, и Али, а ты кто? Я хочу знать твое имя, чтобы благословлять тебя, нежданный, Богом посланный ангел! Хочу помолиться за тебя в эту мою последнюю ночь! Скажи же твое имя!..

Мальчик вдруг понял его и, весело, чуть слышно рассмеявшись, быстро замотал головою:

– Яхши! Яхши! Поняла! Поняла! Моя поняла, – с трудом вспомнила она слышанную от русских фразу. – Я – Патимат! Девушка – Патимат! Прощай, урус, мне поздно.

И с этими словами, быстро вскочив на ноги, она со скоростью кошки скрылась в сгущенных сумерках ночи...

Узнав от брата о его неизменном решении во что бы ни стало спасти пленного, Патимат уже не имела ни минуты покоя. Ей во что бы то ни стало хотелось предупредить уруса, что его ждет скорое спасение.

С этой целью она выпросила у брата его будничной бешмет, говоря, что хочет нарядиться джигитом на потеху женщинам сералья. Магомет-Шеффи был в отличном настроении благодаря выпитой в изобилии бузе и исполнил желание сестры.

Быстро преобразиться в мальчика-горца для хорошень-

кой Патимат было делом одной минуты. Зная, что теперь пир затянется долго и никто не хватится ее, она быстро выскользнула на улицу аула и достигла сакли Гассана, где она не раз тихонько от взрослых бывала с Нажабат и Шеффи в гостях у юного брата наиба, Али. Быстро отыскала девочка черную гудыню в углу двора и успела разглядеть в лицо пленника. О, каким худым и жалким показался ей бедняжка-урус! Сердце девочки сжалось от боли при одном воспоминании о нем.

«Лишь бы понял он ее, лишь бы понял, – мечтала она. – Только вряд ли? Все головой качал только... Или не верит в скорое избавление!.. Ах он бедный, бедный!»

Теперь, исполнив свой замысел, Патимат бегом кинулась обратно. Если заметят ее отсутствие в серале – беда! Она и сестры ни под каким видом не смеют выходить из дворца имама.

Быстрее лани неслась она туда, ловко перебирая своими маленькими ножками. Вот уже близко сераль, слава Аллаху... Что это? Старуха Хаджи-Ребилъ бежит ей навстречу и кричит что-то не своим голосом.

Так и есть, ее хватились... Сердечко Патимат сжалось от страха...

– Неджелсим!¹⁰⁵ Неджелсим, Алла! – в отчаянии лепетала она.

Вот и Магомет-Шеффи, и Нажабат бегут за старой нянькой.

---

¹⁰⁵ Что мне делать.

– Патимат! Патимат! – даже и не обращая внимания на странный костюм сестры, кричит еще издали Нажабат. – Не видала ты ее? Беглянку?

– Кого? Что такое? – ровно ничего не понимая, спрашивает, широко раскрывая глаза, Патимат. – Кто бежал? Кого ищут?

– О негодная девчонка! О дели-акыз! О злое семя, брошенное на нашу почву! – вопила старая Хаджи-Ребиль. – Из-за нее ли, презренной гяурки, придется мне сложить мою старую голову! Да она не стоит ни одной пролитой капли крови истинной мусульманки!

– О ком говоришь ты? – недоумевающе спрашивала Патимат.

– Тэкла сбежала! Нет больше Тэклы! – ввернула свое слово Нажабат.

– О, она, клянусь именем Аллаха, раскается в этом! – вскричал Магомет-Шеффи, и глаза его бешено сверкнули.

Сердце Патимат радостно забилося. Тэкла убежала!.. Значит, одной мученицей будет меньше в серале. И, вся сияющая, она прошла к себе.

Глава 14

На волос от смерти

Медленно и плавно всплыло нежное, румяное утро над Андийским лесистым хребтом и, опоясанное алой зарею, улыбнулось природе.

Аул еще не просыпался... Только на дворе наиба Гассана несколько нукеров собрались против входа главной сакли и ждут появления оттуда их хозяина и господина.

Но вот он вышел, медленно поклонился, востоку и прочел утренний намаз, умыв лицо и руки из поданного ему одним из нукеров кувшина.

За ним вышел горец-переводчик, его ближайший слуга.

По данному знаку два нукера подошли к гудыне и, зацепив пленного длинным шестом, заканчивающимся крюком, вытащили его из ямы.

Перед глазами Гассана предстала ненавистная ему фигура его врага.

Лицо пленного было бледно, но спокойно. Ярким огнем горели два синих глаза на изможденном лице... Миша Зарубин знал, что его смерть неминуема, и безропотно подчинился жестокому року.

Последняя ночь его перед смертью прошла сравнительно спокойно. Он даже успел заснуть немного и видел во сне своих. И потом этот мальчик-горец, принесший ему кусок

жареной баранины, сумел заставить его отчасти примириться со смертью. Что говорил он, Миша не понял и не разобрал, но одно уже его появление доставило ему огромную радость. Ему отраднее было встретить в предсмертные минуты сочувствующее, ласковое существо... Патимат зовут его. Какое славное, хорошенькое имя!.. И лицо у него хорошенькое, точно девочка, и до странности напоминает ему кого-то... Кого? Он решительно не может вспомнить... Он хорошо запомнил это лицо, несмотря на скупое освещение месяца, и узнает его из тысячи!..

Однако ему сейчас суждено умереть... Красноголовый Гассан, всей своей фигурой олицетворяющий возмездие, говорит ему это... Умереть теперь, сейчас, когда он еще так молод и ничего пока еще не сделал для своей родины! Где же те доблестные подвиги, о которых ему так сладко грезились в корпусе?.. Где та служба на пользу царя и отечества, о которой он мечтал? Двухгодичное бездельничанье в маленькой крепости, этот недолгий бой на бруствере и в результате смерть преступника от руки какого-то чеченца! О, зачем он не послушался тогда голоса Полянина и кинулся на вылазку!..

Однако не поздно ли ему каяться теперь в этом? Надо, по крайней мере, показать горцам, как умеет умирать русский офицер!.. И он поднял исхудалое лицо на Гассана и твердым, бесстрашным взглядом впился ему в глаза.

Тот в свою очередь измерил глазами свою жертву с головы

до ног и сказал что-то переводчику-горцу.

Этот выступил вперед и обратился к Мише со своей коверканной речью:

– Мой господин желает знать, насколько ты боишься смерти, саиб? И еще хочет знать, какое будет твое предсмертное желание?

– Передай твоему господину, что я не трус, чтобы бояться смерти, – гордо отвечал Зарубин, и бледное лицо его вспыхнуло слабым румянцем, – а мое предсмертное желание – чтобы он как можно скорее попался нашим и был повешен на толстом суку ближайшей чинары... Твой господин, очевидно, хочет посмеяться над своей жертвой, прежде чем отправить ее к праотцам. Так поступают трусы, передай это твоему господину!

Переводчик перебрался несколькими фразами с наибом. Потом снова сказал, обращаясь к Мише:

– Смерть не замедлит явиться. Ты можешь быть спокоен, саиб!

Действительно, несколько нукеров в тот же миг окружили пленника, крича что-то по-чеченски, чего он, однако, не мог понять. Потом Гассан-бек-Джанаида быстро подошел к нему. С минуту оба врага мерили друг друга глазами. Самая жестокая, почти безумная ненависть пылала в глазах обоих.

«Чего он медлит? – вихрем пронеслось в голове Зарубина. – Уж убил бы скорее!» И вдруг новая, безумно-жгучая потребность жизни заговорила в нем усиленным голосом.

О, как не хотелось бы ему умереть!.. Над его головой синело небо, белели снеговые вершины и курились бездны, точно огромный алтарь, воздвигнутый для приношений Невидимому Творцу этих дивных красот... Сердце Миши забилося сильно-сильно...

«Господи! – мысленно произнес он, – спаси меня! Помилуй меня! Дай мне жить! Жить!..»

А кинжал Гассана уже занесен над его головой... Глаза наива впились с жгучим любопытством в его, Мишины, глаза... Он с бесконечным диким восторгом старается поймать трепет и страх в лице своей жертвы...

Лицо Зарубина бледно, очень бледно, но спокойно, как только может быть спокойно лицо обреченного на неизбежную смерть... Он закрыл глаза... Перед ним снова милые, милые лица... Снова большая уютная столовая с круглым столом посередине почему-то приходит в голову молодому человеку, и слышится голос Джемапа, читающего Лермонтова его сестре, Лене... И вдруг все это покрывает ворчливо-добродушный голос Потапыча: «И что это вы, ваше высокородие, как сапоги носите... У всех подошвы рвутся, а у вас носки...» – ясно-ясно, как бы в действительности слышится ему голос его дядьки.

Удивительно, что именно это воспоминание, а не что иное приходит ему на ум сейчас... Он снова открывает глаза... Лицо Гассана уже перед самыми его глазами... Горячее дыхание врага обдает Мишу. Кинжал его приставлен к груди

пленника... Зарубин чувствует даже холод стали, проникающий ему в самое сердце...

– Да убей же меня скорее, разбойник! Нечего издеваться надо мною! – вырывается из груди несчастного полный отчаяния возглас.

Не от страха смерти вырвался у Миши этот возглас. Только подлое издевательство со стороны врага сводит его с ума...

В лице Гассана злорадное торжество... Он достиг своей цели... Он измучил жертву. И с диким криком, в котором нет ничего человеческого, он высоко поднял кинжал...

В ту же минуту с быстротою молнии на двор влетел всадник.

– Удержи твою руку, Гассан! – кричит он голосом, исполненным волнения и дрожи. – Светлейший имам приказывает тебе отдать ему пленного уруса!.. Мне велено доставить его немедленно во дворец.

И вдруг говоривший разом обрывает свою речь и смолкает на полуслове. Легкий крик срывается с его губ.

– Зарубин! Миша... ты!

– Джемал! – слабым эхом откликается пленник, и они бросаются в объятия друг другу.

Слезы радости обильно катятся по исхудалому лицу Зарубина. Господь услышал его молитву! Он не только отклонил руку убийцы, но послал ему, в лице избавителя, его лучшего, неизменного друга.

– Миша! Голубчик! Так вот какого пленника пришлось мне спасти! – горячо пожимая ему руку, дрожащим голосом произнес Джемалэддин.

И вдруг лицо его нахмурилось, глаза потемнели; он быстро наклонился к уху своего друга и тихо шепнул:

– Медлить некогда... Отец не отдавал никакого приказа... Гассан скоро поймет это и пошлет погоню...

Лишь только мы выедем за ворота, ты пойдешь в противоположную сторону, держась берега истока... За Ведени будет лес... Там ты в безопасности... Я бы дал тебе коня, но пешему укрыться легче... В лесу держись востока... Там русские укрепления... Револьвер я тебе дам за воротами, а теперь идем... Время дорого... На улице пока нет ни души... Все спят...

И, говоря это, он тронул коня, сделав знак пленнику следовать за лошадью.

Гассан, мрачно следивший все время за каждым движением молодых людей, лишь только они тронулись в путь, преградил им дорогу.

– Господин! – обратился он, нахмурясь, к Джемалэддину. – Чем докажешь ты истину твоих речей? Чем подтвердишь приказ повелителя отдать ему моего есыря?

– Что?!

Джемалэддин сильно дернул повод и разом остановил коня. В лице его была целая буря негодования.

– Как смеешь ты не доверять устам сына имама, твоего

главы и повелителя! – гневно крикнул он наibu. – Мое дело приказать тебе, а твое – повиноваться, жалкий караваш!

И с гордо поднятой головой он поехал дальше.

Если бы Джемалэддин или спасенный им Миша оглянулись назад в эту минуту, то они увидели бы искаженное злобою лицо Гассана и его пылающий ненавистью взор... Но им некогда было делать это... Каждая минута была на счету. Выехав на самый конец аула и не встретив ни души на его сонных улицах Джемалэддин быстро обнял своего друга и, еще раз сделав все нужные указания, сунул ему в руку большой турецкий пистолет.

– О, Джемал, как мне благодарить тебя! – вскричал глубоко потрясенный Миша, – семнадцать лет тому назад ты спас жизнь моего отца, теперь спасаешь мою жизнь, рискуя навлечь на себя гнев и месть Шамиля. Буду ли я когда-нибудь в состоянии отплатить тебе за все это?..

– Полно, Зарубин! Будь это не ты, а другой, неведомый мне пленник, я бы сделал то же самое... Разве я знал, кого томит в гудыне Гассан? Уж конечно, не тебя думал я там встретить. Полно, мой дорогой, самый дорогой друг! Я не жду отплаты, но только если когда-либо моим близким будет грозить опасность, особенно ей, Патимат, моей любимой сестре, если они попадутся когда-либо в руки ваших и меня не будет с ними, облегчи ее участь, Зарубин! Вот все, что ты можешь сделать для меня.

«Патимат, – мысленно пронеслось в голове Миши, – и то-

го ночного посетителя, мальчика-горца, звали также Пати-мат... Уж не сестра ли Джемала была у него в эту ночь?..» Но ему некогда было рассуждать об этом. Нельзя было терять ни минуты. Он быстро и горячо обнял своего друга и, еще раз поблагодарив его, скрылся за ближайшими деревьями леса...

А Джемалэддин повернул коня и тихо поехал по улице аула...

Глава 15

Бегство. Неожиданная встреча

Лишь только Зарубин очутился в лесу, его первой мыслью было снять свой офицерский сюртук, так как он мог привлечь внимание каждого встречного.

Он быстро исполнил это и, спрятав амуницию в кустах дикого орешника, погрузился в самую чащу, поминутно оглядываясь по сторонам, не теряя из вида тропинки.

Солнце уже стояло высоко на зените, когда он отошел довольно далеко от Ведени и очутился в дикой глуши. Здесь он вздохнул свободнее... Со всех сторон вокруг него высились исполинские дубы и каштаны, перевитые цепкой арханью... Там и сям были разбросаны кусты диких роз, путь через которые был почти невыносим благодаря обильно снабжающим их терниям. Здесь погоня не скоро бы настигла его...

Но, избавившись от одной беды, он должен был ожидать другую. Ему грозил голод. Он слышал не раз, что убежавшие из Шамилева плена солдатики питались корнями по дороге. Но где ему набрать этих корней и где растут они, он решительно не знал. К тому же усталость давала себя чувствовать не на шутку. Его так и тянуло ко сну. А между тем хотелось уйти как можно дальше от Ведени, пока там еще не хватились его. И он все шел, шел, придерживаясь востока, как приказывал ему Джемалэддин.

Но вот его силы стали падать с каждой минутой, и он начал сильнее чувствовать усталость и голод. Ноги стали подкашиваться... Хорошо еще, что горцы не сняли с него сапог, как они имеют обыкновение делать это. А то бы ноги его были изодраны вконец о колючие пни и кочки...

Нет, больше он не в силах идти... Миша останавливается на минуту... Прислушивается... Слава Богу, все тихо кругом, только какая-то крошечная птичка чирикает ему что-то с куста, любопытно поглядывая на него своими круглыми глазками... Не рассуждая ни о чем больше, весь раздавленный своей страшной усталостью, он бессильно валится на зеленый мох и в тот же миг засыпает мертвым сном измученного физически и нравственно человека...

Солнце медленно погружалось в море зелени, делая совсем золотой красивую листву чинары, и, купаясь в позлащенном мареве леса, угасало, нехотя, как бы лениво расставаясь с притихшей природой.

Миша разом проснулся и открыл глаза. Сон подкрепил его; усталость пропала... И к этому прибавилось радостное сознание – он на свободе!.. Нет этой черной, гадкой гудыни с ее скользкими стенами и дном, кишашими отвратительными пресмыкающимися. Если ему суждена смерть, то пусть это будет смерть на воле, на просторе, а не в мрачной подземной тюрьме... А между тем голод сильнее дает себя чувствовать с каждой минутой... Ужасный голод! Точно что-то острое

проникло ему вовнутрь и колет, и жалит своим тонким жалом. Он сорвал листик какого-то дерева и стал жевать его, но тут же выплюнул с отвращением. Во рту осталась какая-то едкая, вяжущая горечь... А надо было во что бы то ни стало утолить голод!

Хотя бы доплестись до мирного аула и попросить пристанища! Да, но кто поручится, что аул, который ему попадется на дороге, окажется мирным? Ведь в этих Андийских трущобах еще свято чтится имя Шамиля, и только ближайшие к русским аулы уже отложились от него...

Кто поручится, что первый же попавшийся чеченец, у которого он попросит пристанища, не отправит его связанного назад в Дарго-Ведени...

Чувство облегчения, навеянное сном, вдруг исчезло... Он готов уже был впасть в самое безысходное отчаяние, как внезапно печальные мысли беглеца были прерваны раздавшимся поблизости шорохом.

Миша выхватил револьвер из кармана и взвел курок, готовый встретить выстрелом каждого, кто попадется на его дороге... Вот все ближе, ближе странный шорох... Точно кто-то с усилием пробирается сквозь кусты... «Или медведь, или просто лесной джайрон идет к водопою...» – решил Зарубин и, не выпуская оружия из руки, пристально вглядывается в чашу.

А что, если это погоня со всех сторон оцепляет кустарник, чтобы взять его живьем, как затравленного зверя?.. Вот

слышнее шорох... Еще слышнее и внятнее... Это не тяжелые шаги медведя и не быстрые и легкие оленя, короля лесистых гор... Нет сомнений, не зверь, а человек или несколько человек пробираются к нему в чащу. Он сильнее сжимает свой револьвер, готовый каждую минуту спустить курок. Шорох уже близко, рядом... Уже вполне ясно, что за теми кустами крадется человек. Вот они раздвигаются, вот...

Крик неожиданности срывается с уст Зарубина.

Ему вторит такой же крик, только более испуганный, более дикий. И перед ним появляется маленькая, худенькая, вся в рваных рубищах девочка с растрепанной белокурой косой. Ее тело все исцарапано об острые колючки терновника... Из босых ножек течет кровь. Большие темные глаза испуганным взором впиваются в револьвер, застывший в конвульсивно сжатой руке потерявшегося от неожиданности Миши.

– Ради Господа Бога, не убивай меня, господин!.. – лепечет девочка на не совсем ясном, но понятном, однако, русском языке.

Револьвер падает из рук Зарубина... Не сон ли это? Как могла попасть эта крошка в самую глубь Андийских трущоб? Или его расстроенное воображение рисует ему подобную картину?

Но нет, это не сон... Белокурая девочка, видя, что он не враг, не разбойник, за которого она приняла его сначала, быстро подбегает к нему.

– О господин! Как я рада, что встретила тебя: я сбилась с дороги! Всюду этот ужасный кустарник... И ни тропинки нигде!

– Ты русская? – спросил девочку Зарубин.

– Я грузинка, грузинка Тэкла... Мне удалось убежать из плена, где было так тяжело, так тяжело! Ты тоже беглый пленник, я вижу это, господин! Ты русский! О, какое счастье, что я нашла тебя... Мне было так страшно идти одной по черному-черному лесу... Я все боялась, что Зайдет пошлет погоню за мной...

– Кто?

– Зайдет, старшая жена Шамиля! Она очень дурная женщина... она била меня за то, что я не хотела принять их веры, чтобы стать впоследствии женой Магомета-Шеффи. О, как я страдала в плену, господин! Как я страдала! У меня все тело исполосовано нагайкой Зайдет. И Нажабат, ее дочь, такая же злая. Только когда она поет, тогда все забывают про ее дурной характер и слушают ее... А что, если они поймают нас, господин? Нас убьют обоих? – вдруг так и встрепенулся несчастный ребенок, и долго сдерживаемые слезы разом хлынули из ее глаз.

– Успокойся, бедное дитя, – проговорил растроганный ее участью Зарубин, – я не дам тебя в обиду! Расскажи лучше, как ты убежала из плена, бедняжка!

– О! – девочка разом оживилась, и глубоко запавшие глазки ярко загорелись счастливым огоньком. – Зайдет прибила

меня во время свадьбы Джемалэддина.

– Какого Джемалэддина? – прервал девочку Миша.

– Старшего сына Шамиля, что был у русских. Или ты не знаешь его?

– Так Джемал женился? Да?

– На дочери наиба Талгика. Отец приказал ему.

– Бедный Джемал!

– О, он чудесный, Джемалэддин! – восторженно отозвалась Тэкла. – Сколько раз выручал меня из беды. Так вот на его свадьбе мне и удалось бежать. Зайдет оставила дверь открытой, и я ушла. Когда я очутилась на улице, шум пирующих на гудекане совсем оглушил меня. Везде горели костры и жарилась баранина. Горцы занялись едою и не обратили внимания, как я прошмыгнула мимо них и скрылась в лесу. Теперь я уже более суток брожу здесь как потерянная. Слава Богу, что встретила тебя, господин! А то бы, кажется, сошла с ума со страха.

– Но ведь еще долго придется проплутать здесь, Тэкла, прежде чем мы доберемся до первых русских постов, – осторожно предупредил девочку Зарубин.

– О, с тобой мне не страшно, господин! – радостным возгласом вырвалось из груди ребенка, и, прежде чем Миша мог ожидать этого, она быстро поднесла его руку к губам и крепко ее поцеловала.

– Только не оставляй меня здесь одну, добрый, ласковый господин! – добавила она тихо, чуть слышно.

– Бедная малютка, – ласково произнес растроганный Зарубин, погладив с нежностью белокурую головку ребенка, – если нам суждено умереть – умрем вместе. Судьба недаром свела нас. Значит, Господь предназначил нам поддерживать друг друга в тяжелые минуты опасности. Но... но... вероятно, ты голодна, Тэкла, а мне нечего дать тебе есть.

– Нет, господин, я не голодна. Да здесь поблизости растет много диких орехов и красных, как кровь, хартута,¹⁰⁶ которые отлично утоляют голод и жажду. Постой, я принесу тебе их!

И она скрылась куда-то, а минуты через три появилась снова с полной горстью орехов и ягод.

Измученные беглецы принялись за еду.

Потом они пустились в путь – путь, которому трудно было предвидеть конец когда-либо...

---

¹⁰⁶ Ягоды вроде малины, но сочнее и слаще.

Глава 16

Погоня

– Ты очень устала, Тэкла?

– Очень, господин... И ноги болят ужасно.

– Дай я понесу тебя, моя девочка!

– Нет, нет, господин, тебе самому трудно идти, а я такая тяжелая и большая.

– Вздор. Ты легка, как перышко, Тэкла. – И, подхватив девочку на руки, Миша понес ее.

Хотя действительно Тэкла была не тяжелее пятилетнего ребенка, так она была худа и миниатюрна, но измученному, усталому Мише она едва ли была теперь под силу.

Скоро он измучился вконец. Едва передвигая ноги и по минутно спотыкаясь на каждом шагу, он медленно подвигался вперед, не оставляя, однако, своей ноши.

Солнце близилось уже к закату, а пройденное расстояние было так незначительно и мало! Ужасно мало! К довершению всего позади них вдруг послышался какой-то смутный гул. Точно целая кавалькада всадников гналась за беглецами. Миша с тревогой взглянул на свою маленькую спутницу. Тэкла инстинктивно поняла этот взгляд и в смертельном ужасе заметалась на руках своего взрослого друга.

– Это погоня! – беззвучно прошептали помертвевшие губы девочки.

– Не бойся, Тэкла! Ничего не бойся! Я не дам тебя в обиду, бедное дитя!

Но она продолжала дрожать всем телом как пойманная птичка и твердила только одно:

– О, оставь меня! Брось в лесу, господин. Неужели тебе погибать из-за меня! Со мною ты не в состоянии укрыться от погони. Беги один, добрый господин, потому что они убьют тебя, если поймают. А моя смерть им не нужна. Мне взрежут только пятки, положат саманы¹⁰⁷ в рану и снова зашьют, чтобы я не могла бежать от них больше. Нет, нет, тебе нельзя погибать из-за бедной маленькой грузинки-сироты! – И она, обняв его за шею, залилась слезами.

– Молчи, Тэкла! Ты рвешь мне сердце! – вырвалось с тоскою из груди Зарубина. – Повторяю тебе: если судьба свела нас, значит, милосердный Господь желает, чтобы я позаботился о твоём спасении. Или мы спасемся оба, или погибнем вместе. Слышишь, Тэкла!

И, говоря это, Миша крепче прижал к груди девочку и быстрее зашагал по лесу.

Топот копыт не одного, а многих коней приближался к ним с каждой минутой.

Теперь уже можно было различить, что если это и была погоня, то очень сильная погоня, из двух-трех десятков всадников.

– Мы пропали! – снова прошептала охваченная смертель-

---

¹⁰⁷ Рубленой соломой.

ным испугом Тэкла, когда вся чаща точно ожила от шума ворвавшейся в нее кавалькады. – О, убей меня, господин! Убей меня! Лучше смерть, нежели снова вернуться во дворец Шамиля.

– Успокойся, крошка, в моем револьвере хватит зарядов для обоих, – мрачно произнес Миша, – только надо попробовать как бы спастись сначала, а умереть мы всегда успеем!

Между тем погоня как бы разветлилась, по крайней мере, топот ее послышался уже не в одном, а в нескольких местах. Очевидно, всадники разделились и рыскали по лесу, выглядывая беглецов.

«Они травят нас, как зверей!» – пронеслось вихрем в голове Миши. И, разом опустив Тэклу на землю, он схватил ее за руку и бросился с нею к густо разросшемуся кусту орешника.

– Лежи так тихо, как только можешь! – приказал он почти обезумевшей от ужаса девочке и сам пригнулся к земле, почти сравнявшись с нею.

Это было как раз самое время, потому что в ту же минуту несколько всадников показались на тропинке у самой чащи, где притаились беглецы.

– Святая Нина, просветительница Грузии! Это Гассан! Я видела его не раз во дворце Шамиля. Не кто иной, как он, во главе отряда, – послышался трепещущий шепот Тэклы.

Миша приподнял голову и замер от неожиданности... Прямо перед их засадой на своем красивом, рослом коне

действительно стоял Гассан.

Он говорил что-то сопутствующим ему горцам, указывая на чашу орешника.

– Боже мой! Они отыскали наши следы и теперь поймают нас, господин! – прошептала, замирая от страха, Тэкла.

По мертвенно-бледному лицу девочки катились обильные слезы.

– Не бойся, дитя, – успел шепнуть ей Зарубин, – в моем револьвере достаточно пуль, по крайней мере, для этих первых разбойников. Положись на милость Божию, Тэкла, и...

Он разом умолк, потому что чья-то рука раздвинула кусты над их головами... и лицо Гассана, успевшего спешиться и проникнуть в их засаду, появилось в двух-трех шагах от них.

Тэкла вся сжалась в комочек и так тесно приткнулась к земле, точно хотела врасти в нее всем своим худеньким тельцем.

Она приготовилась к смерти... Она ожидала ее... А перед мысленным взором девочки, точно дразня ее, проносились близкие ее сердцу картины: родимые Ци-нандалы... добрая княгиня... дети...

Вдруг загрубелая сухая рука коснулась облитой слезами щеки ребенка.

Это шарящий в кусту Гассан нечаянно коснулся лица девочки.

Скорее инстинктом, нежели соображением Тэкла удержала безумный вопль испуга, готовый уж было сорваться с ее

губ...

И тотчас же кусты снова сомкнулись над ее головой.

Гассан не заметил притаившихся там беглецов, быстро вскочил на коня, крикнув что-то своим спутникам, продолжавшим рыскать в других ближайших кустах... Еще минута, другая, и топот трех десятков коней разбудил мертвую тишину дремучего леса.

– Они ускакали, господин! Они ускакали! Мы спасены! О, какое счастье! Святая Нина! Благодарю тебя! – вне себя от восторга кричала Тэкла.

Недавнего страха и отчаяния как не бывало...

Слезы радости блестели на длинных ресницах девочки... Лицо дышало счастьем... Бедный ребенок, находясь на волос от смерти, только теперь понял, как светла, как хороша жизнь! И, повинувшись непреодолимому порыву, девочка упала на колени, и горячая молитва вырвалась из ее груди...

Глава 17

Лаки. Старик Амед и юноша Идиль

– Я хочу есть, господин... Хотя бы найти немного, немного хартуты... или хотя бы горсточку диких орехов – шептала Тэкла, и черные глаза ее, ставшие огромными, странно горели на исхудалом лице.

Она только что с трудом сползла с сука большого дуба, где они провели ночь из опасения попасться в добычу диким зверям, наполнявшим эту лесную чащу.

Миша зорко оглядывался по сторонам, выискивая знакомые кусты орешника или красноватый глазок хартуты. Но увы! Ни того ни другого не попадалось ему на глаза.

Со вчерашнего дня они уже не находили ягод.

Местность как-то сразу видоизменилась. Чаще и чаще попадались теперь чинары и лавры, реже дубы, а о диком орешнике и каштане не было и помину. Дикая чаща как бы редела, и теперь постоянно на пути их встречались зеленые лужайки, словно опоясанные или перерезанные серебристыми ручьями. Дикие азалии и мальвы испещряли их, то собираясь прихотливыми группами, то в одиночку выглядывая из травы своими разноцветными головками.

– Я не могу больше идти, господин! Я умираю от голода! – едва внятно прошептала Тэкла, в изнеможении падая на траву. – О, я готова теперь сама идти к Гассану, лишь бы он дал

мне есть, прежде нежели убьет меня...

Ее глаза горели нестерпимо... Губы потрескались... Что-то дикое было в ее до неузнаваемости исхудалом лице...

– Тэкла! Тэкла! Моя несчастная девочка! Собери свои силки! Подтянись немного! Скоро уже конец леса, и, может быть, сразу за ним будет русское укрепление или мирный аул, – утешал Миша несчастного ребенка, силясь подбодрить ее, как только мог.

Но Тэкла была глуха к его словам. Она тяжело дышала, и воспаленные глаза ее устремились вдаль дико горящим взглядом.

– Она умирает! – с ужасом вскричал Зарубин. – Что мне делать! Она умирает!

Смерть ребенка казалась ему хуже всяких ужасов погоны, даже его собственной смерти. Несчастье и горе сближают людей. Она, эта маленькая Тэкла, сумела горячо привязать его к себе, и он полюбил ее, как дорогую младшую сестренку.

И теперь Миша с мрачным отчаянием смотрел, как конвульсивно вздрагивало исхудалое тельце девочки, как судорожно двигались ее запекшиеся губы.

Собственный невыносимый голод был, казалось, забыт им. Он только думал об одном: как бы спасти Тэклу, как бы облегчить ее страдания.

Если бы Гассан снова погнался за ними, он смело вышел бы к нему на встречу и ценою собственной жизни достал бы пропитание умирающей девочке... Он теперь молил Бога об

этом... Он желал всей душой, чтобы судьба снова послала Гассана спасти от голода его умирающего маленького друга...

И молитва Зарубина, казалось, была услышана... Где-то совсем поблизости послышались мерные негромкие звуки, похожие на топот коней... Очевидно, кто-нибудь из преследователей решил вернуться... Вот сейчас они покажутся из чащи, и она, Тэкла, будет спасена.

Миша спокойно опустил на траву подле девочки и стал ждать. Вот ближе и ближе слышится топот... К нему присоединяются голоса... людские голоса...

Не голос Гассана! Нет!

Какое-то дребезжанье и поскрипывание примешивается к неторопливому топоту копыт.

Нет, это не погоня! Это дребезжанье и писк – характерные звуки горской арбы.

Они спасены! Слава Всевышнему, молитва его услышана Богом.

– Тэкла, очнись! Очнись, Тэкла! Мы спасены! Здесь люди! – стал трясти он полубесчувственную девочку, весь закипая новым приливом надежды.

Та медленно открыла глаза.

– Люди, говоришь ты? Люди, а с ними и хлеб, значит? – слабым голосом произнесла она.

– О моя бедняжка! – мог только проговорить Миша.

Из-за кустов показались две небольшие арбы.

Два вола тянули их, осторожно ступая по неровной дороге. На передней арбе, под навесом из парусины, сидел старый горец в темном бешмете и курил трубку; другой, молодой, почти юноша, шел впереди. Вся арба была доверху наполнена чем-то, чего нельзя было разглядеть благодаря плотно затягивающей ее парусине.

– Это лаки, – слабо произнесла Тэкла, – они развозят товары по горским аулам, и в Ведени приезжали такие; Зайдет их звала в сераль, – они, во всяком случае, не враги. Я попрошу у них хлеба, господин!

Собрав последние усилия, она крикнула по-чеченски:

– Да благословит Бог нашу встречу, друзья! Ради всего святого, дайте нам есть. Мы умираем с голоду!

Старик и юноша, давно уже заметившие странную пару, тотчас же перекинулись несколькими фразами между собой.

Потом старый лак порылся в кармане чохи и, вынув оттуда огромный кусок чурека, подал его девочке. Тэкла испустила радостный крик и стала поспешно убирать за обе щеки лепешку. Вдруг взгляд ее упал на Зарубина... Слабая краска залила щеки девочки...

– О господин, – прошептала она, вся красная от смущения, – я забыла о тебе, – и, разломив чурек пополам, подала ему половину.

– Спроси их, нет ли поблизости аула, Тэкла, только не проговорись, что мы беглецы, – сказал Зарубин девочке, когда первый голод был утолен ими.

Тэкла тотчас же исполнила его приказание.

Старый лак ответил ей что-то, после чего она оживилась разом и даже захлопала в ладоши. Бледное личико ее зарумянилось, глаза заблестели.

– О господин! Какая радость! – кричала она. – Старик говорит, что одна из русских крепостей расположена неподалеку отсюда и что к вечеру они будут там. Он говорит еще, что может подвезти нас туда, если мы желаем. Какое счастье, господин! Какое счастье!

Действительно счастье!

Миша медленно поднял руку и незаметно перекрестился.

Старик-лак спрыгнул с передка арбы и помог обоим путешникам влезть во внутренность ее, где были свалены в кучу куски персидских тканей и ковров и лежали целые груды всевозможных безделушек в виде металлических дешевых бус, монист, браслетов и побрякушек.

Тэкла оживилась, повеселела. Она тотчас же вступила в разговор со стариком, который назвал себя Амедом. Лицо старика, особенно его пронырливые маленькие глазки и лукавая усмешка тонких губ, с первой же минуты не понравились Зарубину. Младший лак, которого старик называл Идиль, больше молчал и только поглядывал по сторонам, словно выискивая что-то. И этот не внушал доверия Мише.

Но выбора не было: приходилось или умирать с голоду и усталости в чаще Андийских лесов, или принять гостеприимство подозрительных и вороватых на взгляд лаков.

– Откуда вы держите путь? – обратился между тем старый Амед с вопросом к Тэкле.

Девочка замялась на мгновение, потом отвечала с деланной развязностью:

– Мы жители мирного аула Ситэ. Мы заблудились в лесу на пути к русской крепости, – пояснила она, краснея за свою ложь, – это, – прибавила она, указывая на Зарубина, – мой брат.

– Разве это брат твой?.. Но почему же он не говорит чеченски? – с показным равнодушием спросил старый Амед.

Тэкла вспыхнула. Потом снова начала, запинаясь:

– Мой брат был долго в плену у урусов и почти разучился говорить на родном языке...

– Да и ты сама говоришь не как природная чеченка, – перебил ее старик, – надо полагать, что и ты побывала в плену у гяуров, а, девочка? – с тонкой усмешкой, заставившей вздрогнуть всем телом Тэклу, произнес старик.

– Ну да это пустое, – добавил он тут же, как-то странно прищуривая левый глаз, – а вот что вам понадобилось в русской крепости и почему твой брат не носит папахи и чохи, вот что хотел бы узнать старый Амед?..

На последний вопрос Тэкла не знала, что ответить.

Она предпочла сделать вид, что не расслышала его и, свернувшись в комочек, приготовилась заснуть подле уже задремавшего на груди ковров Зарубина.

Вскоре усталость взяла свое, и девочка погрузилась в

сладкий сон под мерное и монотонное покачивание арбы.

Глава 18

Предатели. Снова в когтях Гассана

– Господин, проснись! Проснись, господин! – вне себя шептала испуганным голосом Тэкла, изо всех сил трясая за плечи разоспавшегося Мишу.

Тот открыл глаза и с изумлением вскинул ими на девочку.

– Что случилось такое? Что с тобою, Тэкла?

Она вся дрожала, не будучи в состоянии вымолвить ни слова. Миша быстро выглянул из-под навеса, и радостный крик вырвался из его груди.

– Мы дома, Тэкла! Мы дома! Я узнаю место. Тут близко укрепление... Наше укрепление, наша маленькая крепость!.. О Господи, наконец-то!

– Не радуйся раньше времени, господин! – вне себя прошептала девочка. – Знаешь, что говорят они? – кивнула она в сторону лаков. – Они хотят предать нас, господин... Предать чеченцам: здесь, очевидно, неподалеку расположен чеченский отряд... Они видели его и догадались, в чем дело... Мы пропали, господин! Мы пропали!

И она в смертельном страхе закрыла лицо руками.

– Но что же говорят они?.. Что говорят? Ради Создателя, говори скорее, Тэкла!

– О господин... Амед сказал, что богатый наиб Шамиля будет щедрее, нежели комендант маленькой крепости, и даст

хороший пешкеш¹⁰⁸ за пленных... Мы погибли, говорю я тебе, потому что этот наиб не кто иной, как Гассан, наверное, который заехал вперед, чтобы на опушке, в виду крепости, накрыть тебя, господин!

И она залилась тихими, беззвучными слезами отчаяния.

– Перестань, Тэкла! – строго остановил ее Зарубин. – Не надо прежде времени предаваться тоске. Неужели Господь милосердный спас нас для того только и от голода, и погони, чтобы дать нам погибнуть почти в виду крепости, у самой цели?.. Слушай меня и во всем беспрекословно повинуйся мне. Обещаешь ли ты мне это, Тэкла?

– Обещаю, господин! – чуть слышно отозвалась девочка.

– Прежде всего надо выпрыгнуть из арбы незаметно для них, – кивнул он в сторону Амеда и Идила. – А потом, минуя опушку, кустами пробраться на поляну и со всех ног бежать к крепости... Я возьму тебя на руки... а ты... ты положишься на милость Божию... и будешь молиться... Господь слушает молитвы детей.

И, говоря это, Зарубин тихо подполз к заднему отверстию арбы и легко спрыгнул на землю. Затем протянул руки и подхватил на них прыгнувшую следом за ним девочку.

Очувившись на земле, они в одну минуту кинулись в сторону и скрылись в кустах.

Острые колючки рвали им тело, гибкие ветки безжалостно хлестали по лицу, поминутно попадающиеся на пути коч-

---

¹⁰⁸ Награда, деньги, подачка.

ки и сучья резали ноги. Но медлить и останавливаться не было времени. Скоро, скоро окончатся кустарники, и останется только пробежать поляну, отделяющую крепость от опушки леса... Тут где-то поблизости должно лежать срубленное дерево... Миша знает это место. Сколько раз он со своей полуротой проходил этим путем на «рубку»... Где-то и тропинка здесь должна быть неподалеку... Так и есть... Вот она... Теперь уже рукой подать до поляны...

– Тэкла, милая! Мы спасены! – срывается у него с уст вместе с облегченным вздохом.

Но тут же внезапное обстоятельство разом прерывает его радостный возглас.

Лаки, очевидно, открыли их исчезновение и подняли крик. Им отозвались другие крики, донесшиеся с опушки, и вдруг лес точно ожил как по волшебству.

Топот коней, лязг оружия и характерное гортанное гиканье чеченцев заполнили, казалось, все его сокровенные уголки.

«Надо бежать! Бежать во что бы то ни стало!» – вихрем пронеслось в мозгу Миши, и он, подхватив на руки Тэклу, стал еще усиленнее работать ногами, с трудом пробираясь сквозь непроходимую чащу. Слава Богу, конец ей!.. Враги не успеют понять, где они, когда он уже будет у ворот крепости...

И он, с быстротою зайца выскочив из кустарника, кинулся со всех ног по поляне.

В ту же минуту несколько всадников, неожиданно появившихся из-за деревьев, испутив короткий радостный крик, кинулись за ним на своих быстрых конях.

Миша не догадался, что кустарник был оцеплен врагами.

Теперь от быстроты его ног зависело спасение. Крепко прижимая к груди потерявшую сознание Тэклу, он несясь с быстротою стрелы по мягкой, покрытой пушистым ковром зелени поляне... Вот уже ближе, ближе крепость... Вот уже видно часового, выглянувшего из-за башни... Вот прогремел выстрел оттуда... Его заметили, слава Богу! Дают тревогу там... Только бы скорее... Только бы скорее достичь ворот... Перебежать это бесконечно долгое пространство... Но нет, это немыслимо, он сам видит теперь... Ближайший всадник почти настигает его... Дыхание его коня уже чувствует беглец за собою... Не надо оглядываться, чтобы знать, кто этот всадник, который гонится за ним – Мишей... Страшный враг он, этот всадник, непримиримый! Сам Гассан преследует Зарубина... Он, Миша, узнал это по голосу, посылающему ему тысячу проклятий, да по характерному гиканью, которым он горячит коня...

Теперь уже Миша не бежит, а мчится, точно летит по воздуху, точно какая непостижимая сила влечет его на своих могучих крыльях... И все-таки не уйти ему... И все-таки нет спасения!

Пот градом течет по его лицу... Дыхание спирает грудь... Минута еще, и он задохнется от этого страшного напора, да-

вившего его внутренности...

– Урус... Гяур... Собака!.. – ясно звучит в его ушах знакомый ненавистный голос.

Бежать дальше невыносимо... Всадник уже протягивает руку, чтоб схватить беглецов.

«Конец!» – пронесется в отуманенной голове Миши... Вдруг, разом вспомнив о револьвере, он выхватывает его и, обернувшись лицом к Гассану, стреляет в него...

Но дрожащая рука не может быть верна юноше... затуманенный взор лишен верности прицела...

Выстрел прогремел, не причинив ни малейшего вреда его врагу.

В ту же минуту Гассан быстро соскочил с коня и с поднятым кинжалом кинулся на Мишу.

– Алла! Алла! Урусы! – раздался в тот же миг смутный гул многих голосов.

Гассан испустил дикое проклятие, быстро взмахнул кинжалом и ударил им изо всей силы молодого офицера...

Потом быстро вскочил на коня и помчался к лесу, преследуемый ротой гарнизона, марш-маршем бегущей по поляне от крепостных ворот...

* * *

– Кушайте, мамзель пучеглазенькая, не сумлевайтесь... Шашлык вкусный, свежий... Чего вытарщила глазенки,

ешь, говорю!.. Небось какую пакость у Шамилки в ауле лопала, хинкал, как его, эта, да лепешку, а еще артачится... Тыфу, ты, омерзение, прости Господи!

И старый Потапыч энергично сплюнул в сторону.

Но Тэкла не прикасалась к еде. Она только во все глаза смотрела на этого странного бородатого человека, заставляющего ее непременно есть горячую баранью котлету, поставленную перед нею.

Около часу тому назад она пришла в чувство и увидела вокруг себя чужих, незнакомых людей. Первым ощущением ее была острая, жгучая, почти безумная радость, поглотившая ее с головою: эти люди говорили по-русски.

Она у русских! Она уже не в плену!

Но тут же острое ощущение счастья исчезло, исчезло так же внезапно, как и явилось к ней.

Где же господин? Добрый, ласковый господин, которого она успела полюбить, как брата?

Среди грубых, загорелых солдатских лиц не было ни его милого, доброго, молодого лица, ни мягких синеватых глаз, смотревших на нее с такой бесконечной лаской.

– Ишь ты, ведь татарка, а белехонькая! – произнес один из окруживших ее солдатиков.

– Всяко бывает и у них, у гололобых, и белобрысеньки, и шантретки, разно, – философски заметил другой.

– Покормить ее надо! Исхудала-то как, бедняжка! – слышался чей-то звучный повелительный голос, и появив-

шийся в эту минуту незнакомый офицер с отеческим участием погладил ее по головке.

– Потапыч, тебе ее поручаю, – сказал он бородатому старику, и потом все куда-то исчезли, и он, и солдаты. Остался один бородатый старик, мигом притащивший ей огромный кусок жаркого...

– Ешь, мамзель пучеглазенькая! Ешь! – проговорил он, поглаживая ее своей закорузлой рукой по головке. – Ишь ты сердешная, и то, исхудала как! Кожа да кости, индо жалко тебя, дарма что ты бусурманка... Все же дите малое!.. И где это Мишенька достал такое-то...

При знакомом имени Тэкла разом оживилась. Одичалая, затравленная в плену девочка, как дикий зверек глядевшая на окружающих, вдруг встрепенулась:

– Миша! Миша! Где Миша? – повторяла она, странно произнося незнакомое имя.

– Батюшки! Отцы родные! Святители-угодники! По-русски она говорит, – весь так и затрясся старый Потапыч, – стало быть, не бусурманка ты? Не бусурманка, не? А я-то, старый дурень, и не различил сослепу. Ах ты девонька ты моя болезная! Как же ты оттоле-то пришла! И то впрямь крещеная! И крестик на шейке... Ах ты ягодка горемычная! Своя! Так и есть своя! Христианская душа! Так и есть!

И старик крепко обнял девочку, в то время как слезы умиления целым потоком хлынули по его щекам.

Нервы Потапыча, крепкие солдатские нервы, не вытерпе-

ли в конце концов...

Час тому назад солдаты гарнизона принесли в крепость его раненого любимца вместе с этой белокурой девчуркой. Старик, отчаявшийся было увидеть когда-либо своего ненаглядного Мишеньку, просто обезумел от восторга. К тому же рана Миши, хотя и серьезная, не была опасна... Второпях нанесенный Гассаном удар не был смертелен. Доктор уже перевязал рану, дал успокоительного питья больному, и обморок Миши перешел в крепкий живительный сон.

За своего любимца-воспитанника дядька был теперь спокоен.

И его доброе любвеобильное сердце стремилось как-нибудь облегчить участь «пучеглазенькой» девочки.

Он не задавал даже вопроса, как попала эта «пучеглазенькая» к его Мишеньке, но раз их нашли вместе, без признака чувств лежащих на поляне в виду крепости, значит, Мишенька привел ее с собой и она имела право на гостеприимство и ласку его – Потапыча, будь она даже гололобая бусурманка.

И вдруг оказывается, что она вовсе не гололобая, вовсе не бусурманка!

Золотой крестик на груди малютки без слов говорит за нее... И по-русски она умеет говорить не хуже его, Потапыча, и за его любимца тревожится как видно...

Старик окончательно растаял.

– Ах ты сердешная, – умилился он, – жив, жив наш Миша,

живехонек. Оградил его Господь. Слава Тебе, Господи!

– Жив! Жив! О, будь счастлив за эти речи, добрый господин! – горячо вырвалось из груди Тэклы, и глаза ее благодарно и мягко блеснули старику.

– Вот тебе на... в господу попал, – недоумевающе протянул Потапыч, – не, моя лапушка, не господин я и звание у меня денщицкое. Только и всего. А вот вы из каких будете? – неожиданно перешел он на «вы», желая не отставать от «пучеглазенькой» в искусстве вежливого обращения.

Тэкла недоумевающе подняла на него глаза...

– Ну да, из каких?.. Значит, как звать-величать тебя по батюшке надоть? – пояснил старик, как мог.

– Тэклой зовут меня, – отвечала девочка.

– Тэклой? – переспросил тот. – Как же это будет у нас теперича? Сама вот христианка, а имя, слышь, бусурманское... И где такое имя нашлось? Как же так? Не годится Тэкла! Тэ-к-ла-а! – протянул он еще раз, недоумевающе покачивая головой, и вдруг, ударив себя по лбу, радостно вскричал: – Может, Феклой звать-то тебя. А тебе с перепугу не выговорить, стало быть, бедняжке. И то верно... И имя стоящее, и в святцах значится... У меня тетка троюродная Фекла была – женщина была хорошая... Фекла! Как это я не догадался раньше. Фекла и есть! Ну а теперь, голубушка Феклу-ша, кушай барашка, да и на боковую... А как Мишенька проснется, к нему, значит, пойдем. Да ты не бойся! Комендант у нас хороший и ребята ласковые, не обидят. Кушай, Феклуша, пока

горяченькое... Ишь отошала-то как! – заключил он, сокрушенно покачивая головой.

Тэкла не заставила себя упрашивать и жадно принялась за еду.

* * *

Миша очнулся не скоро... Когда он открыл глаза, то первое лицо, представшее его взорам, был Полянов. Острая, но не глубокая боль в плече заставила его поморщиться в первую минуту.

– Лучше тебе, Зарубин? – заботливо склонившись над ним, спросил комендант.

– Ах, Алексей Яковлевич! Как я рад, что снова тебя вижу! – произнес, счастливо улыбнувшись, Миша. – А я уже думал... – И он вздрогнул всем телом, не докончив своей фразы, при одном воспоминании, что его ожидало.

– Да, не подоспей наши, искромсал бы тебя этот разбойник и кусков не собрали бы, – сурово произнес Полянов. – К счастью, второпях нанес удар... Не опасно...

– Убили его? – поинтересовался Миша.

– Какое! Удрал со своей оравой. Только и видели... Ну да рано или поздно поймаем, не минует своей судьбы...

– Ах, Алексей Яковлевич! Если бы ты знал, какую роль сыграл в моей судьбе этот человек... А в плену...

– Ну ладно, ладно! После расскажешь, а пока смирно ле-

жи и поправляйся хорошенько. Да вот еще: способен ты выслушать без волнения радостную весть – тогда слушай.

Тут Полянов быстро встал со стула, на котором сидел у постели больного, и произнес официальным тоном, со странно изменившимся лицом:

– Подпоручик Зарубин! По приказанию государя императора главнокомандующий и наместник края приказал вручить вам орден Св. Георгия за храброе и успешное отбитие штурма Н-ского укрепления в деле 10 июня 1856 года.

И с этими словами он приколот к забинтованной груди Миши маленький белый крестик на пестрой полосатой ленточке.

Сладкий туман разом застлал глаза молодого офицера... Теплая волна подняла его на своем мягком гребне и снова осторожно опустила в какую-то пенящуюся розовую пучину... Сквозь этот туман он только видел официальное строгое лицо Полянова и такой же беленький крестик, как и у него, Миши, прицепленный к груди коменданта, – крестик, которого он не разглядел вначале.

Безумная радость охватила молодого человека... Он – Миша Зарубин – георгиевский кавалер! Признанный всеми и отличенный герой! О Господи! Если бы ему суждено было вынести не неделю, а целые годы плена и скитаний, какие он вынес только что, он бы безропотно покорился им, лишь бы достичь этой высокой чести!

Да полно! Не сон ли это? Может быть, сон только, а

проснувшись, он снова увидит над собой искаженное лицо Гассана и занесенный над ним чеченский кинжал...

И Миша инстинктивно схватился за грудь дрожащими руками...

Нет, не сон! У самого сердца висит он, дорогой, желанный беленький крестик! И по лицу Полянова, преобразившемуся снова из официального начальнического лица в дружеское, умиленное и родное, видно, что не сон это, а правда.

– Молодец! Заслужил! Я видел, как дрался при штурме! Не мог не донести по начальству. Поздравляю! – отрывисто говорит добряк-комендант, незаметно смахивая непрошеную слезу с ресницы, и горячо, по-братски обнимает рыдающего от счастья Мишу. Потом, быстро нахмурившись, точно вспомнив что-то, добавляет прежним строго официальным тоном:

– А за самовольную вылазку и ослушание начальства я подвергаю вас, господин подпоручик, трехдневному аресту на крепостной гауптвахте...

Глава 19

Отверженный. К Иссе!

На кровле одной из саклей небольшого горного аула Карата среди груды подушек, бурок и одеял, на нескольких циновках, сложенных одна на другую, лежит больной.

Тихий душистый вечер ласково веет над ним... Золотые лучи солнца, уже готовые угаснуть, освещают исхудалое лицо больного... Один из них проник в черные, слипшиеся от пота кудри и серебрит их, играя ими... Нежный, едва уловимый горный ветерок дохнул в лицо больного, скользнув по его исхудалым щекам и резко выдавшимся скулам.

Солнце заходило... На верхушку мечети вышел мулла и прокричал свой обычный призыв к вечернему намазу.

Больной тяжело вздохнул и открыл глаза. О, какие это были глаза! Целое море страданий, безысходных и мучительных, как смерть, таилось в них!..

По этим глазам только и можно было узнать прежнего Джемалэддина, – так сильно изменили его горе и болезнь.

Около года тому назад он еще не терял смутной надежды, что отец уступит его советам и помирится с русским царем.

Но в тот памятный день, когда он освободил Мишу из когтей Гассана, у него была продолжительная и тяжелая беседа с отцом.

Роковая беседа!

О, он никогда ее не забудет! Никогда!

Шамиль, узнав о спасении и бегстве пленного, стал упрекать Джемала за его приверженность к русским и за измену родине.

– Нет! Нет! Я не изменник, отец! – вскричал он тогда. – Я люблю и тебя, и мой жалкий, дикий народ... Но я не могу, отец, оставаться слепым, как все вы, чтобы не понять, как необходимо нам пустить в наши горы русских... Они откроют нам путь к просвещению, научат нас цивилизации, сделают из нас культурный народ... Гляди, отец, ты устроил литейные заводы; но твои пушки разлетаются в щепки от их ядер, в то время как их орудия несут нам гибель и смерть... А твое войско?.. Твой низам, эти конные и пешие воины, разбегающиеся в минуту опасности и не слушающие начальства?.. Разве можно воевать при таких условиях!.. Полно, отец! Помиришься с русскими... Вышли белый флаг русскому царю, благо уполномоченный являлся с переговорами из Бурунтая от князя.¹⁰⁹ Помиришься с белым падишахом, отец, пока есть время и не вся еще Чечня отложила от тебя. Ведь русский царь ничего от горцев не требует: ни перемены их веры, ни их аулов и саклей, желает только, чтобы они признали власть России над собою и вели мирную, спокойную жизнь...

Молча выслушал Шамиль эту пылкую речь Джемалэддина.

---

¹⁰⁹ Князь Орбелиани, посылавший предложение сдаться.

Грозно сдвинулись его седые брови. Судорога прошла по лицу. Что-то странное, непоколебимое и жестокое отразилось в нем, когда он спросил сына, усмехаясь недоброй усмешкой:

– Слушай, ты, темный ворон, накликающий беду, сколько тысяч туманов¹¹⁰ получил ты от белого падишаха за предательство старого Шамиля?

Джемалэддин весь вздрогнул от оскорбления. Потом, с трудом удерживаясь от резкого ответа, он сказал:

– Отец! Я не изменник и не предатель, повторяю тебе, я желаю блага тебе и нашему народу. Если ты не примиришься с русскими, тебя ждет гибель... Пойми, отец! Вся Чечня, весь Дагестан уже кишат изменой. Наш народ чувствует силу и правду на стороне русских и идет к ним.

– Ты христианин? – сурово нахмутив чело, спросил сына Шамиль.

– Клянусь, нет! Я исповедую религию моих отцов и свято чту Магомета!

– Но ты говоришь, как христианин, больше того, как враг! Я же отвечу тебе, как истый слуга пророка: я проклиная урусов и объявляю им новый газават! Я подниму все, что осталось мне верным, и, клянусь бородою пророка, мы не раз еще омоем наши кинжалы в нечистой гяурской крови!.. А ты ступай! Ты не наш! Не место тебе при имаме. Ты урус душою. Они отняли тебя от нас... Ты не сын мне больше...

---

¹¹⁰ Монета горцев, равняющаяся десяти рублям.

Я не знаю тебя!..

Целый год прошел с этого разговора, целый год живет в Карате сосланный сюда отцом Джемалэддин. Целый год он не видел ни отца, ни братьев. Никто не смел навестить его, боясь навлечь на себя гнев имама. С переселением сюда Джемал потерял последнюю нить связи с Ведени, вместе с тем последнюю надежду примирить с русскими отца.

Глубокая апатия овладела молодым человеком... Его заветная мечта не оправдалась... Горный коршун не захотел склониться под знамена белого орла... Теперь он уже не надеялся ни на что и тихо угасал от медленно точившей его организм болезни.

Напрасно малютка Зюльма, оказавшаяся такой преданной и заботливой женою, приводила к нему лучших хакимов, поивших его какими-то ароматичными травами и шепчущих над ним бесконечные заклятья. Ничто не помогало...

Дня три тому назад был в Карате проездом ученый хаким¹¹¹ из персов. Его тоже привела Зюльма к больному. Этот оказался более сведущим, нежели другие. Он не шептал над ним заклятий и не поил его, как настоящий доктор-европеец, и сказал, нахмуря брови:

– Все в руках Аллаха, и жизнь и смерть.

– Я только и жду последнего!.. – пылко вырвалось тогда из уст Джемалэddина. – Долго ли мне осталось ждать ее, алиим?

– Солнце не успеет три раза окрасить пурпуровым румян-

---

¹¹¹ Врач, вернее, знахарь.

цем горы, как чернокрылый Азраил смежит твои очи! – пророчески отвечал тот.

Зюльма горько заплакала... А он, Джемалэддин, был счастлив...

Солнце не успеет три раза окрасить пурпуром горы... Два раза оно окрашивало уже их своим кровавым румянцем. Оставался еще один последний раз. Но он уже не увидит этого, если верить алиму...

В тот же вечер, узнав свой приговор, Джемал послал письмо отцу с нарочным из Карата. Его верный нукер Сафар помчался туда тотчас же на своем неутомимом Карабахе.

Он писал отцу, что смерть недалека, что он, Джемал, не может умереть, не будучи прощенным повелителем, и просил прислать ему это прощение с Сафаром. Он молил отца не отказать ему в нем. Он любил отца и жалел его. И в этом же послании еще раз говорил о необходимости мира с русским государем. Тут же, рядом с горячими, убедительными строками о мире и милосердии белого падишаха и великодушии русского народа, были строки, исполненные самого чистосердечного, самого детского порыва... Ребенок Джемал, разом проснувшийся в нем, а не взрослый молил о ласке своего старого отца...

С той самой минуты, как уехал Сафар, он не перестает томиться... Что он медлит так долго, его верный слуга? Или в Ведени задержали его?... О, в таком случае он, Джемалэддин, умрет не прощенным!.. Вот уже солнце опустилось низ-

ко-низко и купает свои лучи над самыми вершинами гор. Нет, нет! Сафар не успеет, не успеет вернуться!..

Холодный пот покрывает все лицо больного... Несмотря на теплый вечер, дрожь лихорадки пронизывает его до костей... Зубы стучат... А в пылающем мозгу восстает знакомая картина... Она, эта картина, все чаще и чаще рисуется ему теперь с тех пор, как он обречен смерти... И чем более приближается к нему его смертный час, тем ярче и рельефнее встает перед ним эта картина...

Февральское северное утро... Золотые лучи солнца, разноцветными блестками искрящиеся на начинающей уже медленно таять белой пелене сугробов... Белые сугробы и белая девушка с кротким, неземным личиком...

– Джемал, брат мой, – шепчет она, эта девушка, – не забывайте закона Иисуса! Помните Христа!.. Не надо быть христианином, чтобы верить в Него и любить Его... Не забудьте Его, Джемал, брат мой!

– О, я не забуду Его, Лена, сестра моя, бесконечно дорогая сестра! – шепчут бледные, иссохшие губы умирающего, и рука его тянется к золотому крестику, тесно прижатому к его груди...

И перед мысленным взором больного предстает новый, светлый, прекрасный образ Того, Кто не побоялся испить до дна полную чашу страданий. Кто умер на кресте за грехи людей.

– О могучий, прекрасный, великий Исса! – беззвучно

шепчут запекшиеся губы умирающего. – Позволь мне, жалкому, дикому, темному мусульманину, дивиться Тебе и преклоняться перед Тобою!.. Бог Лены! Бог русского народа! Не отворачивай от меня Твоего светлого лица! В Тебе истина. В Тебе правда, великий христианский Бог!

Дрожащие руки хватают маленький крестик, жаркие уста приникают к нему, снова шепчут чуть внятно, беззвучно:

– Бог Лены! Бог русских! Облегчи мне мою муку, могучий Христос! Верни мне прощение моего отца! Верни его любовь, Спаситель!

И он затихает, в бессилии опустив голову на мягкие подушки...

Солнце еще ниже. Теперь оно уже не золотое, а кроваво-красное на западе... что-то зловещее в нем, в этом пурпуровом румянце... Скоро, скоро теперь! Вот еще окрасится пурпуром тот нижайший утес, и душа его отлетит к Аллаху... Теперь уже недолго ждать и томиться... Но как тяжело ему эти предсмертные минуты!.. Как мучительно мало воздуха в груди!.. Точно каленым дыханием веет на него вечерний горный ветер. О, он задохнется сию минуту... Нечем дышать!

На мгновение больной закрывает глаза, потеряв сознание... Потом открывает их снова...

Кто это плачет подле, приникнув к его ногам?

– Ты, Зюльма?

Да, это она! Бедная малютка горько оплакивает своего по-

велителя. За год их брачной жизни она успела понять и оценить его великодушие и доброту. Он был с нею добр и ласков, как заботливый брат с младшей сестренкой. Мужчины их племени не умеют так обращаться с женами. Они умеют лишь приказывать и повелевать. А этот!.. О, недаром жизнь готова отдать за него Зюльма! Готова умереть вместо него, лишь бы спасти от смерти своего Джемала.

Но Аллах знает, как распорядиться своими слугами...

Черный Азраил идет за душою щедрого, мудрого, доброго Джемала, а она, глупенькая малютка Зюльма, ему не нужна!

– Тебе дурно, повелитель? – с тоскою заглядывая в исхудалое лицо умирающего, шепчет она.

Глаза Джемала широко раскрываются... Его влажная, горячая, как огонь, рука хватает маленькую ручку жены.

– О моя Зюльма! О моя бедная крошка! Что будет с тобою, когда меня не станет! Сжалится ли над тобою отец?

– Возьми меня с собой, повелитель, возьми меня с собою! – голосом, исполненным отчаяния, шепчет молодая женщина.

Он ласково обнимает ее... Сколько трогательной, бесконечной любви в ее заплаканном, жалком личике!

– Спой мне, Зюльма, спой, дорогая!.. – просит больной, зная, что только песня может развлечь этого бедного взрослого ребенка, так горячо привязавшегося к нему.

– Слушаю, повелитель! Я спою тебе ту песню, которую ты так любишь...

Зюльма оживилась... По заплаканному личику скользнула улыбка... Она схватила забытую ею в углу кровли чианури и быстро настроила струны.

В отуманенной предсмертными мучениями голове Джемала неясно прозвучал обрывок знакомой песни...

У моей матери черные зильфляры,
У моей матери звезды-глаза...

Кто это пел когда-то? Ах, да! Черноокий маленький пленник напевал эту песню русскому саибу на краю обрыва, — песнь о своей матери, от которой его оторвали тогда...

Нет теперь ни русского саиба, ни кроткой матери!.. Где саиб — он не знает... А мать — она высоко, там, в лазуревых чертогах Иссы... Он взял ее к себе... Пусть она мусульманка, но Бог христиан принял ее. Она так много, много страдала, а Он, Исса, так милосерд и добр ко всем страдающим людям. Может быть, Он смилостивится и над ним, Джемалом, и возьмет его также в свои чертоги?

У моей матери черные зильфляры,
У моей матери звезды-глаза...

Так поет Зюльма, и ей звонко вторят певучие струны чианури...

О, он скоро увидит эти зильфляры, эти кротко мерцающие, как звезды, глаза!

Крыло Азраила веет уже над ним...

А Сафара все нет и нет... Отсюда с кровли видна горная тропинка; Джемал нарочно приказал нукерам перенести себя сюда...

О, как сладко поет Зюльма!.. Что за трогательный, за душу хватающий голосок!..

Добрая, ласковая крошка! Нелегким покажется ей ее вдовство! Тяжелым ударом падает на ее голову его смерть...

Смерть! Она уже не медлит... Голос Зюльмы как-то странно далеко звучит в его ушах... Точно между ним и ею встала целая стена на кровле... И в глазах тускнеет... черный туман застилает зрение... Какой-то леденящий душу холод проникает в его внутренности... Он с жадностью хватается прохладный воздух губами... но сжатое предсмертной спазмой горло не пропускает его...

Что же Сафар? Где он? Что не спешит он привезти ему прощение отца?

О, как тяжело умирать непримиренным!..

А солнце уже совсем, совсем близится к закату; только один золотой венчик виднеется из-за гор. Вдруг разом оборвалась песнь... На прерванном аккорде замолкла чианури... Зюльма, не отрывавшая вместе с умирающим взора от горной тропинки, быстро вскочила на ноги, далеко отбросив жалобно зазвеневшую всеми своими струнами чианури.

– Господин! Я вижу всадников... Они скачут во весь опор к Карату.

Умиравший оживился... Слабый румянец проступил в лице... Она не ошиблась – Зюльма... Действительно, целая толпа всадников несется к аулу...

Только пыль клубится серым облаком над ними, да камни с шумом свергаются в бездну, отброшенные копытами лошадей... Впереди всех – белый всадник, на белом же как кипень коне... Что это?.. Ужели зрение обманывает Джемалэддина? Нет, он из тысячи узнает этого человека.

Нет сомнений: белый всадник – это его отец, Шамиль. Он спешит на свидание к умирающему сыну.

– Черный Азраил, помедли немного... Дай мне увидеть его... испросить прощение... обнять дорогого... – весь задыхаясь от волнения и муки, лепечет умирающий Джемалэддин.

А всадники приближаются... Вот они уже скачут во весь опор по улице аула... Белый конь белого всадника весь в мыле. Тяжело вздымаются его крутые бока...

Золотой венчик уж почти сгладился с вершиной и готов погаснуть, только одна красноватая точка осталась вместо огромного пурпурового шара.

Джемалэддин с тоскою следит за ним.

Смерть уже близко... Смерть уже рядом... Черный Азраил полуприкрыл его своим холодным крылом... Сейчас вместе с угасающей за горою солнечной точкой угаснет и его жизнь... А всадники уже спешились... Вот по лестнице на кровлю быстро вбегают кто-то.

– Это он, это отец! – весь замирая, уже не голосом, а только сердцем лепечет несчастный.

Вот Зюльма почтительно склоняется, закрывшись до глаз чадрую... Шамиль уже на кровле. Шамиль здесь...

– Отец!.. Благодарю тебя, Исса, что Ты исполнил мое желание, – хриплым голосом, собрав последние усилия, вскрикивает больной и судорожно зажимает в руке золотой крестик.

– Я прощаю тебя! Живи, мой Джемал! – несется ему в ответ трепетный голос, и рыдающий Шамиль принимает в объятия сына.

Поздно! Поздно хватился имам.

– Отец!.. Исса великий... Иду к Тебе!.. – слышится слабый, предсмертный шепот умирающего...

Золотая точка медленно гаснет за горами... Последний вздох поднимает грудь Джемалэдина, и он безжизненно виснет на руках отца...

Часть третья

ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ

Глава 1

Русские наступают

– Народ! Ты даешь гибнуть вере! Напрасно исполняешь ты намаз и халлрукс, напрасно ходишь ты в мечеть, – небо отвергнет твои молитвы и приношения. Присутствие неверных заграждает тебе путь к трону Аллаха! Молитесь, кайтесь, но прежде всего ополчитесь на новую священную войну. Я благословляю вас на брань! Смерть и уничтожение урусам!.. Именем Аллаха и Его пророка Магомета я трижды проклиная наших врагов и объявляю им еще раз газават! Отныне их судьба решена окончательно! Никому не будет пощады! Реки и моря покраснеют от крови неверных... О! Эти уруссы увидят, что не ослабла еще рука Шамиля, не иступились шашки мюридов, не заржавели их винтовки!..

Так говорил Шамиль своим воинам после того, как русские изгнали его из Дарго-Ведени.

Вскоре за тем неутомимый вождь горцев двинулся во главе своего, уже далеко не столь многочисленного, как прежде, войска к Новому Буртунаю. Укрепив это селение, лежащее

в глухих недрах Андии, он сам расположился в небольшом ауле Чорто, откуда и посылал свои отряды в Чиркей и Аух. С одним из таких отрядов у русских, в глухом Андийском лесу, произошло новое сражение. Но твердая надежда Шамиля на победу не оправдалась. Несмотря на все усилия мюридов, победа осталась за русскими. Горцы, разбитые нашим войском, беспорядочно кинулись в бегство. Их храбрейшие начальники-наибы Технущала-Измаил Ботлинский и Мустафа Ахмед Кудалинский остались с отсеченными головами на поле битвы...

После этой победы русские подступили к Новому Буртунаю и овладели им. Желая удержать дальнейшее движение врага, Шамиль неподалеку от Буртуная приказал поспешно устроить завал. У этого завала произошло большое сражение, в котором погиб целый отряд горцев с наибом Шамхалом Тиндальским во главе.

Вскоре за Буртунаем был взят Аух.

Русским отрядом командовал князь Орбелиани.

Ужас овладел горцами: неудача следовала за неудачей...

– Этот год принадлежит князю,¹¹² – говорили они, – все равно, драться или нет, – победа у урусов.

Действительно, счастье изменяло на каждом шагу когда-то непобедимому вождю мюридов. С потерей же Буртуная его дело пришло почти в полный упадок, так как для русских открывалась прямая дорога к самому Ведени, новой

---

¹¹² Князю Орбелиани.

столице имама.

Генерал Евдокимов, старый, опытный воин, изучивший горцев и их военное дело, назначенный главнокомандующим начальником левого крыла, шаг за шагом, с преданными ему воинами, вырывал из рук горцев один аул за другим. Считавшиеся неприступными ущелья в горах на берегу реки Аргуни очутились в руках русских. Везде и всюду быстро воздвигались русские укрепления, прорубались просеки, устраивались дороги...

Мюриды отступали, с ожесточением оспаривая каждый кусок земли. Шамиль с горстью самых пламенных горцев бросился к Владикавказу, но там был встречен отрядом генерала Мищенко и разбит наголову. В то самое время генерал Евдокимов разбил другой отряд мюридов и занял Шатой, а генерал Вревский успешно двигался к аулу Кетури, в котором засели преданные Шамилю лезгины. Преодолевая невероятные препятствия, смело поднимались по скалам в поднебесную высь аула русские солдаты отряда Вревского под выстрелами горцев. «Вперед, братцы, покажем, что мы русские!» – кричал начальник отряда генерал барон Вревский, находившийся всегда там, где была самая большая опасность, как вдруг шальная пуля сразила храброго генерала, и он как сноп упал на землю. Смерть его не могла остановить победоносного движения русских войск, и вскоре вся Чечня очутилась в наших руках, и многие горские племена и общества покорились добровольно русскому вла-

дычеству.

Но Шамиль все еще не терял надежды на победу над русскими. Жестокими мерами он старался удержать население в своей власти, а горячими проповедями силился разжечь в горах прежнюю храбрость. Однако значительная часть горцев, утомленных войною и познавших силу русского оружия, равнодушно внимала проповеди газавата... И ряды Шамилевых воинов становились все реже и реже.

Шамиль все еще верил в свою счастливую звезду. Он приказал всем верным ему наibaм собраться в Шали. На созванном там совете, гудекане, после продолжительной молитвы он произнес такую речь:

– Вы, алимы, наibaы и славные мюриды, верные сподвижники мои! Не бойтесь русских! Я из Ахульго ушел с семьей мюридами только, а теперь, смотрите, снова могуществен и силен, волею Аллаха! И вы, точно так же, после всех неудач – станете победителями! Аллах наградит вашу храбрость... Пока я с вами, не бойтесь ничего! Клянусь пророком, я не оставлю вас. Клянись же и вы, что будете до последней капли крови биться в священном газавате! Вы – храбрые из храбрых, светочи веры пророка и опора мусульманства! Клянись мне!

– Валла-билла, клянемся! – отвечали воодушевленные его словами последние верные мюриды.

– Народы и общества Чечни и Дагестана, внимайте! – снова обратился к ним Шамиль. – Не из-за денег или наживы

веду я вас на священную войну. Пророк указал воинам Аллаха проливать кровь неверных, чтобы добиться свободы!.. И мы должны повиноваться воле Его! До тех пор не заткнем мы кинжалов за пояс, пока ни один русский не останется в нашей стране!..

– Валла-билла! – раздалось опять в рядах мюридов.

После собрания в Шали Шамиль выступил против Евдокимова, сосредоточив ряды горцев в селении Тавзан.

В один туманный, ненастный день Тавзан был окружен русскими. Войско имама, испуганное неожиданным появлением неприятеля, забыв свою присягу, без одного выстрела покидало оружие и обратилось в бегство. Напрасно зывали наибы к храбрости горцев, напрасно напоминали о словах Шамиля: никакая сила не могла удержать беглецов.

Теперь Шамилю не оставалось ничего другого, как приняться за защиту своей резиденции, Ведени, которой грозило попасть в руки русских. Он бросился укреплять Ведени, но уже было поздно. Ночью показалась около аула конница Евдокимова. За нею спешили артиллерия и пехота. Пушечные залпы не замедлили загреть над резиденцией имама...

Горцы мужественно защищали гнездо своего вождя. Но когда одна сакля за другою разрушалась от силы ядер и бомб и каждую минуту осаждающие готовы были броситься на штурм, ближайшие наибы убедили Шамиля выехать с семьей из аула.

– Пусть мы погибнем, но не дадим торжествовать урусам

смерть или плен имама и его родни, – говорили преданные своему имаму вожди мюридов.

Генерал Евдокимов между тем довел траншеи до самых стен Ведени и поутру 1 апреля 1859 года стал громить столицу имама бесконечными залпами. К вечеру стены аула не выдержали, рухнули, и русские ворвались в аул, но там уже не оказалось ни одного горца – они бежали в горы.

Сам Шамиль из Ведени перебрался в селение Ичичу и отсюда стал укреплять недоступную гору Гуниб.

Своего сына Кази-Магому он послал строить завалы на пути, чтобы как-нибудь преградить дорогу русским войскам.

Но уже ничто не могло остановить движение наших войск. Они гнались теперь по самым пятам имама.

Горцы поняли бессилие своего вождя и один за другим спешили оставить его. Целые аулы, присягнувшие на верность имаму, отдавались во власть русским, целые отряды Шамиля со своими наибами просились на службу русскому царю...

Из многих тысяч горцев только несколько сот самых отчаянных остались верными своему вождю...

Солнце Шамиля близилось к закату.

Глава 2

Горе имама. Песенка Нажабат. Свои враги

Темная, непроглядная ночь глядит своими незрячими, как у крота, глазами, вся окутанная непроницаемой черной чадрой. Что таится под этой чадрой – неизвестно... Как-то жутко вглядываться в ее непроглядную завесу... И жутко и бесцельно... Все равно не узнаешь, что кроется под нею...

Медленно движется по горной тропинке небольшая группа всадников. Несколько нукеров из вооруженных с головы до ног чеченцев окружают маленький отряд...

Далеко опередив остальных всадников, едет на гнедом коне Шамиль. Его белого коня – верного товарища его подвигов – недавно уложила русская пуля: плохое предзнаменование для горца... Голова имама уныло свешена на грудь, рука выронила повод и лежит, чуть вздрагивая, на гриве коня.

Невеселые думы смущают душу Шамиля.

Русский сардар придвинулся к самой Ичиче со своим низамом, – к Ичиче, где он, Шамиль, укрывался с семьей. Надо было спешить на Гуниб. О! Гуниб верное убежище... В самое небо упирается его аул... Это не Ахульго и не Ашильда... Его гора вздымается отвесно, и взять ее штурмом нельзя... Разве только шайтан впутается в это дело и поможет

своим друзьям-урусам... О эти урусы! Сколько крови и силы отняли они у него... Уже девятнадцать штыковых ран на теле имама... От пороха и пуль он заговорен. Эти раны болят... Но еще больше болит его душевная рана... Ужели ему не придется окончить священное дело газавата, самым пророком порученное ему?.. Они, эти урусы, теснят и травят его, как жалкого зайчонка голодные псы... Его – имама, недавнюю могучую силу целой Чечни, всего Дагестана! Недавнюю еще, да... А теперь, что случилось с ним, с грозным Шамилем?..

И губы гордого имама кривятся горькой, иронической усмешкой...

Он, недавняя сила и гроза гяуров, бежит! Бежит, как жалкий трусливый караваш!

В пханшамбу,¹¹³ в счастливый день недели, накануне джумы, выехал он из Ичичи со всем семейством и казною, услышав, что русские войска приблизились к селению. Остановившись в Тилетле, чтобы дать передохнуть женщинам и детям, он узнал тяжелую весть... Чох сдался русским! Чох – поблизости Гуниба, на который возлагает все свои надежды имам! А в самом Тилетле было уже опасно оставаться... Все кишело изменой вокруг него, и он поспешил выехать из Тилетля, невзирая на ночь и усталость. Это ли не бегство? Это ли не позор? Если бы кто сказал ему, Шамилю, год-два тому назад, что он, как трусливая чекалка, будет пробираться

---

¹¹³ В четверг, канун пятницы – мусульманского праздника. Этот день Шамиль считал самым счастливым днем.

к своей норе под покровом ночи, он бы приказал изрубить в куски дерзкого, а теперь... теперь! Да неужели же он так состарился и одряхлел, что неостанет у него силы победить или умереть!

И сторбленная фигура имама гордо выпрямляется в седле, и глаза бешено сверкают былым, жутким огнем.

– Повелитель, – слышится ему как во сне знакомый голос его сына Кази-Магомы, – наши наибы говорят, что путь опасен в горах... Здесь вся местность кишит бродячими шайками разбойников и грабителей – барантачей... Не лучше ли остановиться на горе Ратланте-Меере¹¹⁴ или ехать в Тиндал, где живет твой самый верный и преданный тебе народ?

– Молчи, Магома! Ты говоришь, как трус. Если я, твой отец и повелитель, не боюсь штыка уруса, могу ли страшиться я жалкого барантача?

– Но отец, с нами женщины... Надо позаботиться о них...

– Жены и дочери природных горцев должны прямо смотреть в очи опасности... Или ты не знаешь этого, сын мой?

Кази-Магома только тихо вздохнул и, пришпорив коня, отъехал от Шамиля. Его сердце сжималось от страха... Не за себя, нет! В числе прочих женщин ехала его жена, красавица Керимат, единственная привязанность в мире этого эгоистичного и расчетливого человека.

Среди женской группы царило глубокое молчание.

---

¹¹⁴ Чамодан-гора. Во время похода князя Аргутинского Кибит-Магома устроил здесь несколько саклей, которые могли выдержать нападение.

В самом центре ее, недалеко от лошадей, навьюченных бурдюками с сокровищами и деньгами Шамилевой казны, ехали жены имама.

Несколько поодаль держалось юное поколение сераля, изредка перешептываясь между собою. Отряд замыкался сыновьями и зятьями Шамиля и его вернейшими слугами-мюридами.

Ночь, казалось, еще плотнее, еще непроницаемое надвинулась на горы. Теперь уже ни зги не видно кругом... Кони ступают наудачу... Только гул копыт резко звучит в ночном воздухе, будя и нарушая мертвую тишину.

– Мне страшно, Зюльма! – слышался среди группы женщин нежный молодой голосок, и одна из ехавших всадниц чуть склонилась в сторону своей спутницы.

– Чего ты боишься, бедняжка? – отвечал ей молодой, нежный голос...

– О, Зюльма! Тяжело расставаться с жизнью, когда яркое солнце блещет над твоей головой... Ужели для того меня отдал Абдурахиму повелитель, чтобы умереть и лишиться счастья тогда, когда жизнь кажется такой прекрасной и радостной, как день...

– Ты боишься за мужа, Патимат?

– О, Зюльма! Ты угадала мои мысли... Слушай, красавица... Мы спешим на Гуниб, я знаю, хотя повелитель строго приказал скрывать от нас это! Русские по пятам следуют за нами... И это я знаю также. Они придут и туда... О, у

них быстрые крылья, у этих урусов... Слушай! Они убьют нас всех, Зюльма; черное предчувствие говорит мне это... И мой Абдурахим погибнет под их штыками... О, это ужасно, Зюльма! Ужасно! Какой страшный рок повис над моей головою?

– Ты его очень любишь, бедная сестричка? – послышался нежный вопрос.

– Очень, Зюльма! Как золотое солнце моей родины, как лунный серебряный луч, как алмазную восточную звезду!.. Двух месяцев не прошло с тех пор, как имам-повелитель благословил наш рук-эта-намаз в Ичиче, а сердце мое до краев наполнено любовью к моему господину! Да и нельзя не любить его... Он добр со мною, как ангел, и кроток, как лань... Не к кровавым подвигам и не к бранной жизни лежит его душа... Он готов дни и ночи читать книги мудрецов и знает все главные науки востока...

Гордостью звучит голосок молоденькой женщины. Она справедливо гордится своим Абдурахимом. Горячей привязанностью полно ее сердце к нему.

Три месяца только тому назад он сорвал ей ветку аксана,¹¹⁵ а еще через месяц отец свершил их рук-эта-намаз; ее, пятнадцатилетней девочки Патимат, и его, совсем юного, не по годам мудрого юноши.

А теперь она должна дрожать и волноваться за его жизнь... Что ждет его там, на вершине Гуниба, что ждет их

---

¹¹⁵ Сорвать ветку аксана у горцев равняется сватовству.

всех, – победа или смерть? О, как ужасна будет ее судьба, если убьют ее Абдурахима! Переживет ли она эту потерю?.. О нет! Тысячу раз нет! Она умрет вместе с ним... А Зюльма? – мелькает в голове молодой женщины... Бедная, маленькая крошка Зюльма! Она так стойко переносит свою потерю! Только со дня смерти Джемалэддина ее личико стало бледнее ее белой чадры, да огромные глаза ввалились и горят ярче яркой звезды Ориона.

Бедняжка Зюльма! И она любила! И ее Джемал не выносил жизни джигита и удалялся от шума битв, точь-в-точь как и ее повелитель, и ее азис... А вот взял же его Аллах к себе. Значит, Аллаху нужны кроткие, чистые сердцем.

Значит, и ее Абдурахим может...

Она вздрогнула всем телом от одной мысли о возможности потерять его. О, как счастлива Написет! Ее Абдурахман – воин в полном смысле этого слова, он и рубится, как настоящий джигит... Его рука привычна к мечу и кинжалу!..

Зато и спокойна Написет... Чего ей бояться!

И Нажабат спокойна... У этой нет мужа, за которого она должна томиться злыми предчувствиями... Что ей думать о страхах, одиннадцатилетней девочке?.. Вон чуть обрисовалась во мгле ее маленькая, гибкая фигурка. Вон она и мурлычет себе что-то под нос... Поет. Патимат знает эту песню... Нажабат сама сложила ее... В ней она восхваляет свою красоту, уподобляя себя небесной звезде! О, как она самообольщена, бедная, жалкая кривоножка!

В недра душевного сераля
Запер нас страны адат,
Но и там звезде подобно
Ярко блещет Нажабат...

– Перестань, девочка! Не до песен теперь! – шепотом останавливает девочку Зайдет. – Молиться надо, а не петь... Аллах ведаёт, что нас ждёт на Гунибе...

А та только смеётся своим звучным голосом, странно звучащим среди жуткого безмолвия ночи.

Разве её мать не знает, что Гуниб неприступен и что 400 лучших мюридов будут охранять их горное гнездо? Нет, нет, рано ещё горевать и лить бесполезные слезы... Она, Нажабат, не глупая кукушка, чтобы раньше, чем увидеть мертвого, править тризну по нем...

И снова льётся песенка, сладкая, как голос буль-буля... И снова наибы, и мюриды, и женщины, и имам, заслышав этот смелый голосок, проникаются сознанием, что далеко ещё не все кончено, если ребенок так беспечно заливаётся песней. Недаром сам Аллах руководит предчувствием детей...

– Благослови тебя пророк, райская птичка, – умиленно шепчет алим, дедушка Нажабат, почтенный старец Джемал-эддин. – Ты вливаешь в наши скорбные души сладкий бальзам мира.

И Патимат успокоилась под песню сестры.

И правда, неизвестно ещё, придут или нет на Гуниб уру-

сы... Нечего ей бояться пока... Это черная ночь виновата в ее невеселых думах... Мгла в природе – мгла в сердце и на душе...

Скорее бы блеснул первый луч рассвета, и все ночные страхи тогда развеются как дым...

Вдруг песня Нажабат оборвалась на полуслове... Чей-то громкий крик раздался где-то недалеко впереди... Крик и падение на землю тяжелого тела... Слышно, как борются двое... А там дальше топот копыт и дикие крики, характерное разбойничье гиканье...

Великий Аллах! Они окружены разбойниками барантачами!

Патимат инстинктивно сжала ногами бока коня, и верное, понятливое животное вынесло ее к передовому пункту отряда...

Так и есть, она не ошиблась... Они окружены душманами... Вот несколько нукеров схватились с ними... Что-то брызнуло в самое лицо Патимат... Она вздрогнула от ужаса и поспешно обтерлась рукавом бешмета... Это кровь, кровь нукера или врага – она не знает.

– Астафюр-Алла! – лепечет несчастная женщина-ребенок и судорожно сжимает рукоятку кинжала... Где Абдурахим? Где отец? Сестры, братья? Все эти близкие и дорогие сердцу существа... Ничего нельзя разглядеть во мраке ночи... Только слышны лязг кинжалов, да иступленные крики нападающих и стоны поверженных защитников.

И вдруг все разом покрывает мощный голос Шамиля. Белый всадник несется туда, где кипит бой, прямо в кровавую схватку.

– Остановитесь, безумные! На кого вы обнажили кинжалы? Здесь я – имам, ваш повелитель!

Но никто точно и не слышит голоса, заставлявшего трепетать еще так недавно с головы до ног правоверных. По крайней мере, бой не унимается, крики и стоны не стихают...

В темноте слабо обрисовалась чья-то высокая фигура... Чей-то хриплый голос кричит в ответ, прерываясь с каждой минутой злым торжествующим хохотом:

– Мы, ручуджинцы и кудинцы, не признаем власти имама! У кого больше пулов, чтобы внести богатый пешкеш, тот нам и повелитель. Имам, не время теперь подбирать цветы твоего красноречия... Если хочешь, чтобы остались в живых твои слуги, отдай все ценное, что есть у тебя.

– Благодарю Аллаха, презренный раб, что ночная мгла мешает верному прицелу моей винтовки... А то бы ты давно отправился к шайтану за твои дерзкие речи, нечестивец! – грозно посылает в темноту Шамиль.

Но смелый душман¹¹⁶ только дерзко хохочет в ответ на гневные слова.

Неизъяснимое бешенство овладевает Шамилем. Он вскидывает на плечо винтовку и наудачу, без прицела посылает выстрел во мглу.

---

¹¹⁶ Разбойник.

– А ты благодари пророка, святейший, что жизнь твоя неприкосновенна по воле Аллаха, – кричит в ту же минуту прежний голос, и в один миг враги бросаются в самую середину каравана.

Крики, плач, визг женщин и детей оглашают ближайшие утесы и бездны.

– Правоверные, – гремит по-прежнему ненавистный голос, принадлежащий, очевидно, главе разбойников, – не бойтесь, бросьте в сторону кинжалы, мы не убийцы, а только славные барантаци-джигиты... Нам нужны сокровища ваши, а не кровь... Отдайте нам казну имама и следуйте с миром в дальнейший путь.

– Ты слышишь, что они говорят, повелитель, – весь помертвевший от страха, шепчет на ухо имаму Кази-Магома, – отдадим им все.

– Да, отдадим, а то они убьют женщин и нас, твоих верных нукеров, их много, а нас самое ничтожное число, – вторил ему казначей Хаджио, перепуганный насмерть появлением барантачей.

– Труссы! – презрительно срывается с уст Шамиля. – Труссы! Так-то вы охраняете мое благо! – И он махнул рукой, весь преисполненный сознания своего бессилия...

Барантаци, как стая диких коршунов, кинулись на добычу. Напрасно молила Зайдет и другие женщины оставить им хотя необходимое, они разграбили все. С ужасом и тоскою прислушивалась Патимат к злорадным, торжествующим

крикам барантачей... Вот они покончили дело... Вот удаляются, насмешливо благодарят имама за его щедрость... О, посмели бы они, жалкие трусы, сделать это раньше, когда имя ее отца гремело по всей Чечне и Дагестану!..

Вон плачет Зайдет о разграбленных сокровищах, и певунья Нажабат вторит ей...

– Наджелсем? Наджелсем? – лепечет она, рыдая. – В большом бурдюке были мои праздничные серьги и запястья! Что я надену в следующую джуму? Беднее самой бедной дочери байгуша стала я теперь!

О глупая! Глупая маленькая Нажабат, о глупая Зайдет и Хаджи-Ребилъ и другие! Они плачут о золоте и сокровищах, когда там, впереди, едет в сто раз более их несчастный человек. У него украли большее. У него взяли любовь и доверие к своему народу. А он, бедняк, не плачет и не жалуется, как они...

Острая жалость кольнула в самое сердце добрую Патимат. Она пришпорила своего коня и в одну минуту очутилась подле белой фигуры, резко выделявшейся во мраке.

– Не грусти, отец, – прозвучал нежный полуженский, полудетский голосок подле Шамиля, – не все еще потеряно... Не все горцы предатели и воры, как эти жалкие барантачи... Тебе остаются твои мюриды, отец... и... и... горячая, верная любовь твоей маленькой Патимат! – после внезапной паузы, заключила она.

Шамиль вздрогнул, точно проснулся от своего тяжелого

забытья.

Никто из детей, кроме разве покойного Джемалэддина, не говорил с ним так.

Дети трепетали перед ним, боялись его.

Он был для них повелитель и духовная глава скорее, нежели отец. Откуда же взялась смелость у этой крошки? И как могла она угадать его гнетущую скорбь в эту минуту?

Да, он не бедняк, не байгуш еще, во славу Аллаха... У него осталась горсть друзей, а пока они около него, готовые сложить головы по одному его знаку, пока теплится такой беззаветной любовью к нему маленькое сердечко этой малютки, он еще может высоко, высоко носить свою гордую голову...

О, эта крошечная птичка сумела своей неожиданной лаской успокоить его!..

Повинуясь непреодолимому порыву, он отыскал в темноте маленькую белокурую головку и прижал ее к груди...

И крупные, частые слезы оросили исхудалые щеки Шамиля.

Глава 3

Переговоры

К 10 августу 1859 года русские войска стянулись к Гунибу и со всех сторон окружили его.

Главкомандующий, князь Барятинский, явившийся 18 августа в войско, приказал подробно осмотреть гору и готовиться к штурму. Но прежде чем решиться штурмовать это недоступное горное гнездо, прежде чем посылать сотни людей на верную смерть, было решено вступить в переговоры с Шамилем.

На одной из высот среди толпы конных мюридов на гнедом кабардинском коне высокий плечистый всадник в праздничном черкесском наряде, как и подобает уполномоченному великого вождя, ожидал появления русского саиба, выбранного для переговоров о мире.

Этот всадник был Кази-Магома, посланный сюда отцом. С ним были приближенные имама: Юнус, Хаджи-Али, Дебира, наиб Хунзахский и Нур-Магомет Суграт-линский, то есть почти оставшиеся верными имаму вожди, пришедшие следом за ним на Гуниб.

Нетерпеливо смотрел вдаль Кази-Магома, стараясь разглядеть, не едет ли русский отряд. Но нет, все попрежнему пусто и тихо на горной тропинке. Не слышно топота копей. Только изредка доносятся из русского лагеря сигналы

да смутно долетает гул солдатских голосов.

Кази-Магома, щурясь от солнца, зорко вглядывается в этот лагерь. Сколько там войска! Сколько тысяч нагнал сюда русский сардар. И все это, конечно, устремится на Гуниб, потому что отец ни за что не согласится на условия урусов. Он, Кази-Магома, знает это. Знает и то, что ради проволочки времени приказал ему вести переговоры Шамиль, а сам твердо решил не уступать гяурам своего последнего гнезда. Недоволен этим Магома. Урусы не звери, чего боится отец? Ну возьмут их в плен как почетных аманатов, они выговорят потом право жить в горах... Только войны не будет, этого ужасного кровавого газавата! Можно будет мирно и тихо проживать в своем наибстве да сколачивать понемножку денежку. Богатым хорошо быть: и почет, и уважение отовсюду! Тогда уж не надо бояться за свою жизнь и за жизнь красавицы Керимат.

Вдруг мысли Кази-Магомы прерываются разом. На тропинке показался русский отряд. Впереди он ясно видит фигуру русского саиба-полковника, а рядом с ним своего тестя, изменника Даниэль-Султана, который перешел на сторону русских и сделался их переводчиком в сношениях с горцами. Кази-Магоме вполне понятно поведение тестя. Он не осуждает его. Даниэль изменил имаму, потому что нашел, что дело газавата погибло, что не сегодня завтра русские победят последних мюридов и что поэтому выгоднее жить с русскими в дружбе и согласии. И он, Кази-Магома, на его месте по-

ступил бы так же.

Вот приблизились всадники... Ровно, точно по команде, сразу спешили все – и горцы и урусы. Русские отдали честь, горцы – «селям» обычным прикосновением руки ко лбу, губам и сердцу. Потом все уселись на ковре, разостланном на уступе. Даниэль-Султан, как переводчик, выступил вперед. Его глаза избегали взора зятя. Он не знал, как смотрит на его измену Кази-Магома, и что-то похожее на смущение стесняло слегка сердце перебежчика. Полковник Лазарев сказал ему несколько слов.

– Кази-Магома, сын имама и мой нареченный Аллахом зять, – начал важно Даниэль-Султан, – русский сардар передает твоему отцу через саиба (он указал медленным движением головы на сидевшего на ковре Лазарева), что пусть он смело отдается в руки урусов. Вреда ему не будет, ни ему, ни его семейству. Он получит милость русского государя и богатые дары. Пусть идет к сардару.

– Мой отец, – начал Кази-Магома, в то время когда Даниэль-Султан передавал его слова Лазареву, – уж много раз мирился с урусами. Но урусы снова продолжали сражаться с ним. Мы уже слышали речи о мире от русских сардаров – генерала Граббе, Фези и Клюгенау, а русское войско все-таки продолжало преследовать нас, горцев...

– Не твой ли отец виноват в этом? – снова переведя Лазареву слова Кази-Магомы и получив от него ответ, произнес Даниэль-Султан. – Русские не возобновляли войн, пока

Шамиль не поднимал своих племен на новые и новые газаваты. Пусть он подумает, что ждет его, если он добровольно не примет предложения о сдаче. А если Шамиль теперь же сдастся, сардары немедленно будут считать войну оконченной... Сардар – наместник императора, во всем доверенное лицо его. И слова русского сардара надо принимать за слова русского царя.

– Мой отец желает свершить паломничество в Мекку, к священному гробу Магомета, – произнес Кази-Магома снова, – отпустят ли его туда, если он сложит оружие как военнопленный?

Даниэль-Султан перевел Лазареву и этот вопрос зятя.

– Непременно, – поспешил ответить тот, – передай ему это, Даниэль-Султан! Скажи, что, если он добровольно сложит оружие, его проводят с почетным караулом до границы и что по возвращении из Мекки ему будет разрешено выбрать для жительства какое угодно место в горах. Скажи ему еще, что государь наш добр и милостив и что только из жалости к его неповинным женам и детям предлагает ему мир. Пусть он примет его скорее, потому что когда его гнездо разнесут вдребезги наши молодцы, то с ним будет уже поступлено иначе! Передай твоему зятю все это, Даниэль-Султан! И скажи, чтобы он уговорил отца не медлить с решением.

Последний точно исполнил приказание Лазарева и слово в слово передал речь полковника. Кази-Магома угрюмо кивнул головою.

– Я не последний уполномоченный отца, – произнес он сурово, – сейчас прискачет гонец с Гуниба, который и привезет его окончательное решение.

Действительно, вскоре показалась стройная фигура всадника, несшегося во весь опор по горной тропинке. И русские, и горцы с затаенным волнением ждали его. И те и другие слишком много видели на своем веку бесцельно пролитой крови, чтобы не стараться избегнуть ее.

От ответа Шамиля зависело все.

Вот ближе и яснее значится фигура всадника, вот он уже совсем близко у ковра... Вот спешился и идет прямо к Лазареву.

Как он еще молод, этот уполномоченный Шамиля. Молод, а глаза горят глубокой мыслью. На высоком челе печать мудрости. Полны выражения и неизъяснимого благородства тонкие, красивые юношеские черты.

Вдруг взор Шамилева гонца заметил Даниэль-Султана. Гневом исказилось прекрасное лицо юноши. Уничтожающим презрением блеснули гордые глаза.

– Я рад, что вижу тебя, изменник, – произнес он громко, сверкнув своими черными глазами, – и что в твоём присутствии могу выразить волю имама, чтобы научить тебя, как должны поступать верные слуги его. Слушай, саиб! – произнес он, повернувшись лицом к Лазареву, и смуглое лицо его вспыхнуло нежным юношеским румянцем. – Мой тесть и повелитель, великий имам, приказал передать следующее рус-

скому сардару: «Гуниб – гора высокая. Я стою на ней. Еще выше меня Аллах надо мною. Русские внизу – пусть штурмуют!» Я повторяю слово в слово то, что сказал имам. И это его последнее решение! Переведи, – властно бросил он Даниэль-Султану, даже не удостоив взглядом того.

И, сказав это, юный горец быстро отдал прощальный поклон русским, еще раз презрительным взором окинул Даниэль-Султана и, вскочив на коня, умчался, быстрый, как вихрь, по горной тропинке, ничуть не заботясь о том, следуют ли за ним Кази-Магома и остальные.

Это был второй и любимый зять Шамиля, гордость маленькой Патимат, ее муж Абдурахим.

* * *

«Гуниб – гора высокая. Я стою на ней, еще выше меня Аллах надо мною. Русские внизу – пусть штурмуют!» – таков был переданный Лазаревым Барятинскому ответ Шамиля, и после такого ответа оставалось только одно: штурмовать Гуниб. И войска приступили к штурму.

Было решено наступлением на восточный склон горы отвлекать внимание Шамилевых защитников, но нападение произвести с какой-либо из противоположных сторон. В ночь на 24 августа ширванские и апшеронские стрелки двинулись к укреплениям восточного ската, а на следующую ночь другие войска приблизились к северной стороне горы,

усеянной скалами.

Главнокомандующий объявил охотничьей команде Апшеронского полка, что наградит орденом Георгия 2-й степени тех трех храбрецов, которые первыми взберутся на высоту. И разумеется, такие храбрецы нашлись и охотно согласились полезть на Гуниб, туда, где парили только горные орлы и где самый могучий из них нашел свое последнее убежище...

Глава 4

Старые знакомые. За облака

– О чем замечтался, Зарубин? Или питаешь надежду попасть в число трех избранных? А?

Молодой офицер, к которому были обращены эти слова, невольно вздрогнул и обернулся на говорившего.

Сутуловатый, невзрачный, в старом боевом сюртуке, полковник с белым Георгиевским крестиком в петлице подошел к нему и ласково положил руку на плечо.

– Ах, Алексей Яковлевич! – искренно произнес его молодой товарищ, в мужественном, загрубелом и загорелом лице которого с трудом можно было узнать когда-то нежные юношеские черты Миши Зарубина. – Не знаю, никогда не был трусом, а жуть берет, как задерешь голову кверху и взглянешь на эту махину. Ведь высь-то, высь какая! Выше облаков! Выше неба, кажется!

– А завтра мы уже будем за этими облаками! Будем, Зарубин! – уверенно произнес его старший товарищ.

– Ты веришь в это, Полянов? – робким звуком спросил молодой офицер.

– Еще бы!

Это «еще бы» было произнесено таким тоном, с такой не подлежащей сомнению уверенностью, что синие глаза Зарубина блеснули счастьем и весь он разом проникся сознани-

ем и уверенностью, что действительно завтра они будут за облаками и возьмут Гуниб.

Гуниб!

Перед ним между темными Аварским Койсу и Кара-Койсу высилась огромная гора с крутыми скатами в виде усеченного конуса, отвесно вздымающаяся над бездной.

Верхняя площадка ее представляла из себя котловину, где поместилось недоступное последнее гнездо Шамиля.

Последнее убежище имама-вождя!

Миша Зарубин даже глаза зажмурил; им больно было смотреть в эту вышину. Даже глазам больно, а они ползут туда! И не дальше как сегодня ночью ползут.

Генерал-майор Келлер, командующий передовыми войсками, вызвал охотников пробраться на Гуниб во главе команды. Первым вступившим туда трем была обещана награда, высокая награда, заставившая смельчаков не думать об опасности. А опасность была большая: у каждого подъема, у каждого завала засели мюриды Шамиля, приготовившиеся собственной грудью защитить гнездо своего вождя.

Но Миша нимало не думал об этих врагах. Его смущали иные мысли. Его точно подавляла высота этой страшной твердыни, – высота и неприступность Гунибской горы.

Однако он, по первому же слову генерала, вызвался, в числе прочих храбрецов, войти на эту высоту...

Три года прошло с тех пор, как Миша упал под ударом Гассанового кинжала и как его бесчувственного принесли в

маленькую крепость, а сколько воды утекло с тех пор! За отличие при штурме маленькой крепости Зарубина перевели с повышением в Апшеронский полк. Полянову также дали иное, видное назначение. Они успели уже отличиться и при Буртунае, и при Ведени. Теперь предстоит еще отличиться при Гунибе или... умереть!

В эту последнюю ночь перед штурмом они находились оба в лагере апшеронцев, расположенном недалеко от селения Куяда, у самого подножия Гуниба.

– Я рад, Алексей Яковлевич, – произнес Миша, – что ты зашел поговорить со мною; Бог знает, что может случиться... Так, по крайней мере, отведу душу с тобою в эту последнюю ночь.

– Ну уж и в последнюю! – недовольно протянул тот. – И что ты только не выдумаешь, Зарубин. Если такие молодцы, как ты, да будут уми...

Полянов не окончил и махнул рукою.

– Ты мне лучше вот что скажи, – после минутной паузы произнес он, – давно получал известие о Тэкле?..

– Как же! Как же! – разом оживился Миша. – Сестра мне пишет, что она весела, здорова и скоро опять ее повезут в институт. Каникулы кончаются. Славная девчурка! Как привязалась ко мне! Никогда не забуду, как там, в Цинандалах, куда я повез ее к княгине Чавчавадзе, она растрогала меня. «Ты, говорит, спас мне жизнь, ты мой брат навеки... Не хочу расставаться с тобою ни за что... Хочу быть дочкой твоей

матери, сестрой твоей сестры. Вези меня к своим»...

– Так и сказала? – дрогнувшим голосом переспросил Полянов.

Хотя он уже несколько раз слышал этот рассказ из уст Миши, но зная, с каким удовольствием тот повторяет его, желал хотя этим пустяком развлечь и порадовать друга.

– Да, с тех пор как она у нас поселилась, точно солнце засияло в доме. И сестра успокоилась немного от тяжелой утраты Джемала. Ведь она как родного брата любила его... Всех оживила, расшевелила и пригрела эта милая девочка! Ты не успел, конечно, узнать ее за коротенькое пребывание в крепости, Полянов, но что это за золотая душа!

– Сколько ей теперь лет, Зарубин?

– Четырнадцать, но она кажется взрослой не по летам, как и всякая восточная женщина. Так, по крайней мере, пишет сестра. Они с Потапычем положительно боготворят ее. Впрочем, все ее боготворят – и отец и мама. Ее нельзя не любить – Тэклу! Подумать только: с какой стойкостью выдерживала она все мучения и обиды, не желая изменить вере! И это восьмилетняя крошка! Как после того еще не верить в существование героинь! Знаешь, Полянов, – с внезапным воодушевлением подхватил после минутного молчания Миша, – мне кажется, что недаром очутилась на моем пути эта девочка, точно сказочная фея, там, в Андийском лесу. С первой минуты этот ребенок заполнил все мое сердце. Даст Бог, останусь я жив сегодня, подожду, пока подрастет Тэкла,

а там...

– Ты хочешь жениться на ней, Зарубин?

– Да. Ведь никто никогда не привяжется ко мне так сильно, как этот милый ребенок. И я никого не полюблю сильнее ее, моей Тэклы. Мы видели оба смерть перед глазами, вместе молились и вместе были спасены Милосердным Творцом. Нас связала сама судьба, Полянов! Я верю в это!

– Дай Бог вам счастья, тебе и ей, – растроганным голосом произнес его друг, – оба вы славные. Дай вам Господь! От души желаю те...

Тихий, едва слышный сигнал горниста, прозвучавший над лагерем, прервал его речь.

– Пора, – произнес Миша, – это капитан Скворцов дает знать, что надо идти!.. Прощай, Полянов. Тут уже не увидимся больше. Либо на Гунибе, либо...

Он махнул рукою в небо и обнял товарища. По суровому, некрасивому лицу Полянова пробежала короткая судорога.

Видно, боевой служака крепился через силу, чтобы не проронить непривычную слезу.

– Слушай, Зарубин, – произнес он дрогнувшим голосом, – я тебе вот что скажу: ты, брат, горячий парень. Без толку в пекло не суйся. Я ведь тебя знаю... Помни, твоя жизнь нужна; храбрость и без этого проявить можно. Осторожнее действуй и зря на кинжал не лезь. – И потом, помолчав немного, заключил он нахмурясь: – Человек ты золотой и солдат браваый, и мне душевно будет жаль, если эти разбойники убьют

тебя.

– Во всяком случае, если убьют, – произнес Миша не совсем твердым голосом, – ты сообщи отцу. Он тебя знает по письмам моим и читит, как героя. Ты ему передай, Алексей, что он может быть спокоен: его сын шел по его следам и жизнь свою не щадил ради царя и родины...

– Передам, Зарубин. Облегчу душу старика. А теперь позволь благословить тебя, как старшему брату.

– Спасибо, Алексей! Благодарю, товарищ! – мог только произнести Миша.

Полянов несколько раз перекрестил его, потом обнял крепко, по-братски.

Снова прозвучал сигнал горниста. По этому сигналу охотники должны были неслышно выступить из лагеря и сосредоточиться у самой подошвы горы.

Миша еще раз крепко обнял своего друга, пожал ему руку и поспешил к команде, выстроившейся длинной шеренгой и готовой к началу своего трудного пути.

– Или там, за облаками, или на том свете! – мысленно повторил Полянов и медленно поплелся к своей палатке.

Глава 5

Роковая задача. Снова Гассан

Ночь на 25 августа была черна, как могила. Только зловеще белели уродливыми привидениями горные уступы среди ее непроглядной темноты. Тишина царила кругом. Такая тишина, что, казалось, вымер и Гуниб, и окруживший его плотным кольцом русский лагерь. Только Кара-Койсу да Андийский Койсу нарушают своим монотонным шепотом эту тишину. Лишь едва уловимый, как скреб тигровых когтей по камню, шелест чуть прорывается сквозь рев потоков.

Тихо, неслышно поднимается охотничья команда с уступа на уступ, с камня на камень.

Смельчаки, как кошки, взбираются на утес, подсаживая один другого, зацепляя за чуть заметную горную выбоину шестью.

Чтобы не производить шума, на ногах у всех надеты мягкие чевяки. Впереди охотников лезет бесстрашный начальник капитан Скворцов. За ним удалыцы-юнкера Сресули, Терпев и Миша Зарубин.

Руки и ногти Миши давно уже изодраны об острые кремни и утесы. Страшная ломота от продолжительной непривычной и непосильной гимнастики охватила все тело. Голова кружилась. Сердце бьется так сильно, что, кажется, можно услышать самый звук его биения.

«Еще, еще немного, – подбодрял себя молодой человек, – и я буду вон на том утесе, что белым гребнем выступает из темноты». И он лезет и лезет вперед и вперед, цепляясь ногами за каменную грудь утесов, стараясь не отставать от Сресули, Териева и других.

– Ваше высокородие, – слышится где-то над его головою шепот, – пожалуйста. Я лесенку прикрепил к утесу, на первую террасу влезем.

Это рядовой Молодых, ловкий гигант-парень, привязал веревочную лестницу к уступу и приглашает его... Минута, другая... Слава Богу! Он достигает террасы, согнувшись в три погибели, на четвереньках, как зверь. А впереди много еще таких утесов. Только вряд ли достигнут они их. Каждую минуту могут заметить или, вернее, услышать их мюриды, и тогда... Тогда они на выбор по одному перестреляют их, как куропаток.

Еще долго, очень долго ползти, а уже ночь начинает расплзаться понемногу, и где-то наверху чуть брезжит первая полоса рассвета. Теперь уже яснее выступают над ними глыбы террас. О, сколько сил, нечеловеческих сил надо положить здесь, прежде нежели они достигнут последнего уступа! Теперь не только эти уступы, но и лица своих спутников может отличить Миша в побелевшей пелене рассвета. Бледные, изнуренные лица. Вон змеей извивается перед ним юнкер Сресули, повисший над бездной, ухватясь руками за утес... Вот с трудом вскарабкался он на выступ и оборачи-

вається к Мише.

– Пожалуйте руку, поручик. Я вам помогу. – И улыбается, а у самого пот катится градом. Взобрался совсем, Мише помог взобраться. – Теперь бы вон на вторую террасу, – бормочет он озабоченно, – засветло бы.

И приноравливается забросить веревку за новый гребень. Одиночный выстрел неожиданно раздаётся над их головами. За ним другой, третий.

– Пропало наше дело! – прошептал какой-то солдатик и истово перекрестился широким крестом.

– Врешь, не пропало, – с каким-то бешеным ожесточением произнес другой голос. – Мы, гляди, робя, у цели... Вон и караулка Шамилева на ладони... Так оно и есть.

Миша поднял голову. Что такое? Неужели они под мраком ночи доползли до самой башни, где Шамиль утвердил первую защиту Гуниба!

Действительно, на той террасе стоит караулка... При окончательно водворившемся над горами рассвете можно уже ясно разглядеть башню, из амбразур которой торчат стволы мюридовых винтовок.

– Ну, братцы, не робей. Шашки наголо! С нами Бог! – слышится звучный голос капитана Скворцова. – Не дадим перестрелять себя в одиночку. Ура!

– Ура! – эхом подхватили неустрашимые солдатики и бегом кинулись к башне. Немного их кинулось, человек десять во главе с юнкерами Териевым и Сресеу-ли, поднявшимися

первыми на Гуниб. Остальные еще карабкаются на террасу. Еще работают руками и крючьями. Но их некогда ждать.

– Ура! – кричит вместе с остальными не своим голосом Миша и несется с обнаженной шашкой прямо ко входу башни.

Оттуда грянул залп. Кто-то из бегущих тяжело рухнул с утеса прямо в бездну, кто-то с тихим стоном бесшумно опустился на землю. Некогда смотреть, некогда жалеть.

Из караулки выбежало человек двадцать мюридов, шашки наголо, кинжалы в зубах.

– Ля-иллях-иль-Алла! – завопили они и с остервенением кинулись на русских.

– С нами Бог! – еще раз мощным призывом прогремел голос Скворцова, и разом завязалась жаркая схватка.

Миша очутился в самом центре сражающихся. Вся мысль молодого офицера сводилась к одному: как можно больше уничтожить врагов, как можно скорее проложить путь к Гунибу.

Но русских было вдвое меньше, нежели мюридов. Команда еще не успела взобраться на уступ, и число штурмующих обогатилось лишь двумя-тремя подоспевшими солдатами.

Зарубин смутно понимал одно: надо было драться с удвоенной силой, потому что одному приходилось биться против двоих. А между тем они значительно ослабли, эти силы, от долгого же карабканья на горы дрожала рука, нанося невер-

ные удары.

Быстро тает число нападающих. Миша не может не заметить этого. Несколько человек из его спутников уже лежат на земле, кто с раздробленным черепом, кто с прорванной шашкой грудью... А из караулки бегут новые мюриды...

– Алла! Алла! – вопят они.

О, как невозможно резок и противен ему этот крик! Он напоминает ему отвратительное время его плена, те ужасные мгновения, когда он бежал, преследуемый Гассаном, по поляне к крепостным воротам.

– Помогите, Господи! – шепчут пересохшие губы Миши, и он, собрав последние усилия, поднимает шашку. Перед ним высокий, сухой горец с горящим взором и черной бородою. Красная чалма обвивает его голову. Зарубин быстро поднял на него глаза, и вдруг невольный крик вырвался из груди молодого офицера.

Он узнал красную чалму и хорошо знакомое лицо мюрида.

Гассан-бек-Джанаида был снова перед ним.

Вмиг усталость как-то разом исчезла из его существа. Безумная, острая ненависть охватила его при виде своего мучителя. Жгучей враждой запылало сердце.

– Наконец-то я встретил тебя, разбойник! – крикнул он охрипшим голосом, совершенно не заботясь о том, понимает ли его мюрид.

Но тот, очевидно, понял, потому что его глаза ярко блес-

нули, непримиримой враждой исказилось сухое лицо. Он также с первого взгляда узнал своего бывшего пленника и врага.

– Будь ты проклят! – вскричал он дико и с обнаженным кинжалом кинулся на Мишу.

Но тот был наготове встретить нападение. Он поднял саблю и предупредил ею удар Гассана. Оружия их скрестились теперь. Глаза врагов пожирали взорами друг друга.

Вот снова взмахнул своим кинжалом Гассан, и алая струя крови брызнула из руки Миши. Но Зарубин даже и не заметил раны; все его существо было наполнено одним порывом, одною целью: уничтожить во что бы то ни стало своего злейшего врага. Он поднял шашку и готовился нанести удар прямо в сердце мюрида, но в эту минуту Гассан ловким движением вышиб из его рук оружие и сильным толчком бросил своего противника на землю...

В одну минуту он был уже на груди Зарубина и, придавивая его к земле, хрипел глухим, срывающимся голосом:

– Урус!.. Гяур!.. Собака!.. Будешь помнить канлы Гассана... Умри... собака... гяур!

Острый кинжал быстро взвился над головою Миши.

В пылающей голове Зарубина в один миг мелькнул милый образ: кроткие черные глазки и белокурое личико ребенка.

– Молись за меня, Тэкла! – успели шепнуть губы Миши... Кинжал молнией блеснул перед его глазами... и... разом тело Гассана рухнуло всею своею тяжестью на него: чья-то мет-

кая дружеская сабля ловко ударила в грудь бека Джанаида.

Но и с искаженным от муки лицом, с залитой кровью грудью он еще грозил Мише, протягивая к нему свой окровавленный кинжал.

Зарубин выхватил револьвер и, не целясь, выстрелил в своего врага.

– Велик... Алла... и... Магомет... его пророк!.. Я умираю в священном газавате! – простонал Гассан и закрыл глаза.

Злая улыбка скорчила лицо его и застыла на нем навсегда. Пуля Миши угодила ему в сердце.

* * *

Следом за командой охотников на Гуниб поднялся и первый батальон апшеронцев под начальством полковника Егорова.

На каждом утесе, за каждым завалом их поджидали неутомимые защитники Гуниба, принимая прямо на шашки и кинжалы храбрецов, русских удальцов. И несмотря на страшное сопротивление, к шести часам утра этот путь на Гуниб был очищен.

В то же время 21-й стрелковый батальон, по приказанию генерал-майора Тарханова, взобрался туда по северному скату, а шедший с ним батальон Грузинского полка был отправлен в обход аула к сакле, где находился Шамиль.

Тогда же, несколько позднее, взобравшийся на Гуниб пол-

ковник Радецкий, командовавший другим батальоном Апшеронского полка, окружил самый аул.

Густой туман застилал горы и мешал защитникам Гуниба видеть движение русских войск. Только когда штурмующие показались у самых стен аула, мюриды с дикими криками кинулись вовнутрь его и, засев в сакли, приготовились мужественно встретить неожиданных гостей.

Глава 6

В мечети. Долг чести и долг крови

– О мой Абдурахим, мой повелитель, кажется, пришел наш смертный час! Ты слышишь эти ужасные крики? Гяуры в ауле! Гяуры здесь!

И бледная как смерть Патимат закрыла в невыразимой тоске лицо руками. Это лицо, чуть-чуть освещенное лампадами мечети, теперь осунулось и исхудало, как у труднобольной...

Страх и отчаяние наложили свою тяжелую печать на нежные черты молодой женщины. Прижавшись к груди мужа, она скрыла на ней свое испуганное личико и не слышала тех ласковых слов и увещаний, которыми он старался успокоить свою юную подругу.

Да и не одна она была полна смятения и страха. Шуанет, Зайдет, Нажабат и Написет, даже обычно спокойная и флегматичная Написет, были насмерть перепуганы всем происходящим.

Да и не только они: у Кази-Магомы, у Магомет-Шеффи и у прочих, укrywшихся вместе с ними в мечети, были такие же взволнованные лица.

Только двое людей спокойны, точно весь этот ужас не касается их.

Эти двое людей – Зюльма и Шамиль.

Зюльме нечего опасаться. Самое худшее, что может ее ожидать, – смерть – не пугает вдову Джемала. Ведь смерть желанна для бедной Зюльмы. Только смерть соединит ее в садах Аллаха с ее мертвым Джемал эдд ином.

А Шамиль? Какое властное и могучее решение написано на его высоком челе! Последнее решение... Он привел в мечеть всю семью из аула, чтобы погибнуть последним здесь, под сводами мечети.

И женщины и дети должны умереть вместе с ним. Не в рабство же урусам отправить его бедных, его дорогих детей...

Нет! Лучше пусть они примут смерть из рук своих близких и родных...

Когда русские подойдут к джамии, он прикажет сыновьям убить женщин, а потом... потом погибнет сам с пением священного гимна на устах. Так велит ему долг чести, так приказывает ему его собственное сердце – сердце верного слуги Аллаха и ретивого последователя тариката. Он умрет в священном газавате, умрет в борьбе за свободу горцев, как и подобает имаму-вождю, как умер двадцать семь лет тому назад его учитель и наставник Кази-Мулла.

А шум битвы приближается с каждой минутой. Уже слышно, как они штурмуют нагорные сакли. Нет сомнения больше: русские ворвались в аул. А еще на заре он, Шамиль, объезжал своих воинов, ободряя их, повторяя им, что Гуниб неприступен и что взять его невозможно...

Да разве есть что-либо невозможное для этих шайтанов-русских?..

Взяли Ахульго, взяли Дарго-Ведени, берут Гуниб! Ничто не в силах их охранить. Надо покориться судьбе и отдать им все, и землю, и свободу, и жизнь... Только чем же виноваты его бедные дети, его несчастные жены? Пусть казнят его – Шамиля, но помилуют их!.. Нет, нет! Это невозможно. Они не забудут его вины, эти урусы, не забудут гибели тех несчастных, которых он убивал у себя в плену, и не помилуют в свою очередь его близких...

– Мой верный Юнус, – говорит он своему приспешнику и другу. – Ты слышишь? Шум приближается, мои старые уши не обманывают меня!

– Так, повелитель, гяуры близко! – отвечает тот. Действительно, страшный гул повис над аулом. Вот ближе и ближе шум кровавой сечи. Стоны и вопли повисли в воздухе. Отчаянные крики «Аман! Аман!»¹¹⁷ покрывают их.

– Аман? – нахмурясь произносит Шамиль. – Нет, пощады не будет. Напрасно просит о ней, у кого ослабела воля и кто не имеет мужества погибнуть в газавате! – мрачно заключает он.

Вот уже совсем близко слышится победный крик русских. Русская непонятная речь звучит уже на самой площади.

Сейчас они ворвутся сюда. Сейчас увлекут его и близких отсюда, чтобы столкнуть в черное отверстие гудыни.

---

¹¹⁷ Пощады! Пощады!

– Кази-Магома! – говорит он сурово, отворачивая свои взоры от глаз сына. – Делай то, что я приказал тебе: обнажи твою пашку, наступил час, когда нужно исполнить то, о чем я тебе говорил, и да помилует Аллах души невинных.

Белее белого снега на Дагестанских вершинах стало лицо Кази-Магомы.

– Убить женщин? Это ли велишь ты мне, повелитель? – с дрожью спрашивает тот.

– Что же, лучше, по-твоему, чтобы они, как последние рабыни, прислуживали женам урусов или погибли в мрачной тюрьме у наших врагов?.. Исполни то, что тебе приказываю, Кази-Магома, сын мой! – сурово заключил имам.

Тот нерешительно подошел к группе женщин. Там слышались стоны и плач.

– О повелитель! – вне себя кричала Зайдет. – Ты всю жизнь свою посвятил Аллаху! Ты был ему верным слугой. Так неужели все это было для того только, чтобы увидеть на закате своей жизни окровавленные трупы твоих жен и детей?.. Если Аллах так могуществен и велик, если Он умел принимать людские почести, то пусть спасет своих верных рабов, пусть помилует их!

– Не богохульствуй, женщина! – остановил ее, дико сверкнув глазами, Шамиль.

– Мать права! – иступленно рыдая, кричала Нажабат. – За что мы умираем? Зачем ты требуешь нашей смерти, отец?.. Я молода, я не ведала жизни, я жить хочу! Жить!

Жить! Жить!

– Ты умрешь, потому что смерть лучше рабства, несчастный ребенок! – произнес печально имам.

– Я предпочитаю жить в рабстве у русских, которые простили и приняли моего отца, нежели умереть... – надменно произнесла Керимат, обдавая Шамиля негодующим взглядом.

И снова слезы и стоны наполнили своды мечети. Имам отвернулся от женщин и, распростершись на полу, стал громко молиться:

– О Великий Предвечный Анд! Прими в Твои руки несчастных! Невинная кровь их чистой рекою польется к подножию Твоего престола! Прими их, Бессмертный, на лono Твоих садов!

Обильные слезы текли по лицу несчастного, скатываясь на его белые одежды и на каменный пол мечети. До исступления молился Шамиль.

Кази-Магома, не смея ослушаться отца, ближе придвинулся к женщинам. Рука его дрожала. Лицо стало иссиня-бледным, как у мертвеца.

Сейчас поднимется над головою первой жертвы его острый кинжал и первая пара очей, волею Аллаха, потухнет навеки...

Крики и стоны Зайдет перешли теперь в смутные угрозы. Керимат и прочие вторили ей. Они боялись смерти и не хотели умирать.

– Да падет наша гибель на твою голову, имам! – истерично выкрикивали женщины, и глаза их бешено сверкали на помертвевших от страха лицах.

– Отец! Отец! Пощади нас! – вопила Нажабат, заламывая руки.

А двери мечети уже вздрагивали под напором сильных ударов. Громкие крики слышались за порогом ее... Вдруг чей-то нежный голосок прозвенел над склоненной головой Шамиля:

– Бедный отец! Бедный отец! Как ты страдаешь!

И в один миг смуглые худенькие ручки обвились вокруг его шеи... Чьи-то черные глаза впились в имама наполненным слезами взором. Он поднял голову.

Перед ним было измученное, кроткое личико Патимат.

Крепко обнял свою любимую дочь Шамиль и, прижав ее к груди, тихо спросил:

– И ты, наверное, мое сердце, бранишь твоего старого отца, что из-за него должна расстаться с жизнью?

– О повелитель! Ты приказал нам умереть – и я умру! – произнесла бесстрашно Патимат. – Они боятся смерти, – кивнула она на остальных женщин, – но я покажу им, как не страшно умирать тому, кто не чувствует вины за собою!

И она смело подошла к Кази-Магоме и твердо сказала, подняв на него свои прелестные глаза:

– Ударь меня первую твоим кинжалом, господин! Пусть остальные видят, как смело умирает дочь имама!

Абдурахим и Зюльма с двух сторон бросились к ней.

– Спешите, Кази-Магома, – повелительно крикнула она брату, – а то урусы сейчас ворвутся в мечеть и уже будет поздно тогда.

Потом положила на грудь мужа свою белокурую головку и кротко улыбнулась ему.

Кази-Магома взмахнул кинжалом. Минута... и кровь первой жертвы обогрела каменные плиты мечети.

– Стой, Кази-Магома! – раздался в ту же секунду за его плечами отчаянный голос имама. – Патимат, моя бедная дочь, живи! И вы все живите с Аллахом и миром. Ценою собственной жизни я куплю ваше спасение!.. Я отдам себя самого в руки урусов, с тем чтобы они сохранили вашу жизнь... Мой верный Юнус, и ты, Хаджи-Али, и ты, Магомет-Худанат, – обратился он к трем оставшимся в его свите мюридам, – ведите меня к русскому сардару... Я, ваш имам и повелитель, сдаюсь белому падишаху!

С этими словами он вышел из мечети в сопровождении своих трех вернейших слуг и друзей.

Глава 7

За отцом. Странная встреча

Лишь только высокая, широкоплечая фигура имама скрылась за порогом мечети, сравнительное спокойствие воцарилось там.

Стоны и вопли женщин утихли.

Теперь они знали, что им нечего бояться: опасность миновала. Шамиль отправился с повинной к русскому сардару. Они, русские, наверное, казнят его, но зато они останутся живы...

Одно только существо не переставало мучительно волноваться, поминутно прислушиваясь к тому, что делается на улице.

– Ты слышишь, Зюльма, как они кричат? Это они увидели отца! – в тоске лепетала Патимат своей маленькой подруге.

– Они торжествуют, что добрались до него... Он нелегко достался им – повелитель!

– О, Зюльма! Мое сердце бьется, как подстреленная птица! Я боюсь, что они... они... убьют его! Да, да, они убьют его, Зюльма. Моя душа говорит мне это. Он пошел умирать за нас...

– Успокойся, звездочка-джаным! Если и суждена твоему отцу смерть пророком, то он сумеет умереть, как подобает шагиду, во славу священного газавата. Успокойся, дитя!

И сама полуробеноч по летам, но вполне взрослая по испытанным ею тяжелым страданиям, Зюльма крепко обняла свою подругу.

Но Патимат уже не слушала ее. Как острые лезвия кинжалов вонзились ей в сердце слова Зюльмы: «Он сумеет умереть, как шагид, во славу священного газавата».

Он, отец! Ее отец, которого она так нежно и горячо любит!

О, как недосыгаем он был для нее прежде, там, в Ведени, когда она видела его из окон сераля идущим в сопровождении огромной свиты мюридов в мечеть или творившим суд на гудекане! Там он был святейший имам, властитель, вождь, на которого она не смела поднять очи, которого даже не смела любить, и вдруг неожиданно в ту ночь пути к Тилетлю этот вождь и имам показался ей таким бедным, таким несчастным, одиноким существом! Острая жалость впиалась к ней тогда в сердце, и боязнь и страх перед ним исчезли у нее: она увидела в нем в ту минуту близкого человека, любимого отца.

И теперь ему, этому дорогому, любимому отцу, грозит опасность, смерть! Ему, всеми покинутому, обиженному, оскорбленному! Его бросят в гудыню, замучают, убьют!

О!

Слезы разом высохли на прекрасных глазах Патимат.

Она гордо выпрямилась. Взор ее загорелся дивным огнем. И, выйдя на середину мечети, она обратилась к толпе.

– Отец пошел отдавать свою жизнь за нас уру-сам, – за-

дрожал под сводами храма ее звенящий голос, – и мы отпустили его, старика, убитого горем... Его, может быть, убивают в это время, а мы спокойны! Мы согласились принять его жертву ради нашего спасения!.. Нет! Нет! Этого не будет! Я пойду к гяурам и на коленях вымолю пощаду отцу... Я до тех пор буду ползать у ног сардара, пока он или помилует его, или прикажет убить меня, как ничтожную муху!

И прежде чем кто-либо успел опомниться, она с быстротою молнии кинулась из мечети. Абдурахим бросился за нею.

* * *

– О, какой ужас! Сколько крови! О мой Абдурахим, накрой мне очи чадрою, чтобы я не видела этого кровавого моря кругом! – тихо шептала Патимат, пробираясь по усыпанной изуродованными телами улице аула.

Некоторые сакли еще пылали. Русские, не зная, что вождь мюридов сдался, продолжали драться в ауле, штурмуя и беря приступом сакли.

Абдурахим и Патимат, как кошки, крались задними переулками селения, между дворами и пристройками, чтобы не быть замеченными русскими. Они не знали, где находится сардар, и шли наугад, повинувшись голосу инстинкта.

А кругом них кипела битва. Вон за теми зданиями дрались еще: длился неумолимый и страшный рукопашный бой.

Всюду мелькали лица врагов. Русская речь и крики покрывали гортанные голоса горцев.

– О, лишь бы они не заметили нас! – в тоске лепетала Патимат, прижимаясь к своему путнику.

– Ты боишься, ласточка?

– Не за себя, мой повелитель! Я – женщина, а с женщинами они не дерутся. Мне страшно за тебя, мой Абдурахим!

– Пока со мною мой кинжал, тебе нечего бояться, дорогая, – сверкнув глазами, произнес тот. – Впрочем, мы теперь удаляемся от битвы. Вон за теми саклями начнутся более безопасные места.

– Алла! Алла! – послышалось несколько голосов неподалеку от них в эту минуту... И вмиг затрещали выстрелы винтовок, зазвенели сабли...

Среди шума, крика и стонов раздался нестройный хор нескольких голосов:

Воины смелые Аллаха!
Меч священный обнажите...
И во славу газавата
В битвах головы сложите...

– Ты слышишь? – вскричал Абдурахим. – Там умирают наши мюриды. Они зовут на помощь своим гимном... Я должен спешить к ним...

– И я! И я за тобою!

В одну минуту они были у входа в саклю. Там кипела

схватка. Несколько русских солдат схватились с засевшими в ней мюридами, стараясь выбить их из убежища.

При виде присоединившихся двух новых врагов (в полутьме сакли они не могли заметить женской чадры Патимат) нападающие с громким криком «ура!» еще ожесточеннее кинулись в бой. Мюриды не уступали им.

– Сам имам прислал нам своих детей на помощь! – кричали мюриды, воодушевившись присутствием молодой четы. – Умерших в газавате ждет рай, не бойтесь, правоверные!

Абдурахим тоже выхватил из-за пояса свой кинжал и кинулся в середину мюридов.

Патимат, прижавшись к стене, в ужасе следила за мужем.

Вот высокий, плечистый стрелок-апшеронец бросился на него с поднятым наперевес штыком. Но Абдурахим ловок, как тигр, и одним прыжком очутился в стороне от врага. Вот сзади него новый враг с поднятой саблей. Но его движение подкараулил ближайший мюрид, и урус летит на пол с раскроенным черепом. Там уже много лежит таких урусов, а мюриды держатся стойко. Их выбыло куда меньшее число, нежели врагов.

«Слава Аллаху, теперь врагов осталось только трое», – быстро мелькает мысль в пылающем мозгу Патимат.

Вот и последний из них валится, пораженный шашкой правоверного.

Но вдруг новая толпа урусов с безумным торжествующим криком врывается в саклю.

– Сдавайтесь на милость государя! – кричит их предводитель, молодой загорелый офицер с орденом в петлице.

Что-то знакомое чудится Патимат в этом офицере, в его синих глазах, не имеющих в себе ничего зверского. Но кого он ей напоминает, она решительно не может вспомнить. Усталый мозг работает вяло. А сердце бьется страхом за мужа и отца. До чего-либо иного ей нет дела теперь... О, если бы не этот гимн, обязывающий каждого правоверного спешить на помощь братьям, она ни за что не пустила бы сюда Абдурахима...

– Во имя Аллаха умрем в священном газавате, правоверные! – снова слышится призыв обезумевшей от страха женщине.

– Так умирайте же, упрямы! – кричит синеглазый урус и бросается в самую толпу врагов.

Один за другим, как подкошенная трава, валятся мюриды. Вот их уже трое, четверо осталось, не больше.

Впереди всех рубится Абдурахим. Вдруг русский офицер заметил его и бросается к нему с обнаженной шашкой. Вот они схватились оба. Вот бьются насмерть. Шашка уруса уже занесена над головой Абдурахима...

Вдруг в один миг перед синеглазым офицером очутилась легкая фигурка и заслонила горца от его удара. Это женщина... Чадра ее отброшена на спину, и юное бледное личико почти у самого его лица.

– Патимат! – вскрикивает Миша Зарубин и роняет саблю.

Там, на краю гудыни, в свою предсмертную ночь он видел уже раз это юное личико... Видел мальчика-горца с этими знакомыми черными глазами и теперь сразу узнал его.

– Патимат! – еще раз произносят его губы.

– Есырь Гассана! Гяур-кунак! – отвечает она, разом узнав в свою очередь бывшего Веденского пленника, и счастливая улыбка озаряет ее бледное лицо.

– Эй, кто из вас знает по-чеченски? – в ту же минуту обращается к солдатам Миша.

Один из апшеронцев, солдат Сидоренко, выступил вперед; он побывал когда-то в плену Шамиля и знает горский язык.

– Скажи ей, – приказал ему Зарубин, – что, кто бы ни был этот, – он кивнул на Абдурахима, – я дарю ему жизнь. Из-за нее дарю... За ее доброту и заботы обо мне в ту ночь, на краю гудыни, когда я сидел в плену. Переведи ей и спроси, кто она.

Солдатик в точности исполнил приказание. Выслушав ответ Патимат, он перевел его своему начальнику.

– Она не простая горянка, ваше высокородие, – пояснил он. – Дочкой самому Шумилке приходится... а этот горец муж ейный, значит, – бесцеремонно ткнул он пальцем в Абдурахима.

Дочь Шамиля? Патимат? Сестра Джемала? Та самая сестра, за которую Джемал просил заступиться его, Мишу? Патимат, подруга Тэклы, добрый ангел сераля!..

Так вот с кем столкнула его судьба.

– Патимат... голубушка... милая! – оживленно заговорил Миша, протягивая руку молодой женщине. – Как я рад, что вижу вас... Ведь Джемал мне друг... кунак был... Да переведи ты ей, ради Господа, Сидоренко! – нетерпеливо крикнул он солдату.

Тот живо исполнил приказание. Патимат радостно закивала головою.

– Яхши! Яхши! Кунак Джемала наш кунак, – залепетала она оживленно, и вдруг легкий румянец, набежавший было на ее лицо, внезапно скрылся, и она снова побелела, как стены сакли.

– А отец? Где отец? Урус, не знаешь? – схватив за руки Мишу, в смертельной тоске прошептала она.

Сидоренко, продолжавший свою роль переводчика, перевел ее слова.

Миша, ничего не знавший про Шамиля, поспешил, однако, успокоить свою старую знакомую.

– Скажи ей, братец, что Шамиля мы разыщем и отведем ее к нему. Что я не дам ее в обиду и буду защищать обоих, потому что они близкие моего друга Джемала. Переведи ей это.

Тот исполнил приказание молодого офицера.

Тогда Абдурахим, до сих пор хранивший упорное молчание и мрачно поглядывавший на своего недавнего врага, выступил вперед и сказал:

– Я знал и прежде, что урусы храбры и дерутся, как львы, но что они великодушны, это я узнаю теперь. Веди нас к сардару, саиб. Там наш отец!

Сидоренко передал его слова, и молодые люди крепко пожали руки друг другу.

Глава 8

Пленный вождь

В ту же минуту, когда из мечети вышел Шамиль в сопровождении своей верной свиты, громкое «ура!» пронеслось над аулом.

Это «ура!» заставило вздрогнуть до сих пор бесстрашного имама. В этом «ура!» ему почудился голос смерти.

Магомет-Худанат, следовавший за своим вождем и повелителем, увидя этот трепет, успел шепнуть ему:

– О святейший! Прикажи, и я обнажу шашку... Умрем в газавате, имам, но не дадим торжествовать урусам...

– Нет! – угрюмо ответил Шамиль. – Аллах требует, чтобы я испытал за мои и ваши грехи весь ужас унижения перед врагами и принял позорную смерть в плену и из их рук. Пусть исполнится воля Его!

На площади аула уже ждал имама присланный за ним главнокомандующим полковник Лазарев.

– Имам, – обратился последний к Шамилю, – всему миру известно о твоих подвигах, и слава их не померкнет никогда. Мы, русские, привыкли ценить и уважать героев, даже если они наши враги. Если ты, покорясь силе судьбы, выйдешь к главнокомандующему и предашься великодушию нашего государя, то спасешь этим от гибели тысячи оставшихся в живых, тебе преданных людей. Заверши же твои славные по-

двиги поступком благоразумия и великодушия и сдайся добровольно... От имени главнокомандующего даю тебе честное слово русского офицера, что тогда ни один волос не спадет с головы твоей и всех твоих близких... Главнокомандующий, кроме того, будет ходатайствовать перед государем об обеспечении будущности твоей и твоего семейства.

Шамиль с угрюмым видом слушал речь русского офицера. Он точно еще колебался, но вдруг молча рванулся вперед и вскрикнул:

– Иншаллах!

Кто-то подвел лошадь к Шамилю, кто-то помог ему сесть в седло, и, окруженный толпою русских, пленник направился к ставке русского главнокомандующего, князя Барятинского. За ним пошли 60 вооруженных нукеров, его верных телохранителей.

Громовое русское «ура!» не переставая гремело над аулом, и это «ура!» разрывало сердце пленного вождя.

Шамиль был твердо убежден, что его везут на верную смерть и что слова русского полковника были сказаны, только чтобы ускорить сдачу. Кругом него пылали сакли и еще далеко не затихала битва, вырывая последние жертвы из рядов его доблестных защитников – мюридов.

Вот он ближе и ближе подвигается к ставке. Вот и березовая роща, где поджидает его русский сардар и где ждет его... смерть. Да, смерть, потому что он уверен, что там, в русском лагере, для него уж приготовлена плаха... О! Он не боит-

ся смерти. Смерть в священном газавате всегда улыбалась ему. Каждый воин Аллаха, погибший за веру и свободу мусульман, обретает рай. Он это знает твердо и верит этому. Но умереть от руки палача! Умереть пленником!.. Не такая смерть снилась ему – бесстрашному имаму!

А между тем с каждым шагом коня он приближается к ней. Вот уже видна и ставка на опушке. О, какая большая толпа ожидает его там! Гяурам, конечно, лестно взглянуть на гибель их заклятого врага...

Смерть последует тотчас же или его будут судить раньше?.. О, как мучительна эта неизвестность! Успеет ли он, по крайней мере, обнять жен и детей? Позволят ли ему это?.. Вот и ставка. Теперь уже близко, близко от него фигура сардара, его последнего смертельного врага.

И, повинувшись какому-то внутреннему инстинкту, Шамиль быстро спешил в тридцати шагах от места, где его ждал Барятинский, и медленно стал приближаться к князю...

Блестящая свита и вид самого сардара смутили пленника. С опущенными глазами, опершись одной рукой на кинжал, приближался к ним Шамиль и молча предстал перед сидевшим на камне русским главнокомандующим.

Несколько секунд продолжалось молчание. Первым нарушил его князь, сказав через переводчика:

– Ты не принял моих условий, Шамиль, и не пожелал прийти ко мне в лагерь на Кегерские высоты, когда я предлагал тебе сдаться. Теперь я с войсками пришел за тобой.

Ты видишь, Бог и справедливость на нашей стороне. Ты мой пленник.

Непобедимый когда-то вождь весь вздрогнул при первом же звуке этого последнего слова.

«Да, он пленник! Больше того! Он приговоренный! Почему же медлит князь и зачем не велит казнить его тотчас же?»

– Сардар! – произнес он глухим, но твердым голосом, хотя губы его дрожали. – Я не внял твоим советам, не осуждай меня! Я тридцать лет только и мечтал о том, чтобы добыть свободу для правоверных. Тридцать лет я стремился освободить от русского владычества горцев, так как я считал, что наш смелый, свободный по духу народ не должен нести позорное иго у христиан: это противно нашей вере, противно заветам Магомета... Тридцать лет я только и думал о том, как бы доставить свободу всем народам Кавказа, и никакие трудности, никакие неудачи, никакие поражения не могли отнять у меня надежды на успех. Но теперь я вижу, что еще не наступил день свободы, вижу, что пророку угодно, чтобы его народы и впредь терпели чужое иго... У меня осталась лишь небольшая горсть верных воинов. Сам я стар, утомился и не в силах уже больше вдохновить горцев к новой борьбе. Я подчиняюсь воле Аллаха, не достигнув того, чему я посвятил всю жизнь: не завоевав свободы моему народу... Я сдаюсь, и моя жизнь отныне в твоих, сардар, руках...

Потом, помолчав немного, он прибавил: – Я не боюсь смерти, нет! И до последней капли крови сражался бы в свя-

ценном газавате во славу Аллаха! Я погиб бы с мечом, как повелел великий пророк, но моя борьба повлекла бы к гибели моих жен и детей. Ради них я сдался, сардар, и готов умереть на плахе, но мои дети... мои бедные дети!.. Их я сдаю на милость белого падишаха!.. Теперь я сказал все и готов умереть...

Странным огнем загорелись очи Шамиля. Фигура его выпрямилась. Губы горделиво сложились. Что-то прекрасное и могучее было в эти минуты в плененном. Что-то бесстрашное в спокойных, словно изваянных из мрамора чертах. Да, он не боится смерти! Не ищет спасения!

– Слушай, Шамиль, – и голос князя зазвучал неизъяснимой лаской, когда он обратился к пленнику, – слушай: наш государь милостиво решил твою участь. Он не желает смерти ни твоей, имам, ни твоих жен, ни детей... Он ценит тебя как героя, боровшегося за свободу, и дарует тебе жизнь. Ты, с семьей твоей, будете перевезены в Россию. Никто из вас не потерпит лишений и обиды. Государь соизволил даже назначить тебе пожизненную пенсию, чтобы ты мог жить безбедно, как приличествует вождю храброго народа. Наш всемилостивейший император признает твою храбрость, твои высокие порывы, твои боевые заслуги, имам!

Что это? Не ослышался ли он, Шамиль?.. Так ли сумел понять слова сардара?

«Император признает твою храбрость, твои высокие порывы, твои боевые заслуги!»

Счастливым блеском загорелись очи имама. Неизъяснимой гордостью наполнилось его сердце.

– Сардар! – с дрожью в голосе произнес он, вперив свой огненный взор в лицо Барятинского. – Сардар! Я до сих пор шел против вас, русских, по повелению тариката. Я был вашим врагом. Я в один год взял до тридцати русских крепостей. Я уничтожил ваши войска в Андийских лесах. Я едва не создал одного могучего Дагестанского царства на Кавказе... Теперь я, бессильный пленник, сдался на милость белого падишаха, и падишах дарует мне жизнь... Аллах рассудил мудро. Волею Его далась вам победа над нами. Значит, вы были более достойны ее. Передай государю, сардар: я благодарю его за его милость ко мне, поздравляю его с владычеством над Дагестаном, и да будет отныне мир на благо нашего и вашего народа!

Шамиль кончил. Взор его потух. Стройная не по годам фигура как-то разом сгорбилась и поникла.

И вдруг взор его загорелся снова... В стороне ставки он увидел всю свою семью, доставленную сюда русскими из гуньбской мечети.

Быстрыми глазами окинул он толпу женщин и остановил их на дорогом, заплаканном личике своей Патимат.

Черные глаза молодой женщины впивались в отца любящим, скорбным взором.

Ей уже успели сказать, что Шамилю не грозит никакая опасность, но она все еще не доверяла русским и готова была

ежеминутно кинуться к сардару и молить его о пощаде для своего старого отца.

Шамиль все это ясно в один миг прочел в печальных, встревоженных глазах дочери.

Что-то горячее, как лава, подошло к его сердцу.

Воин и вождь как-то разом исчезли в нем.

Всю душу наполнило сладкое отцовское чувство.

– Моя бедная Патимат, – произнес он беззвучно, – все вы бедные мои! Сколько невольного горя причинил вам старый ваш отец!

И вдруг перед его мысленным взором предстала чья-то легкая воздушная фигура, чье-то бледное лицо улыбнулось ему светлой, ласковой улыбкой...

Старик весь замер на мгновение. Потом тихий свет разлился по его суровым чертам. Губы беззвучно прошептали:

– О мой Джемалэддин! Твоя душа может быть спокойна. Я помирился с белым падишахом. Я предался в его руки. Спи с миром, мой бедный любимый сын!..

И тихим скорбным светом засияли обычно мрачные очи пленного Шамиля.